

ПРЕЛЮДИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Глава 20

УЛЬТИМАТУМ

После завершения Московского Государственного совещания перед Временным правительством встали две важнейшие проблемы — реорганизация кабинета в соответствии с новым соотношением политических сил и ликвидация растущего подпольного движения среди офицерства. После неудачного восстания 3 июля, бегства Ленина в Финляндию и последовавшего за этим развала партийного аппарата большевиков как на фронте, так и по всей стране стали возникать разного рода "тайные" армейские организации. Начало германского наступления на Северном фронте и падение Риги лишь усилили необходимость создания нового кабинета.

В правых кругах оппозиции каким-то образом стало известно, что во время работы совещания я предпринял неофициальные попытки войти в контакт с некоторыми кругами, с тем чтобы заручиться их поддержкой при выполнении насущных задач, стоявших перед правительством. 16 августа после возвращения в столицу я получил от князя Львова известие, что его просил устроить встречу со мной А. Н. Аладьин*. Деятельность Аладьина в Англии носила довольно сомнительный характер, и Львов вследствие этого отказался содействовать встрече; однако он счел необходимым передать мне слова Аладьина, которые он многозначительно произнес, перед тем как откланяться: "Передайте Керенскому, что любые изменения в кабинете могут иметь место лишь с одобрения

---

* Член I Думы, который только что возвратился в Россию в форме английского лейтенанта. В течение некоторого времени он находился в Англии.

Ставки". Нетрудно было догадаться, с кем в Ставке имел контакты Аладьин: мы уже знали о существовании тайных антиправительственных ячеек в Центральном комитете Союза офицеров армии и флота. Предупреждение Аладьина не слишком обеспокоило меня, поскольку уже было принято решение вывести этот союз из Ставки и арестовать некоторых из наиболее активных его членов.

22 августа из Москвы приехал повидаться со мной Владимир Львов. С первых дней существования Временного правительства вплоть до середины июля Львов занимал пост обер-прокурора Священного синода. До этого он примыкал к консервативной фракции Думы, известной как "Центр". Будучи глубоко набожным человеком, Львов был возмущен влиянием Распутина в высших церковных кругах. За пять лет нашего совместного пребывания в Думе мы с ним стали хорошими друзьями и, несмотря на его вспыльчивость, он нравился мне прямоотой и искренностью. Тем не менее, когда 1 июля я стал премьер-министром, я не просил Владимира Львова остаться в составе кабинета. В августе должен был состояться Вселенский церковный собор, которому надлежало рассмотреть новый статус самостоятельности Русской православной церкви. Это требовало от прокурора особого такта и деликатности, а также глубокого знания истории церкви. Нам казалось, что на такой пост более подходит видный член Петербургской академии А. В. Карташов, который и получил это назначение. А Владимир Львов долгое время держал на меня зуб за, как он выразился, "отстранение" его от деятельности по лечению Русской православной церкви от паралича, который поразил ее еще в те времена, когда Петр Великий упразднил патриаршество и провозгласил себя главой церкви.

На нашей памятной встрече 22 августа Львов с самого начала подчеркнул, что он не просто наносит мне светский визит, а выполняет возложенное на него поручение. И стал убеждать меня, что, теряя поддержку влиятельных кругов и опираясь на Советы, которые, как он выразился, со временем отделаются от меня, я ставлю себя в сомнительное, а точнее, в опасное положение.

Я знал, что Львов и его брат Н. Н. Львов входили в либеральные и умеренно-консервативные круги Москвы. Мне было известно также, что на специальном совещании "гражданских лидеров", проведенном в канун Государственного совещания, они настраивали общественность и против Временного правительства, и против меня лично: не ушла от моего внимания и подчеркнуто теплая встреча, которую они оказали на Государственном совещании генералу Корнилову. Имея все это в виду, я дал ему выговориться и, когда он кончил, ограничился одним вопросом: "Что же вы теперь хотите от меня?" Он ответил, что есть "определенные круги", готовые поддержать меня, и только от меня зависят условия, на которых можно прийти с ними к соглашению. Я напрямую спросил, от чьего имени он пришел. Он ответил, что не уполномочен сообщать это, однако, если на то будет моя воля, он передаст суть нашего разговора тем людям, которых представляет.

"Конечно, передайте, — ответил я. — Вы же понимаете, что я сам заинтересован в создании правительства на широкой основе и вовсе не цепляюсь за власть". Судя по всему, наша встреча удовлетворила Владимира Львова. Перед уходом он сообщил, что вновь навестит меня.

Я не придавал особого значения посещению Владимира Львова, поскольку в то время ко мне нередко обращались люди с такого рода поручениями. Кроме того, днем раньше пала Рига, и я был вынужден уделять все внимание критическому военному положению. Первым мо-

им шагом была передача в подчинение Верховного главнокомандующего Петроградского военного округа, за исключением самого города, и просьба к нему перебросить в Петроград в распоряжение правительства части Конного корпуса.

В день визита ко мне Львова в Ставку для обсуждения всех этих мер с генералом Корниловым отправились управляющий военным министерством Борис Савинков и начальник кабинета военного министра полковник Барановский. Я поручил Савинкову проследить за тем, чтобы командование Конным корпусом не было поручено генералу А. М. Крымову и чтобы в состав корпуса не включали Кавказскую кавалерийскую дивизию, известную под названием "Дикая дивизия". Я знал, что Крымов и офицеры "Дикой дивизии" были тесно связаны с группой армейских заговорщиков.

По возвращении из Ставки Савинков и Барановский доложили, что генерал Корнилов принял мои предложения. Он согласился с тем, чтобы оставить Петроград под юрисдикцией Временного правительства и чтобы кавалерийские части были отправлены без генерала Крымова и "Дикой дивизии". Они также сообщили, что генерал Корнилов согласился самолично предпринять меры против нелояльного Центрального комитета Союза офицеров и флота.

23 августа в резиденции британского посла состоялась встреча, о которой я узнал спустя много лет. Вот что пишет о ней сэр Джордж Бьюкенен:

"В среду 23 августа (5 сентября н. ст.) 1917 года меня посетил мой русский друг, занимавший пост директора одного из ведущих петроградских банков, и сообщил, что попал в весьма щекотливое положение: к нему обратились с просьбой, имена этих людей он назвал, за выполнение которой ему явно не следовало браться. Эти лица, продолжал он, хотят поставить меня в известность, что их организацию субсидируют несколько высокопоставленных финансистов и промышленников, что она может рассчитывать на поддержку Корнилова и армейских корпусов, что она приступит к осуществлению операции в следующую субботу, 26 августа (8 сентября н. ст.) и что правительство будет арестовано, а Совет распущен. Они надеются, что я окажу им содействие, предоставив в их распоряжение английские броневики, а в случае провала помогу им скрыться.

Я ответил, что со стороны упомянутых господ весьма наивно просить посла принять участие в заговоре против правительства, при котором он аккредитован, и что если бы решил выполнить свой долг, то был бы обязан разоблачить их заговор. И хотя я не обману их доверия, тем не менее на мою моральную помощь и поддержку они рассчитывать не могут. Напротив, я рекомендую им отказаться от этой затеи, которая не только обречена на провал, но и будет немедленно использована в свою пользу большевиками. Будь генерал Корнилов более прозорлив и мудр, он подождал бы, пока большевики сделают первый шаг, и уж тогда покончил бы с ними"*.

Само собой разумеется, сэр Джордж не мог обещать поддержку Путилову, тем не менее соглашение о броневиках, видимо, было достигнуто. 28 августа 1917 года, когда войска генерала Крымова стремитель-

---

* *Buchanan G. My Mission to Russia. Vol. 2. P. 175—176.* Посла посетил не кто иной, как крупнейший банкир А. И. Путилов, о чем много лет спустя мне лично рассказал сам сэр Джордж.

но приближались к Петрограду. Корнилов направил в генеральный штаб 7-й армии Юго-Западного фронта следующее распоряжение: "Срочно отдайте приказ командиру Британского бронедивизиона перебросить все военные машины, включая "Фиаты", вместе с офицерами и экипажами в район Бровар в распоряжение капитан-лейтенанта Соумса. Перебросьте также машины из района Дубровки".

Приблизительно в 5 часов пополудни, 26 августа, меня вторично посетил Владимир Львов. Он выглядел необычно возбужденным и сразу же стал довольно невразумительно рассуждать об опасности моего положения, которую он готов отвратить. В ответ на мои неоднократные просьбы говорить по существу, он в конце концов изложил суть дела. Его направил генерал Корнилов сообщить мне, что в случае большевистского восстания правительство не должно ожидать какой-либо помощи и что, если я не перееду в Ставку, он не может гарантировать моей личной безопасности.

Генерал поручил ему также сообщить мне, что дальнейшее существование нынешнего кабинета невозможно и что я должен как министр-председатель предложить Временному правительству передать всю полноту власти Корнилову, как Верховному главнокомандующему. До формирования Корниловым нового кабинета государственные дела должны взять в свои руки товарищи министров. По всей России должно быть объявлено военное положение, что же касается Савинкова и меня, то мы должны немедленно выехать в Ставку, где мы будем назначены соответственно военным министром и министром юстиции. При этом Львов подчеркнул, однако, что эти назначения следует держать в тайне от других членов кабинета.

Имена Львова и Корнилова никогда не упоминались в донесениях о военном заговоре, которые я получал до тех пор, и потому я рассмеялся, стремясь превратить все дело в шутку: "Да вы, должно быть, шутите, Владимир Николаевич". Ответ Львова не оставлял никаких сомнений в его серьезности: "Ни в малейшей степени. И хочу, чтобы вы осознали серьезность положения". Он призвал меня отдаться на милость Корнилова, настаивая на том, что это мой единственный шанс на спасение.

Теперь у меня уже не было сомнений в абсолютной серьезности Львова. Я стал расхаживать по кабинету, пытаюсь взять себя в руки и полностью разобраться в создавшейся ситуации. Неожиданно я вспомнил, что в свое предыдущее посещение он с угрозой сослался на "реальную власть". Я вспомнил также доклад полковника Барановского о враждебности ко мне офицеров Ставки, как и другую информацию о безусловной связи заговорщиков со Ставкой. Оправившись от первого потрясения, я решил подвергнуть Львова испытанию. Я сделал вид, будто готов согласиться с требованиями Корнилова, однако сказал, что не могу поставить их на обсуждение Временного правительства, пока не получу их в письменном виде. Львов немедленно выразил согласие зафиксировать на бумаге требования Корнилова. Вот что он написал: "Генерал Корнилов предлагает:

- 1) Объявить г. Петроград на военном положении.
- 2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.

3) Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим.

Петроград.
Август 26.1917 г.
В. Львов**.

Готовность, с которой Львов согласился написать все это, рассеяла у меня все остатки сомнений, и пока я смотрел, как он пишет, в голове у меня была лишь одна мысль: остановить Корнилова, предотвратить опасное воздействие этих событий на фронте. Прежде всего, чтобы побудить Временное правительство в тот же вечер предпринять необходимые действия, необходимо заручиться неоспоримыми свидетельствами о связи Львова и Корнилова. Нужно заставить Львова повторить все, что он мне сказал, в присутствии третьего лица. На мой взгляд, это был единственный путь к решению проблемы.

Вручая мне свою записку, Львов произнес: "Ну вот и прекрасно, теперь все пойдет по-хорошему. В Ставке считают важным, чтобы переход власти от Временного правительства был осуществлен на законном основании. Ну а вы-то сами поедете в Ставку?"

Вопрос имел какой-то странный подтекст и потому, когда я ответил: "Конечно нет. Неужели Вы и впрямь полагаете, что я соглашусь занять пост министра юстиции под началом Корнилова?", — реакция Львова была совершенно неожиданной. Он вскочил со стула, широко улыбнулся и воскликнул: "Конечно же, конечно же, вам нельзя ехать. Они устроили для вас ловушку. Они арестуют вас. Уезжайте из Петрограда, и уезжайте как можно дальше. — И с еще большим волнением добавил: — Они все там ненавидят Вас".

Мы пришли к соглашению, что я сообщу генералу Корнилову о своей отставке по телеграфу, объяснив при этом, что не приеду в Ставку.

Я вновь попросил заверений Львова в том, что вся эта история не есть плод ужасного недоразумения: "Ну, скажите, Владимир Николаевич, а что если все это на самом деле окажется шуткой? В каком вы тогда будете положении? Вы отдаете себе отчет в серьезности того, что вы тут понаписали?"

Львов с жаром заявил, что это и не шутка, и не ошибка, что дело действительно серьезное и генерал Корнилов никогда от своих слов не отступится. Я решил связаться с генералом по прямому каналу, с тем чтобы получить от него подтверждение его ультиматума. Львову, видимо, понравилось мое предложение, и мы согласились встретиться в 8.30 в доме военного министра, откуда можно установить прямую связь со Ставкой Верховного главнокомандования.

Если мне не изменяет память, Львов ушел от меня намного позже 7 часов вечера. На пороге кабинета он нос к носу столкнулся с шедшим ко мне Вырубовым, и я попросил Вырубова остаться, пока я буду разговаривать с Корниловым. Затем я послал помощника установить связь со Ставкой и пригласить ко мне также заместителя начальника департамента полиции Сергея Балавинского и помощника командующего Петроградским военным округом капитана Андрея Козьмина.

---

* Оригинал документа хранится в советских государственных архивах. (Цит. по: Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 442 (Далее: Революционное движение в России...). — Прим. ред.)

Ровно в 8.30 вечера связь была установлена, однако Львов еще не приехал. Мы позвонили ему на квартиру, но там никто не ответил. Прошло 25 минут с тех пор, как Корнилов находился на связи, ожидая разговора на другом конце провода. Посоветовавшись с Вырубовым, мы решили приступить к разговору. С тем чтобы не обмануть доверие Корнилова, мы решили создать у него впечатление, будто и Львов принимает участие в разговоре.

Честно говоря, у нас с Вырубовым теплилась слабенькая надежда, что озадаченный Корнилов воскликнет: "Что вы хотите, чтобы я подтвердил? И кто такой Львов?", или что-то в этом роде. Но наши надежды оказались тщетными. Ниже приводится полный текст разговора, записанного на телеграфной ленте*.

[Керенский]. — Министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.

[Корнилов]. — У аппарата генерал Корнилов.

[Керенский]. — Здравствуйте, генерал. У телефона Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

[Корнилов]. — Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

[Керенский]. — Я — Владимир Николаевич — Вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня, Александра Федоровича, только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверять.

[Корнилов]. — Да, подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

[Керенский]. — Я — Александр Федорович. Понимаю Ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

[Корнилов]. — Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с Вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас.

[Керенский]. — Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

[Корнилов]. — Во всяком случае.

[Керенский]. — До свидания, скоро увидимся.

[Корнилов]. — До свидания".

Эта запись исключает какие бы то ни было неправильные толкования. Разговор открыл мне больше, чем я мог предполагать. Генерал не только подтвердил, что уполномочил Львова говорить со мной от

---

* Лента хранится в московских архивах. (Цит. по: Революционное движение в России... С. 443. — *Прим. ред.*)

своего имени, но даже пошел дальше, подтвердив достоверность всех заявлений Львова.

Спускаясь после разговора по лестнице, мы с Вырубовым столкнулись со спешащим навстречу Львовым. Я показал ему запись нашего разговора. Пробежав глазами ленту, он радостно воскликнул: "Вот видите, все как я вам сказал". Он был доволен, что мы побеседовали с Корниловым, не дожидаясь его. Он не объяснил причину своего опоздания, однако много лет спустя, читая книгу Милюкова "История второй русской революции", я узнал, что после нашей первой встречи 26 августа Львов целый час беседовал с Милюковым, откровенно рассказав ему о событиях в Ставке.

Вместе с Вырубовым и Львовым я возвратился в Зимний дворец, и Львов прошел со мной в мой кабинет. Там в присутствии Баллавинского, невидимого ему в одном из углов огромной комнаты, Львов снова подтвердил достоверность своей записки и записи разговора по телеграфу.

Приблизительно в 10 часов вечера я распорядился об аресте Львова, которого поместили под стражу в одной из комнат дворца.

После этого я немедленно отправился в малахитовый зал, где проходило заседание кабинета, и, доложив о встрече со Львовым, зачитал его записку и дословный текст моего разговора с Корниловым. Высказавшись за подавление мятежа, я заявил, что считаю возможным бороться с поднятым мятежом лишь при условии, если мне будет передана Временным правительством вся полнота власти. И добавил, что с целью передачи всей необходимой власти Временное правительство должно быть несколько преобразовано. После непродолжительного обсуждения было решено передать председателю всю полноту власти, с тем чтобы скорейшим образом положить конец антиправительственному наступлению, предпринятому Верховным главнокомандующим генералом Корниловым.

За исключением кадетов Юренева и Кокошкина, которые подали в отставку, все министры передали свои портфели в мое распоряжение. Я попросил их остаться на своих постах.

У нас не было никакой информации о положении в Ставке, и некоторые члены кабинета предложили выждать до утра. Но я был настроен действовать без промедленья. Нельзя было тратить ни минуты. Я направил Верховному главнокомандующему краткую радиограмму, предлагая передать немедленно командование начальнику штаба генералу Лукомскому, а самому прибыть в столицу. Ранним утром я дал указание исполняющему обязанности министра путей сообщения Либеровскому (которого я назначил на место П. Юренева) остановить движение воинских эшелонов в направлении Петрограда и разобрать линию Луга — Петроград.

Ответ от генерала Корнилова не последовало. Однако ранним утром 27 августа в адрес управляющего военным министерством пришла лаконичная телеграмма следующего содержания, отправленная в 2 ч 40 мин: "Срочно. Корпус прибывает в район Петрограда вечером 28-го. Пожалуйста, объявите 29 августа военное положение в Петрограде. Корнилов". Генерал Корнилов отправил эту телеграмму сразу же после нашего разговора, до того, как он получил мое сообщение о вызове в столицу.

Вскоре мы выяснили, что упомянутый в телеграмме корпус — вовсе не тот кавалерийский корпус, который затребовало Временное правительство, а авангард "специальной армии" под командованием генерала Крымова, в основном укомплектованный "Дикой дивизией". В тот же день мы получили официальное извещение, что эти войска сосредото-

лись вблизи Луги. Было очевидно, что своей телеграммой генерал Корнилов намеренно пытался ввести нас в заблуждение.

Савинков, опасавшийся, что я подозреваю его в сговоре с генералом Корниловым, был в самых расстроенных чувствах. Он обратился ко мне с просьбой либо отдать его под суд, либо поручить ему защиту столицы. Я назначил его на пост генерал-губернатора Петрограда и возложил на него задачу защитить город.

Позднее в тот же день было опубликовано мое обращение к стране. В нем я изложил народу происшедшие события и призвал его соблюдать закон и порядок. В ответ на это Корнилов опубликовал заявление, в котором объяснял мотивы своих действий.

В час ночи я получил телеграмму генерала Лукомского, в которой говорилось: "Генерал Корнилов, не преследуя никаких личных честолюбивых замыслов, опираясь на ясно выраженное сознание всей здоровой части офицерства и армии, требовавших скорейшего создания крепкой власти для спасения родины, а с ней и завоеваний революции, считал необходимым более решительные меры, кои обеспечили бы водворение порядка в стране. Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от Вашего имени, лишь заставил генерала Корнилова принять окончательное решение и, идя согласно с Вашим предложением, отдать окончательные распоряжения, отменять которые уже поздно. Ваша сегодняшняя телеграмма указывает, что решение, принятое прежде Вами и сообщенное от Вашего имени Савинковым и Львовым, теперь изменилось.

Считаю долгом совести, и имея в виду лишь пользу родины, определенно Вам заявить, что теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием коего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию. Ожидаю срочных указаний. Подпись: Лукомский"*.

Ранним утром 28 августа командующему Северным фронтом генералу Клембовскому была направлена телеграмма следующего содержания: "Временным правительством Вы назначаетесь врид Верховного главнокомандующего, с оставлением Вас в Пскове и с сохранением должности Главкосева.

Предлагаю Вам немедленно принять должность от генерала Корнилова и немедленно мне об этом донести.

Министр-председатель Керенский".

По обыкновению приказ был передан через штаб Верховного главнокомандующего. Ответ генерала Клембовского поступил через несколько часов:

"От Главковерха получил телеграмму, что я назначаюсь на его место. Готовый служить родине до последней капли крови, не могу во имя преданности и любви к ней принять эту должность, так как не

---

* Цит. по: Революционное движение в России... С. 448. — *Прим. ред.*

чувствую в себе ни достаточно сил, ни достаточно умения для столь ответственной работы в переживаемое тяжелое и трудное время. Считаю перемену Верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целости и свободы родины повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии. Клембовский. 28 августа”.

Позднее мы узнали, что генерал Клембовский был одним из двух командующих фронтами (всего их было пять), которые выразили свою поддержку генералу Корнилову. Другим является командующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин. Не дожидаясь запроса из Петрограда, генерал Деникин направил в 2 часа ночи 27 августа телеграмму, которая начиналась следующими словами: “Я солдат и не привык играть в прятки”. Завершалась она следующим образом:

”Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Главковерха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. Генерал Деникин. 27 августа”*.

Крайне осторожный и расчетливый, генерал Клембовский, видимо, чувствуя, что поставил не на ту лошадь, поспешил отмежеваться от действий своих друзей в Верховном командовании и направил в тот же день мне и генералу Лукомскому вторую телеграмму, в которой говорилось:

”Перевозятся конные части, не подчиненные мне, а составляющие резерв Главковерха. Самая перевозка совершается по его, а не по моему распоряжению. Клембовский. 28 августа”**.

Командующие Западным, Кавказским и Румынским фронтами так же, как командующий Северным фронтом, направили телеграмму с заверениями в своей лояльности. Переброска кавалерийских частей с Северного фронта, которая началась еще до падения Риги, проводилась в то время, когда немцы предприняли решительное наступление и все командиры настойчиво требовали подкреплений.

После полудня 28 августа в соответствии с решением Временного правительства я попросил генерала Алексеева немедленно отправиться в Ставку и принять на себя Верховное командование. Алексейев попросил отсрочки, с тем чтобы изучить относящиеся к этому делу документы. Позже в тот же день Терещенко показал мне телеграмму, полученную от представителя министерства иностранных дел в Ставке князя Григория Трубецкого. В ней говорилось:

”Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части пойдут за Корниловым. На его сторону встанет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных организмов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев общества, а в низах растущее недовольство существующими порядками в большинстве же народной

---

* Революционное движение в России... С. 455—456. — *Прим. ред.*

** Там же. С. 457. — *Прим. ред.*

и городской массы, притупившейся ко всему, равнодушие, которое подчиняется удару хлыста". И далее: совершенно очевидно, что большинство "мартовских социалистов"* без колебаний примкнуло к этим силам. Более того, недавние события на фронте и в тылу, в частности в Казани, где недавно был взорван военный арсенал, в полной мере продемонстрировали сокрушительное банкротство существующего строя и неизбежность катастрофы в случае, если не будут осуществлены немедленные и радикальные реформы. Эти соображения оказали решающее воздействие на генерала Корнилова, который пришел к убеждению, что лишь твердость может спасти Россию от падения в пропасть, на краю которой она сейчас находится. Нет оснований утверждать, будто Корнилов расчищает путь к победе кайзера, поскольку немцы только тем и занимаются сегодня, как захватом наших территорий**. "От людей, стоящих ныне у власти, зависит, пойдут ли они навстречу неизбежному перелому, чем сделают его безболезненным и охранят действительно залоги народной свободы, или же своим сопротивлением примут ответственность за новые неисчислимы бедствия. Я убежден, что только безотлагательный приезд сюда министра-председателя, управляющего военным министерством и Вас для совместного с Верховным главнокомандующим установления основ сильной власти может предотвратить грозную опасность междоусобья"***.

Неудивительно, что князь Трубецкой сообщает, что направил эту телеграмму, содержание которой в основном совпадает с текстом обращения генерала Корнилова к народу, с одобрения генерала.

С этого момента перед Временным правительством встала насущная задача устранения из Ставки Верховного командования самых главных заговорщиков из числа военных. Я был исполнен решимости не допустить повторения ситуации, которая сложилась на фронте в первые недели после Февральской революции.

А тем временем в обществе продолжали циркулировать слухи относительно так называемого недоразумения, возникшего в результате посредничества Владимира Львова между генералом Корниловым и мной. В некоторых кругах даже утверждали, будто я с самого начала был заодно с Корниловым и неожиданно предал его из-за страха перед "большевистскими Советами", хотя, кстати сказать, в то время в Советах большевики еще не доминировали. Весь день 28 августа меня и других членов кабинета посещали делегации военных и гражданских лиц, предлагая отправиться к генералу Корнилову, с тем чтобы раз и навсегда покончить с "недоразумением". Нет необходимости говорить, что я отверг все эти предложения о примирении.

Позднее, после полудня, прочитав все относящиеся к делу документы, в сопровождении Милюкова меня посетил генерал Алексеев. Оба они выразили мнение, что все еще существует возможность устранить возникшее "недоразумение". Более того, послы Великобритании, Франции и Италии передали через Терещенко "дружеское предложение" о "посредничестве между Керенским и Верховным главнокомандующим генералом Корниловым". Но и они получили тот же ответ, что и другие: я не заинтересован ни в каких предложениях о посредничестве между правительством и мятежным генералом. В этом Временное правительство было абсолютно непреклонным.

---

* Те, кто вступил в социалистические партии после падения монархии.

** Это писалось в тот период, когда наши войска оказывали настойчивое сопротивление яростному наступлению Германии.

*** *Керенский А.* Дело Корнилова. М., 1918. С. 144.

То было крайне напряженное время для кабинета. Особенно тревожными оказались ночи 28 и 29 августа. Мы были лишены какой-либо информации о настроениях в стране и на фронте, на нас непрерывно давили посредники всех политических мастей, от правых до левых.

К полудню 29 августа все более или менее пришло в норму. Мятежные генералы не получили в армии существенной поддержки. И хотя генерал Корнилов продолжал издавать приказы о захвате столицы, никто их не слушался и они лишь усугубляли положение с дисциплиной в армии. Без ведома Временного правительства в ставку с Западного фронта и из Московского военного округа были отправлены два "подразделения специального назначения". Генерал Деникин и его сообщники были арестованы фронтовым комитетом, который намеревался предать их военно-полевому суду, а телефоны в штабах всех воинских подразделений были взяты под контроль представителями различных комитетов.

Под подозрение попали все офицеры. Даже офицеров Балтийского флота, которые не имели никаких связей с Центральным комитетом Союза офицеров армии и флота и не были причастны к заговору, вынудили заявить о преданности делу революции. А 31 августа команда крейсера "Петропавловск" убила четверых молодых офицеров*. Положение в вооруженных силах стремительно выходило из-под контроля, и любое промедление в отношении заговорщиков было преступлением подобно.

Утром 30 августа мы вместе с Вырубовым посетили генерала Алексеева на его квартире. Мы были намерены убедить его выполнить свой долг и арестовать генерала Корнилова и его сообщников, а также принять на себя Верховное командование. Наш приход вызвал у генерала бурную вспышку эмоций. Немного успокоившись, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Выждав самую малость, я ровным голосом произнес: "А как быть с Россией? Мы должны спасти страну". Поколебавшись, он едва слышно сказал: "Я в Вашем распоряжении. Я принимаю должность начальника штаба под Вашим командованием". В растерянности я не знал, что ответить, и тут Вырубов прошептал мне на ухо: "Соглашайтесь". Так я стал Верховным главнокомандующим.

Генерал Алексеев на следующий день отправился в Ставку и полностью осуществил все мои указания. Направлявшиеся в Ставку подразделения специального назначения были отозваны, а осадное положение, объявленное заговорщиками в Могилеве, было отменено.

1 сентября я издал следующий приказ**:

"В связи с выступлением Корнилова нормальная жизнь в армии совершенно расстроилась. Для восстановления порядка приказываю:

1. Прекратить политическую борьбу в войсках и обратить все усилия на нашу боевую мощь, от которой зависит спасение страны.

2. Всем войсковым организациям и комиссарам стать в строгие рамки деловой работы, лишенной политической нетерпимости и подозрительности, ограничиваясь сферой деятельности, совершенно чуждой вмешательству в строевую и оперативную работу начальствующих лиц.

3. Восстановить беспрепятственную перевозку войсковых частей по заданиям командного состава.

4. Безотлагательно прекратить арестование начальников, так как право на означенные действия принадлежит исключительно следствен-

---

* Лейтенанта Жизенко и мичманов Михайлова, Канонбу, Кондратьева.

** Два последних абзаца были написаны мной, остальной текст — генералом Алексеевым.

ным властям, прокурорскому надзору и образованной мной Чрезвычайной следственной комиссии, уже приступившей к работе.

5. Совершенно прекратить смещение и устранение от командных должностей начальствующих лиц, так как это право принадлежит лишь правомочным органам власти и отнюдь не входит в круг действий организаций.

6. Немедленно прекратить самовольное формирование отрядов под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями.

7. Немедленно снять контроль с аппаратов, установленный войсковыми организациями.

Армия, выразившая в эти тяжелые, смутные дни доверие Временному правительству и мне, как министру-председателю, ответственному за судьбы родины, великим разумом своим должна понять, что спасение страны только в правильной организованности, поддержании полного порядка, дисциплины и в единении всех между собой. К этому я, облеченный доверием армии, зову всех. Пусть совесть каждого проснется и подскажет каждому его великий долг перед родиной в этот грозный час, когда решается ее судьба.

Как Верховный главнокомандующий, я требую от всех начальствующих лиц, комиссаров и войсковых организаций неуклонного проведения всего изложенного в жизнь и предвещаю, что уклонение или неисполнение указанных моих приказаний будет в корне подавлено со всей силой, и виновные понесут суровые наказания.

Верховный главнокомандующий *А. Керенский*.

Начальник штаба генерал от инфантерии *М. Алексеев***.

Для всех было очевидным, что мятеж Корнилова оказал разрушительное воздействие на всю страну, особенно на армию. Барон Петр Врангель, который начиная с весны 1917 года участвовал в заговорах по свержению Временного правительства и установлению в стране диктатуры и который в конце концов возглавил белую армию в Крыму, так писал о бунте Корнилова: "Недавние события глубоко потрясли армию. Процесс разложения армии, который был почти остановлен, возобновился, создавая угрозу полного развала фронта и, соответственно, всей России".

Один из двух членов Временного правительства, которые в самом начале кризиса вышли в отставку, Юренев, в интервью, опубликованном 1 сентября в газете "Русские ведомости", так охарактеризовал попытку переворота:

"Что касается до моего мнения о предпринятой ген. Л. Г. Корниловым попытке, то я скажу, что она является ужасным ударом по восстановлению сил страны. Мы понемногу шли вперед по пути укрепления власти, и то, что сделал Корнилов, жестоко нарушает общую работу. В частности, по поводу моего ухода. Подав в отставку в ночь на 27-е августа, я представил А. Ф. Керенскому возможность непосредственно осуществлять диктаторские права в ведомстве, которым я до того времени заведывал. С 27-го я фактически не принимал никакого участия в управлении и 27 передал министерство своему заместителю в порядке старшинства, предложив ему выполнять непосредственные распоряжения А. Ф. Керенского. Все эти распоряжения, как мне известно, были неуклонно выполняемы".

---

* Революционное движение в России... С. 471. — Прим. ред.

Шесть месяцев напряженной работы правительства, офицерского корпуса, комиссаров военного министерства и фронтовых комитетов не были абсолютно бесплодными. Армия и флот не вернулись на путь безбрежной анархии мартовских дней, а мужественно отражали яростное германское наступление вплоть до победы Ленина в октябре.

Но заговорщики и их сообщники не сложили оружия после Корниловского мятежа. Они продолжали толкать Россию в бездну, упрямо выступая против, как они говорили, "слабого" правительства в надежде установить "сильное национальное правительство" под руководством военного диктатора. В своем стремлении дискредитировать Временное правительство они прибегали к самым низким средствам. Однако, несмотря на всю разрушительность их действий, они не смогли добиться желаемых результатов.

Заканчивая эту главу, я хотел бы сказать, что уважаю моральное право на мятеж, но в исключительных условиях. Однако во время войны ответственность перевешивает такое моральное право. И тем не менее, когда военная акция корниловских заговорщиков окончилась провалом, страсти забушевали столь мощно, что заслонили собой саму судьбу страны. Заговорщики вновь и вновь прибегали к обману.

Во имя торжества дела свободы во всем мире я чувствую себя обязанным подчеркнуть, что поражение русской демократии явилось в основном следствием наступления этих, правых, сил, а не результатом бессмысленного мифа, согласно которому русская демократия проявила "слабость" и слепоту перед лицом большевистской опасности...

Приложение № 1

Радиограмма Керенского с обращением к народу

От министра-председателя.

26-го августа ген. Корнилов прислал ко мне члена Гос. Думы Вл. Ник. Львова с требованием передачи Временным правительством ген. Корнилову всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им, по личному усмотрению, будет составлено новое правительство для управления страной. Действительность полномочий чл. Г. Думы Львова — сделать такое предложение — была подтверждена затем ген. Корниловым при разговоре со мною по прямому проводу.

Усматривая в предъявлении этого требования, обращенного в моем лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением Государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым для спасения родины, свободы и республиканского строя уполномочить меня принять скорые и решительные меры, дабы в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве, на завоеванные революцией права граждан. Все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются и о таковых мерах население своёвременно будет поставлено в известность.

Вместе с тем приказываю:

1) Генералу Корнилову сдать должность Верховного главнокомандующего генералу Клембовскому, главнокомандующему армий Северного фронта, преграждающего пути к Петрограду. Генералу Клембовскому временно вступить в должность верховного главнокомандующего, оставаясь в Пскове.

2) Объявить город Петроград и Петроградский уезд на военном положении, распространив на него действие правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении...

Призываю всех граждан к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения родины. Всех чинов армии и флота призываю к самоотверженному и спокойному исполнению своего долга — защиты родины от врага внешнего!

Министр-председатель,
военный и морской министр
А. Ф. Керенский

Август 27, 1917*.

Приложение № 2

Ответ Корнилова на радиотелеграмму Керенского

”Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью. Не я послал члена Государственной думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетель член I Государственной думы Алексей Аладьин.

Таким образом, совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди, великая родина наша умирает!

Близок час кончины!

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба, и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в бога, в храмы, — молитесь господу богу о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Передать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей родины.

Генерал Корнилов

27 августа 1917 г.

Ставка***

---

* Цит. по: Известия. 1917. 28 августа (10 сентября).

** Цит. по: Революционное движение в России... С. 446. — Прим. ред.

ПОДГОТОВКА МЯТЕЖА

Описывая заключительные стадии и провал Корниловского мятежа, я уделил все внимание внешней канве событий в том виде, как они представлялись в то время мне и другим членам Временного правительства. В этой главе я изложу более полную историю подготовки этого неудачного переворота, используя для этого более поздние свидетельства открытых и тайных участников заговора. Все эти свидетельства стали результатом напряженной работы, которой я занимался в течение более 20 лет (1917—1937 годы). Именно столько лет потребовалось для того, чтобы все причастные к заговору сказали правду. Я видел в этом цель трудов своих не только потому, что стремился отвести от себя все безосновательные обвинения в связи с этим заговором, но и потому, что хотел в полной мере восстановить истину о решающей роли корниловских заговорщиков в деморализации русской армии и, следовательно, в гибели свободной России.

Заговор с целью установления военной диктатуры возник в первые же дни после Февральской революции на основе широкоразветвленного, но аморфного движения с участием некоторых групп офицерства и ряда ведущих петроградских финансистов. В движении в той или иной степени участвовало немало влиятельных лиц, роль которых в его организации была неоднозначна.

Наиболее видными участниками движения от финансовых кругов были А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский*. В апреле 1917 года Путилов основал "Общество содействия экономическому возрождению России", в которое немедленно вошли директора всех банков и крупнейших страховых компаний. Когда в конце апреля 1917 года Гучков вышел из кабинета, его пригласили занять пост председателя общества. Официальной целью общества был сбор средств в поддержку "умеренных" кандидатов на выборах в Учредительное собрание, с тем чтобы "противодействовать социалистическому влиянию на фронте и по всей стране". В действительности же, как признали позднее и Путилов и Гучков, собранные ими на эти цели 4 миллиона рублей было решено передать генералу Корнилову, который только что был назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта.

Еще одной ключевой фигурой движения был В. С. Завойко, которого Корнилов взял с собой на фронт в качестве своего "ординарца". В прошлом уездный предводитель дворянства, а также финансист, Завойко был тесно связан с крупным нефтяным магнатом Лианозовым. Учитывая все эти данные биографии Завойко, весьма необычно выглядит решение генерала Корнилова взять с собой на фронт этого немолодого финансиста на столь скромную должность, не дающую даже права на офицерское звание. Сам же Корнилов всегда утверждал, что на его решение в огромной степени повлияли литературные способности Завойко**.

---

* Путилов являлся директором Русско-Азиатского (Сибирского) банка и имел деловые связи с известным сталелитейным заводом, названным его именем. Вышнеградский был сыном министра финансов в правление Александра III и считался самым влиятельным деятелем в банковских и финансовых кругах.

** Следует отметить, что Завойко приходился племянником жене Путилова.

В апреле 1917 года с фронта в Петроград прибыл барон Петр Врангель — офицер аристократического гвардейского полка, который прославился участием в кавалерийской атаке на германскую батарею. Свой приезд в Петроград барон Врангель объяснил двумя причинами: во-первых, желанием принять участие в подготовке офицерского корпуса для борьбы за установление военной диктатуры; во-вторых, стремлением подыскать на роль диктатора подходящего генерала с "демократическим именем".

Поначалу барон Врангель и два его ближайших друга граф Пален и Шувалов склонялись к кандидатуре генерала П. А. Лечицкого. Не приняв окончательного решения, проведя несколько бесед с Завойко, они вскоре вошли в контакт с Корниловым.

Начало заговорщической деятельности генерала Крымова также относится к весне 1917 года. По словам генерала Деникина, Крымов считал в то время, что армия находится на грани распада и что нет никаких надежд на успешный исход войны. В соответствии с этим он стал вербовать офицеров, в основном из своего 3-го Конного корпуса, для участия в тайной группе, которая бы подготовила условия для броска с юга на Петроград и Москву:

В начале мая под эгидой Верховного главнокомандующего генерала Алексева был создан Союз офицеров армии и флота. Этот союз возник в тот период, когда представители самых разных профессий — врачи, учителя, инженеры и т. д. — основывали союзы для улучшения своего положения и защиты своих интересов. У рядовых солдат были свои "солдатские комитеты", но у офицеров профессиональной организации до той поры не было. Учитывая трудное положение офицеров, сложившееся в то время, князь Львов и я благословили Алексева на создание офицерской организации и делали все возможное для защиты ее от нападков левых демагогов.

К сожалению, в Центральном комитете Союза офицеров с самого начала была создана тайная военно-политическая группа. Действуя без сомнения под руководством генерала Алексева, она поставила перед собой задачу координировать действия антиправительственных офицерских организаций на фронте, в Петрограде и Москве, а также установила тесные контакты с движением гражданских лиц, стремившихся к установлению диктатуры. Связь с гражданскими лицами была возложена на полковника Генерального штаба Л. Н. Новосильцева, который был избран председателем Центрального комитета союза. Новосильцев — выходец из аристократической московской семьи — являлся членом Центрального комитета партии кадетов и был избран в IV Думу, хотя вскоре и отказался от депутатского мандата. Играя активную роль в правом крыле своей партии, он имел широкие связи в либеральных и консервативных кругах Москвы.

Политические связи между Союзом офицеров в Ставке и гражданскими лицами в Москве и Петрограде осуществлялись с соблюдением величайшей осторожности. Хорошее представление о том, как устанавливались такие контакты, дает эпизод, описанный Владимиром Львовым, который в то время все еще занимал пост обер-прокурора Святейшего синода. Владимир Львов рассказывает: "Это было в июне месяце 1917 года..."

Я сидел за письменным столом в кабинете обер-прокурора Святейшего синода в здании Святейшего синода, как вдруг зазвонил телефон. Меня вызывали, спрашивая, когда можно меня видеть. Я отвечал, что кончил свои занятия в Синоде, автомобиль подан и что через пять минут могу быть у того, кто меня вызывал.

"Вот и прекрасно", — ответили мне. Я сел в автомобиль и уехал на квартиру, где меня ждали.

Вошедши в столовую, я застал там хозяина квартиры Шульгина, члена Государственной думы, и полковника Новосильцева, председателя

Центрального Комитета Союза офицеров при Ставке. Не успел я поздороваться, как Шульгин огорошивает меня заявлением, что готовится переворот, о котором он меня предупреждает, дабы я вышел в отставку. Я не придавал значения заявлению Шульгина, думая скорее, что он по каким-то соображениям желает заставить меня подать в отставку, и отвечал, что в отставку я выйти не могу, пока не созван Церковный собор. "Когда же собор будет созван?" — спросил меня Шульгин. — "15 августа", — отвечал я. — "Но помните, что после этого числа вы обязательно должны выйти в отставку". — "Я согласен", — ответил я. Продолжать дальше разговор на эту тему мне, состоявшему членом Временного правительства, было крайне неудобно, а потому я резко прервал разговор, предложив Шульгину поехать со мной в автомобиле обедать"*.

Лишь в конце 1936 года в полной мере прояснилась та роль, которую сыграли петроградские финансисты в подготовке Корниловского мятежа. Из разного рода мемуаров, опубликованных в то время, стало известно, что в апреле 1917 года, когда "Общество содействия экономическому возрождению России" приняло решение о передаче генералу Корнилову четырех миллионов рублей, Гучков отправился для встречи с ним в Ставку. Именно к этому времени и относится начало конкретной подготовки переворота. Следующий шаг описан П. Н. Финисовым**, видным членом центральной организации заговорщиков: "В мае 1917 года на квартире Ф. А. Липского, члена совета Сибирского банка, собрались, кроме хозяина, генерал Л. Г. Корнилов, К. В. Николаевский, П. Н. Финисов, бывший член Думы Аладьин и полковник Шувалов. На этом собрании был учрежден "Республиканский центр"***. Поначалу все выглядело так, будто своей главной задачей "Республиканский центр" считал ведение антибольшевистской пропаганды на фронте и по всей стране, а также субсидирование многочисленных военно-патриотических организаций, возникших в Петрограде.

Однако уже в начале июля, в период германского контрнаступления, большевистского восстания (4 июля) и Тарнопольского прорыва, "Республиканский центр" занялся тем делом, ради которого и был создан. Еще раньше офицерские группы заговорщиков начали готовить захват Петрограда "изнутри", который должен был совпасть с подходом к столице войск генерала Крымова. Один из участников этого заговора гвардейский полковник Винберг**** признал, что их планы предусматривали захват всех бронемашин в Петрограде, арест членов Временного правительства, а также арест и ликвидацию наиболее видных эсеров и социал-демократов. Ко времени подхода к столице войск генерала Крымова все ведущие революционные силы должны были быть подавлены и разоружены, что свело бы задачу генерала Крымова лишь к восстановлению в городе закона и порядка.

Только в июле руководители "Республиканского центра" осознали, что их организация служит прикрытием для подрывной деятельности Путилова, Гучкова, Вышнеградского и их сообщников. Но даже и тогда они были в абсолютном неведении о существовании "Общества содействия экономическому возрождению России", поскольку финансовая поддержка центра осуществлялась через частные банки и деловые компании. Однако, когда их работа развернулась в полном объеме и в военную

---

* Впервые об этой встрече Владимир Львов упомянул в довольно искренних воспоминаниях о его роли в корниловском движении, которые были опубликованы в Париже в газете "Последние новости" 27 ноября 1920 г.

** Деловой партнер Путилова.

*** Последние новости. 1937. 27 февраля.

**** Винберг Ф. В. В плену у обезьян. Киев, 1919.

секцию центра Ставка назначила полковников Дюсиметьера и В. И. Сидорина*, размеры такой помощи должны были возрасти.

Финистов пишет: "Первая связь "Республиканского центра" с "Обществом содействия экономическому возрождению России" возникла после июльского восстания. Липский получил тогда от Н. Х. Денисова** из Гурзуфа письмо или телеграмму с просьбой прислать ответственного представителя "Респ. центра" в Крым по важному делу. Ни Липский, ни Николаевский покинуть Петербург не могли. Послали меня. Приезжаю в Гурзуф и в кабинете Н. Х. Денисова встречаю А. И. Путилова. Осведомленный уже Денисовым, Путилов просил меня вновь рассказать подробно о "Респ. центре". Выслушав и одобрив, он сказал: "Передайте Липскому и Николаевскому, что мной организовано "Общество содействия экономическому возрождению России", которое охотно вас поддержит. Вернись в Петербург в конце июля, и тогда поговорим..."*** ...Уехав из столицы 2 или 3 августа в Одессу, Николаевский оставил записку с указанием, сколько денег нужно выдать за счет "Общества экономического возрождения" разным воинским организациям и "на контрразведывательные органы. К этому времени из Ставки было получено, сначала по прямому проводу, а затем лично от полковника Сидорина и полковника Пронина сообщение, что вторичное выступление большевиков должно состояться 2 — 3 сентября. От нас требовалась полная готовность. Выяснилось, что нужно около 500 000 руб. для захвата броневых частей и радиостанции в Царском Селе, передвижения из Луги в Петербург броневых отрядов капитана Орла и затопления барж с камнями морского канала, чтобы воспрепятствовать подходу военных судов из Кронштадта"****.

Все эти три последовательные события — встреча представителей центра с Путиловым, выделение финансовых средств "Республиканскому центру" на военные нужды и сообщение от Сидорина и Пронина — явились, без сомнения, результатом прямых переговоров между заговорщиками в Ставке и руководителями "Общества содействия экономическому возрождению России".

Свою заговорщицкую деятельность Новосильцев, Пронин, Сидорин и другие члены Центрального комитета Союза офицеров держали в секрете от Верховного главнокомандующего генерала Брусилова и его начальника штаба генерала Лукомского. Однако тот факт, что эта деятельность не составляла секрета для преемника Брусилова генерала Корнилова, позднее подтвердил Деникин, наиболее искренний из всех генералов. В написанной им статье Деникин не оставил ни малейших сомнений в том, что Корнилов не только был в курсе тайной деятельности заговорщиков, но, по сути дела, возглавлял военный заговор, направленный на свержение Временного правительства*****.

После назначения генерала Корнилова Верховным главнокомандующим его пост командующего Юго-Западным фронтом занял Деникин, который ранее командовал Западным фронтом.

В конце июля, отправляясь к месту своего нового назначения, Деникин прибыл в Ставку для встречи с новым Верховным главнокоман-

---

* Оба входили в законспирированную ячейку Центрального комитета Союза офицеров.

** Финансовый и промышленный магнат на юге России.

*** Финистов не знает, о чем он договорился с Путиловым по возвращении последнего в Петербург.

**** Последние новости. 1937. 27 февраля.

***** Там же. 1937. 14 ноября.

дующим, который в то время был занят разработкой проекта военных реформ. Деникин принял участие в совещании, на котором рассматривался этот проект, и рассказал о том, что состоялось после совещания: "По окончании заседания Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующее: "...Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с Советами... Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там — пусть делают, что хотят... Могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?"

— В полной мере...

Мы сердечно обняли друг друга и расстались"*.

В своих воспоминаниях генерал Деникин более сдержан, чем в статье в "Последних новостях", но, вместе взятые, эти материалы со всей убедительностью свидетельствуют, что генерал Корнилов занял свое место в Ставке уже будучи заговорщиком и немедленно приступил с помощью своих сообщников из Союза офицеров к осуществлению подготовленного ранее плана. Почти сразу же от генерала Деникина потребовали подтвердить его обещание об оказании помощи. По предложению Корнилова он направил в Ставку Верховного главнокомандующего генерала Крымова, которого ранее рекомендовал на должность командующего 11-й армией. Поступая таким образом, Деникин делал вид, будто он или не знал, или не захотел согласиться с ранее сделанной рекомендацией штаба Корнилова. Со своей стороны в качестве военного министра, получив такую рекомендацию о назначении генерала Крымова на пост командующего 11-й армией, я сообщил о ней членам Временного правительства и информировал Ставку Верховного главнокомандующего об ее одобрении.

Судя по всему, это был обманный ход, сделанный с целью усыпить мою бдительность, ибо в то время как военное министерство утвердило назначение генерала Крымова командующим на фронте, он на самом деле отправился в самый канун открытия Государственного московского совещания в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего. В Ставке Корнилов поручил ему разработать план захвата Петрограда, и мы знаем из мемуаров генерала Лукомского, что Корнилов, отправившись на Государственное московское совещание, взял с собой Крымова.

В это же самое время Деникин предпринимал все от него зависящее, чтобы обеспечить поддержку заговорщиков вооруженными силами, находившимися под его командованием. Прочитируем его собственные слова: "Наконец, в двадцатых числах обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер и вручил собственноручно письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил:

— В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами... Вас Верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — официально "для изучения бомбо-метного и минометного дела"; фактически они будут отправлены в Петроград в офицерский отряд.

---

* Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Париж, 1921. Т. 1. С. 198.

Распоряжение о командировании офицеров — со всеми предосторожностями, чтобы не поставить в ложное положение ни их, ни начальство, — было сделано...”*

Я подозреваю, что встреча с молодым офицером, который передал генералу Деникину секретное послание Корнилова, на самом деле состоялась несколько ранее 20 августа, до падения Риги, поскольку 21 августа, сразу же после падения Риги, генерал-квартирмейстер И. П. Романовский, ближайший сподвижник Корнилова, направил телеграмму начальникам штабов всех фронтов, в которой содержалась инструкция** об откомандировании в Ставку офицеров на специальные курсы ”для ознакомления с системой бомбометов и пулеметов”. Совершенно очевидно, что к тому времени, как были отправлены эти инструкции, все штабы уже были информированы об истинной цели ”курсов”.

Молодые офицеры, отобранные для этой миссии, начали прибывать в Петроград приблизительно за десять дней до корниловского ультиматума. Некоторые из них позднее подверглись аресту и дали показания Чрезвычайной комиссии по делу генерала Л. Г. Корнилова и его соучастников. Показания одного из этих офицеров хранятся в советских архивах и опубликованы в сборнике документов по Корниловскому делу***.

”25 августа с. г. я получил предписание выехать в Ставку Верховного главнокомандующего якобы ”для изучения бомбометов и пулеметов английского образца”. Прибыв в Ставку 27 августа, я встретил на вокзале капитана Генерального штаба Роженко, который дал предписание немедленно отправиться в штаб для испытания минометов и бомбометов английского образца. Вместе с приказанием он дал мне такую инструкцию: на днях в Петрограде ожидается выступление большевиков, которые хотят захватить власть в свои руки и арестовать Временное правительство. Поэтому вас, офицеров, мы посылаем туда для водворения порядка. Вместе с этим он дал мне адреса, к кому явиться в Петрограде за получением дальнейших инструкций и распоряжений, а именно: 1) Сергиевская улица, № 46 — генерал Федоров; 2) Фурштадская, № 28, кв. 3 — полковник Сидоренко или хорунжий Кравченко; 3) Фонтанка, № 22 — полковник Дюсиметьер. Нас было много, около 46 человек; поэтому нам дали отдельный классный вагон. В нем ехали офицеры разных полков III и X армий. Капитан Роженко говорил, что было вызвано из полков разных фронтов более трех тысяч офицеров в Петроград под различными предлогами...”

К 10 августа все приготовления к захвату Петрограда, включая отвод войск с Северного фронта в разгар германского наступления и их переброску в Петроград и Москву, были завершены генералами Корниловым, Крымовым и Романовским без ведома генерала Лукомского. В своих мемуарах генерал Лукомский весьма живо описывает ту роль, которую он сыграл в этих событиях****. ”Если не ошибаюсь, 6(19) или 7(20) августа, генерал-квартирмейстер, генерал Романовский доложил мне, что генерал Корнилов просит меня отдать распоряжение о со-

---

* Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. С. 210—211.

** Согласно заведомо ложным инструкциям Романовского, эти курсы должны были проходить в течение десяти дней под руководством ”майора английской службы Финлейстена”.

*** Революционное движение в России... С. 452—453.

**** Цит. по: Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1. С. 222—230.

средоточении в районе Невель — Н. Сокольники — Великие Луки 3-го конного корпуса с туземной дивизией (кавалерийской). Эти части находились в резерве Румынского фронта и за несколько дней до этого доклада генерала Романовского у меня был разговор с генералом Корниловым о необходимости для усиления Северного фронта перевести значительную кавалерийскую группу с Румынского фронта.

— Но почему же в районе Невель — Н. Сокольники — Великие Луки? — спросил я генерала Романовского.

— Я не знаю. Передаю Вам точно приказание Верховного главнокомандующего.

— Когда Вы его получили и каким путем?

— Вчера, после двадцати трех часов, генерал Корнилов меня вызвал и приказал доложить Вам об этом сегодня утром”.

Мне все это показалось несколько странным; странно, почему это приказание было отдано не непосредственно мне, а через генерал-квартирмейстера; непонятно было, почему выбран указанный район сосредоточения...

Я пошел к генералу Корнилову.

Сказав ему, что генерал Романовский передал мне его приказание, я попросил объяснить, почему выбран для конницы указанный район сосредоточения.

Генерал Корнилов мне ответил, что он хочет сосредоточить конницу не специально за Северным фронтом, а в таком районе, откуда легко было бы в случае надобности перебросить ее на Северный фронт или на Западный, что выбранный им район наиболее удовлетворяет этому требованию.

Я сказал, что нам вряд ли есть основание опасаться за Западный фронт, где имеются достаточные резервы, и было бы лучше сосредоточить конницу в окрестностях Пскова.

Но Корнилов остался при своем решении.

— Я, конечно, сейчас же отдал необходимые распоряжения, но у меня получается, Лавр Георгиевич, впечатление, что Вы что-то недоговариваете.

Выбранный Вами район сосредоточения конницы очень хорош на случай, если бы ее надо было бросить на Петроград или на Москву; но, на мой взгляд, он менее удачен, если идет речь лишь об усилении Северного фронта.

Если я не ошибаюсь и Вы действительно что-то недоговариваете, то прошу — или отпустите меня на фронт, или полностью скажите мне Ваши предположения. Начальник штаба может оставаться на своем месте лишь при полном доверии со стороны начальника”.

Генерал Корнилов несколько секунд подумал и ответил:

”Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с Вами еще не говорил. Прошу Вас сейчас же отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го конного корпуса генерала Крымова; а мы с Вами подробно поговорим после моего возвращения из Петрограда...”

После этого генерал Корнилов вернулся к разговору, бывшему у меня с ним до его поездки в Петроград.

”Как Вам известно, все донесения нашей контрразведки сходятся на том, что новое выступление большевиков произойдет в Петрограде в конце этого месяца; указывают на 28—29 августа (10—11 сентября).

Германии необходимо заключить с Россией сепаратный мир и свои армии, находящиеся на нашем фронте, бросить против французов и англичан.

Германские агенты — большевики, как присланные немцами в запломбированных вагонах, так и местные, на этот раз примут все меры, чтобы произвести переворот и захватить власть в свои руки.

По опыту 20 апреля (3 мая) и 3—4 июля (16—17 июля) я убежден, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены, а если Временное правительство чудом останется у власти, то, при благосклонном участии таких господ, как Черновы, главари большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов — останутся безнаказанными.

Пора с этим покончить.

Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался.

Вы правы. Конный корпус я передвигаю, главным образом, для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины как следует.

Руководство этой операции я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов.

Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне, в последнюю минуту, удастся с ним договориться.

Но вперед ничего никому говорить нельзя, так как гг. Керенские, а тем более Черновы, на все это не согласятся и операцию сорвут.

Если же мне не удалось бы договориться с Керенским и Савинковым, то возможно, что придется ударить по большевикам и без их согласия. Но затем они же будут мне благодарны и можно будет создать необходимую для России твердую власть, не зависимую от всяких предателей.

Я лично ничего не ишу и не хочу. Я хочу только спасти Россию и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся.

Пойдете ли Вы со мной до конца и верите ли, что лично для себя я ничего не ишу?"

Я, зная генерала Корнилова, как безусловно честного и преданного родине человека, ответил, что верю ему, вполне разделяю его взгляд и пойду с ним до конца...

Генерал Корнилов мне ответил: "Теперь я Вас прошу никакой армии не принимать, а остаться у меня начальником штаба.

До сих пор я с Вами не говорил, предполагая, что Вы захотите принять армию.

Я уже кое-что подготовил, и по моим указаниям полковник Лебедев и капитан Роженок разрабатывают все детали.

У Вас, как у начальника штаба, слишком много работы, а потому уже доверьтесь, что я лично за всем присмотрю и все будет сделано как следует.

Во все это посвящены мой ординарец Завойко и адъютант полковник Голицын".

Я, к сожалению, на это согласился и никакого участия в разработке операции не принимал.

Как последующее показало, сам генерал Корнилов, за неимением времени, подготовкой операции не руководил, а исполнители, не исключая и командира корпуса, генерала Крымова, отнеслись к делу более чем легкомысленно, что и было одной из главных причин, почему операция впоследствии сорвалась.

12(25) августа в Ставку приехал генерал Крымов, но так как генерал Корнилов, до отъезда в Москву на Государственное совещание, не имел времени с ним поговорить, то предложил ему ехать с ним в Москву, чтобы переговорить дорогой".

Окончательное соглашение между генералами Корниловым, Крымовым и Калединым* было достигнуто в Москве в личном поезде Верховного главнокомандующего.

Поскольку пребывание генерала Крымова в Москве держалось в тайне, Милюков не упоминает о нем в своей книге "История второй русской революции", когда касается своих переговоров с Корниловым и Калединым в Москве, и объясняет, что координацию своих планов военных действий против правительства они провели во время Государственного совещания.

23 августа после встречи со мной в Петрограде Владимир Львов побывал в московской гостинице "Националь" у Аладьина, где встретил И. А. Добрынского**. Вскоре после прихода Львова в номер зашел ординарец и вручил Аладьину письмо из Ставки, которое он вскрыл и тут же прочитал. Это был приказ Верховного главнокомандующего генералу Каледину о переброске к Москве его донских казаков. Приказ был немедленно передан Каледину***.

План захвата Петрограда и установления военной диктатуры был разработан до созыва Государственного московского совещания. Во второй половине августа стала стремительно приближаться дата отставки Владимира Львова, на которой настаивали в беседе с ним Новосильцев и Шульгин. Настало время установить более тесные контакты между заговорщиками в армии и теми группами гражданских лиц, которые знали о предстоящем перевороте и выступали в его поддержку.

"Около этого времени группа молодых офицеров из Ставки, — пишет С. И. Шидловский****, — пожелала переговорить совершенно конфиденциально с некоторыми из более видных членов Думы; было устроено совершенно тайно небольшое собрание, на котором офицеры заявили, что они уполномочены Корниловым довести до сведения Думы, что на фронте и в Ставке все готово для свержения Керенского и что только нужно согласие Государственной думы на то, чтобы весь замышляемый переворот велся от ее имени и, так сказать, под ее покровительством.

Члены Думы отнеслись к этому предложению с большой осторожностью, стали подробно расспрашивать офицеров о том, что организовано да как, и после продолжительного допроса пришли к единогласному заключению, что все это поставлено до такой степени несерьезно, что никакого значения придавать делаемому предложению нельзя, и поэтому отказались даже разговаривать по этому предмету с Корниловым.

---

* Атаман Донского казачества.

** Довольно загадочная фигура. В свое время он работал в Министерстве земледелия, позднее выполнял роль курьера между Корниловым и Калединым.

*** 27 августа генерал Корнилов направил генералу Каледину телеграмму следующего содержания: "Керенский разослал по всем железным дорогам телеграмму, что я смещен с должности главноверха и на мое место назначен Клембовский с местопребыванием в Пскове. Я отказался сложить с себя обязанности Верховного главнокомандующего. Деникин и Балугев идут со мной (что касается Балугева, это было неправдой) и послали протест Временному правительству по поводу моего смещения. Клембовский решил по получении официального извещения правительства о своем назначении отказаться от него. Если Вы поддерживаете меня со своими казаками, то телеграфируйте об этом Временному правительству и копию мне" (цит. по: Революционное движение в России... С. 447).

**** Председатель "Прогрессивного блока" в IV Думе.

Из всех членов Думы поехал к Корнилову в его поезд один Милюков, имевший с ним разговор, содержание которого мне неизвестно**.

Члены Думы, проявив политическую зрелость, отказались обсуждать с генералом Корниловым замыслы, в которых не увидели шансов на успех. Однако они ничего не предприняли, чтобы остановить заговорщиков, и даже не посчитали нужным сообщить об этих замыслах наиболее заинтересованному лицу, а именно мне!

О сути своих продолжительных бесед с Корниловым и Калединым Милюков и не заикался вплоть до того времени, когда правду о своем участии во всем этом деле в какой-то степени раскрыли Деникин и Финилов**, и лишь после этого он признал, что такие беседы действительно имели место, о чем он и упоминает во второй части своей книги "История второй русской революции"***:

"Теперь, как Корнилов лично мне говорил при свидании в Москве 13-го августа... момент открытого разрыва с правительством Керенского представлялся ему совершенно определенным, вплоть до заранее намеченной даты, 27 августа. Это представляет в несколько ином свете недавно опубликованные свидетельства, которые не в полной мере совпадают с моими показаниями. Я уже касался другого аспекта нашей беседы и желал бы вновь напомнить о нем. В личной беседе с Корниловым в Москве (13 августа) я предупреждал его о несвоевременности борьбы с Керенским — и не встретил с его стороны решительных возражений. Об этом я сообщил и генералу Каледину, посетившему меня в те же дни. Все это, видимо, соответствовало, что и подтвердилось позднее, намерению Корнилова сохранить Керенского в кабинете.

Могу добавить к уже сказанному следующее: генерал Корнилов не входил во все детали предстоящего переворота, однако он выразил желание получить поддержку конституционных демократов в случае реорганизации в критический момент кабинета министров. Я ответил, что мы не сможем поддержать его, если, как свидетельствует тональность его высказываний, дело дойдет до кровопролития или насилия. На это Корнилов ничего не ответил. В заключение беседы я заметил, что со стороны генерала Корнилова крайне неблагоприятно окружать себя людьми вроде Аладьина, который выходил из вагона Корнилова, когда я входил в него..."****

Таким образом, после беседы с Корниловым Милюков знал точную дату переворота, знал о предложении убрать кадетов из Временного правительства, знал о намерении пустить в ход силу, но он предпочел умолчать обо всем этом.

Шидловский и другие руководители "Прогрессивного блока", которые беседовали с молодыми офицерами, направленными генералом Корниловым, заняли такую же позицию. Если бы я знал о двуличии Корнилова, если я хотя бы за две недели получил известие о готовящемся перевороте, я был бы способен положить конец этой опасной игре

---

* Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 141.

** Свидетельства об этом были опубликованы в "Последних новостях" 6 марта 1937 года.

*** Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1922. Т. 1. Вып. 2. С. 174.

**** Несмотря на столь нелестную характеристику Аладьина, Милюков, судя по всему, не знал, что Аладьин в действительности посетил генерала Корнилова не в качестве бывшего члена Думы, а как весьма важный тайный агент Англии.

судьбой России. Однако Милюков и другие, кого Корнилов посвятил в свои планы, хранили молчание, движимые симпатией к его замыслам и желанием оказать ему, по крайней мере, пассивную поддержку.

Перед возвращением в Ставку Корнилов вызвал к себе в вагон руководителей "Общества содействия экономическому возрождению России" Путилова, Вышнеградского и Мещерского*. Поскольку Мещерского в то время в Москве не было, на встречу явились лишь Путилов и Вышнеградский. Отчет об этой тайной ночной встрече позднее дал Путилов**, уже после того, как с разоблачениями выступили Деникин, Милюков и ряд других лиц. Однако и в этом отчете не содержится полной правды, зато в нем немало лживых утверждений вроде тех, будто генерал Корнилов заявил, что действует "с полного согласия Керенского", будто они вплоть до Государственного московского совещания в глаза не видели генерала, будто Верховный Главнокомандующий и слухом не слыхивал о деньгах, которые они собрали для него, и будто Корнилов обратился к ним только потому, что знал их как людей состоятельных, и т. п.

И все же из отчета Путилова со всей очевидностью можно сделать один главный вывод. Генерал сообщил им, что он посылает в Петроград корпус для разгрома большевиков; но одного разгрома мало. Их надо еще и арестовать. А чтобы избежать уличных боев и не допустить бегства большевиков из их штаб-квартиры в Смольном институте, следует оказать поддержку генералу Крымову внутри города***. Корнилов также попросил предоставить ему средства для содержания верных людей и получил ответ, что такие средства уже собраны и могут быть переданы в любое время. На это он сказал, что прямых контактов в подобных делах следует избегать, и добавил: "Я сообщаю Вам фамилии четырех полковников генерального штаба: Сидорин, Дюсиметьер, Пронин и... (Путилов скрыл фамилию четвертого человека — полковника Новосильцева). Если с Вами войдет в контакт кто-либо из них, знайте, что они действуют от моего имени".

В своих мемуарах видный член Центрального комитета партии кадетов Владимир Дмитриевич Набоков так описывает события, предшествовавшие 27 августа****: "Это было в двадцатых числах августа (1917 года), во вторник на той неделе, в конце которой Корнилов подступил к Петербургу. Утром ко мне позвонил Львов и сказал мне, что у него есть важное и срочное дело, по которому он пытался переговорить с Милюковым, как председателем Центрального комитета, и с Винавером, как товарищем председателя, но ни того, ни другого ему не удалось добиться (кажется, они были в отъезде), и потому он обращается ко мне и просит назначить время, когда бы он мог со мной повидаться. Я несколько запоздал с возвращением домой и, когда пришел, застал Львова у себя в кабинете. У него был таинственный вид, очень значительный. Не говоря ни слова, он протянул мне бумажку, на которой было написано приблизительно следующее (списать я текст не мог, но помню очень отчетливо): "Тот генерал, который был Вашим визави

---

* Директор Международного банка.

** Последние новости. 1937. 24 января.

*** Деньги, которые предоставил Путилов в июле "Республиканскому центру", предназначались именно на эти цели.

**** Набоков В. Временное правительство. Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. С. 43—45.

за столом, просит Вас предупредить министров к. д., чтобы они такого-то августа (указана была дата, в которую произошло выступление Корнилова, пять дней спустя; кажется, 28-го августа)... подали в отставку, в целях создания правительству новых затруднений и в интересах собственной безопасности". Это было несколько строк посередине страницы, без подписи.

Не понимая ничего, я спросил Львова, что значит эта энигма и что требуется, собственно говоря, от меня? — "Только довести об этом до сведения министров к. д.". "Но, сказал я, едва ли такие анонимные указания и предупреждения будут иметь какое бы то ни было значение в их глазах". "Не расспрашивайте меня, я не имею права ничего добавить". "Но тогда, повторяю, я не вижу, какое практическое употребление я могу сделать из Вашего сообщения". После некоторых загадочных фраз и недомолвок, Львов наконец заявил, что будет говорить откровенно, но берет с меня слово, что сказанное останется между нами, "иначе меня самого могут арестовать". Я ответил, что хочу оставить за собой право передать то, что узнаю от Львова, Милюкову и Кокошкину, на что он тотчас же согласился.

Затем он мне сказал следующее: "От Вас я еду к Керенскому и везу ему *ультиматум* (курсив мой): готовится переворот, выработана программа для новой власти с диктаторскими полномочиями. Керенскому будет предложено принять эту программу. Если он откажется, то с ним произойдет окончательный разрыв, и тогда мне, как человеку, близкому к Керенскому и расположенному к нему, останется только позаботиться о спасении его жизни". На дальнейшие мои вопросы, имевшие целью более определенно выяснить, в чем же дело, Львов упорно отмалчивался, заявляя, что он и так уже слишком много сказал. Насколько я помню, имя Корнилова не было произнесено, но, *несомненно*, сказано, что ультиматум исходит из Ставки. На этом разговор закончился, и Львов поехал к Керенскому. Насколько можно судить из тех сведений, которые впоследствии были опубликованы, Львов в этом первом разговоре с Керенским совсем не выполнил того плана, о котором он мне сообщал... О разговоре своем я в тот же вечер сообщил Кокошкину, а также и другим нашим министрам (Ольденбургу и Карташову), с которыми виделся почти ежедневно... Помню, что я просил их обратить внимание на поведение Керенского в вечернем заседании. Впоследствии они мне сообщили, что Керенский держался как всегда, никакой разницы".

Если бы Владимир Набоков исполнил свой долг, сообщив немедленно мне о встрече с Львовым, все же была бы возможность предотвратить катастрофу. Вместо этого мои коллеги по кабинету хранили молчание и наблюдали в тот вечер за моим поведением.

Во время своего первого визита Львов действительно не вручил мне никакого ультиматума, поскольку это и не предполагалось делать. Из разговора с И. А. Добрыньским, состоявшемся в Москве, он узнал, что вопрос о военной диктатуре предполагалось обсудить на секретном совещании в Ставке, куда был приглашен сам Добрыньский. Полагая, что такое разрешение нарастающего политического кризиса будет иметь для России фатальные последствия, Львов предложил провести реорганизацию правительства, включив в него и Корнилова, и меня. В своих мемуарах Львов пишет, что Добрыньский согласился представить этот план на рассмотрение участников совещания в Ставке. Вот как описывает Львов то, что за этим последовало*: "20-го августа ко мне вновь

---

* Последние новости. 1920. 30 ноября.

в номер заходит Добрынский и с радостью объявляет, что план мой на секретном совещании принят. Правда, думали остановиться на военной диктатуре, но он выступил с речью против, в защиту моего плана, и совещание в конце концов этот план одобрило. Затем он прибавил, что глубокою ночью он был введен в кабинет Верховного главнокомандующего и Корнилов с глазу на глаз сказал ему, что решился быть военным диктатором, но никто знать об этом не должен. Прощаясь с ним, Корнилов сказал: "Помните, что вы меня не видали и я вас не видел". "Одно решение не совпадает с другим", — заметил я.

Добрынский признался мне, что и он не вполне понимает, что происходит в Ставке. Кто был на секретном совещании, Добрынский не говорил, и я не считал себя вправе его расспрашивать. "Однако все-таки надо действовать в духе моего плана", — сказал я. Добрынский со мной согласился.

Я тотчас же вызвал по телефону брата моего Николая Николаевича Львова, видного общественного деятеля, рассказал ему все и просил переговорить с московской общественностью относительно образования Национального кабинета. Брат мой согласился и уехал.

На другой день, 21 августа, в мой номер входит Добрынский и говорит, что со мной хочет познакомиться Аладьин, бывший член I Государственной думы, лидер трудовиков. Я выразил свое согласие: вошел Аладьин в форме лейтенанта английской службы. Поздоровавшись со мной, он стал жаловаться на Керенского, что тот не желает его видеть, а между тем Аладьин собирался ему всю правду в лицо сказать... Через несколько минут Аладьин сказал мне, что получил из Ставки письмо от Завойко.

"Кто этот Завойко?" — спросил я. "Это ординарец при Корнилове, — отвечал Аладьин. — В письме содержится очень важное поручение. Я сидел целых два часа у князя Львова, желая с ним поговорить наедине, но у Львова столько было народу, что я не улучил удобной минуты".

— Могу я узнать, в чем заключается поручение? — спросил я.

— Вот вам то место из письма, которое относится до поручения, — сказал мне Аладьин, показывая мне бумажку, в которой буквально было написано следующее: "За завтраком генерал, сидевший против меня, сказал: "Недурно бы предупредить ка.-де., чтобы к 27 августу они вышли все из Временного правительства, чтобы поставить этим Временное правительство в затруднительное положение и самим избежать неприятностей".

— Кто такой этот генерал? — спросил я.

— Это Лукомский.

— А у кого же завтрак? — продолжал я.

— У Верховного главнокомандующего.

— Какую же цену имеет письмо простого ординарца?

— Дело в том, — пояснил мне Добрынский, — что Корнилов сам никогда никаких писем не пишет. — Все идет через Завойко, и письмо Завойко равносильно приказанию самого Корнилова.

Я ахнул и понял все значение предупреждения в письме Завойко.

"Предупреждение настолько важное, — сказал я, — что я могу съездить в Петроград и передать эту бумажку в Центральный кадетский комитет". Аладьин согласился.

Затем я рассказал Аладьину о моем плане и спросил его, как он думает, если я поеду к Керенскому и смогу убедить его перестроить правительство, чтобы успокоить Ставку.

Аладьин согласился, что будет очень хорошо, если я добьюсь от Керенского согласия вступить в переговоры. Быть может удастся предотвратить что-то такое, что готовится к двадцать седьмому августа.

— Что же готовится? — спросил я.

Аладьин отвечал решительным незнанием.

Когда он ушел, я опять спросил Добрынского, заходить ли мне к Керенскому, чтобы начать с ним переговоры на основах моего плана? На что Добрынский горячо поддержал необходимость видаться мне с Керенским, говоря, что секретное совещание в Ставке уполномочило его меня об этом просить”.

Посоветовавшись со своим братом, Владимир Львов решил отправиться для встречи со мной в Петроград. Тем же вечером, 21 августа, он выехал в столицу, с тем чтобы передать послание Завойки Центральному комитету партии кадетов и договориться со мной о приеме. На следующий день у него состоялась встреча с Набоковым, которая уже была описана, беседа со мной, после чего он немедленно возвратился в Москву.

По приезде 23 августа в Москву он сообщил своему брату, что я согласился на создание Национального кабинета. Оказалось, что брат уже обсудил этот вопрос с некоторыми из политических руководителей, включая В. Маклакова*. ”Нелегко для нас, — заметил Николай Львов, — быть по одну сторону с Керенским, но мы это сделаем”.

После ухода брата Львов отправился к Добрынскому, которого застал за беседой с Аладьиным. По свидетельству Львова, оба выразили удовлетворение ”согласием Керенского” вести переговоры с другими политическими лидерами и Ставкой**.

Именно в этот момент ординарец из Ставки вручил Аладьину письмо, в котором содержался приказ генерала Корнилова Каледину, что побудило Львова немедленно отправиться в Ставку с миссией посредника. Разделяя точку зрения Львова, Добрынский вместе с ним отправился в тот же вечер на встречу с генералом Корниловым. Однако 24 августа Владимир Львов не смог переговорить с Верховным главнокомандующим, не смог он и достать обратного билета в Москву! Генерал Корнилов не спешил принять ”посланца Керенского”, частично потому, что рядом с ним не было в тот день его политического наставника Завойко.

А пока с 21 по 24 августа Львов метался между Петроградом, Москвой и Могилевом, в Ставке было принято крайне важное решение. Вот что писал об этом Финисов: ”Когда в Петербурге ”все было готово”, Ставка вызвала 21 августа телефонограммой ответственных лиц ”Республиканского центра” для доклада. Николаевский — в отъезде. Полковники Сидорин и Дюсиметьер не могут оторваться от военной организации. Просят Липского и меня ехать в Ставку. Вечером в тот же день, в усадьбе Липского (Саблино, Ник. ж. д.) состоялось совещание, на котором, с участием военного юриста полковника Р. Р. Раупаха, были окончательно разработаны проекты: *о составе правительства... об аграрной реформе, об осадном положении в Петербурге и т. д.* Со всеми этими материалами мы и поехали в Ставку к генералу Корнилову...

---

* Лидер правого крыла партии кадетов.

** Давая показания на заседании Чрезвычайной Комиссии по расследованию дела Корнилова 14 сентября 1917 года, Владимир Львов заявил: ”Хотя Керенский не дал мне каких-либо полномочий вести переговоры с Корниловым, я все же счел возможным заявить от имени Керенского о его желании реорганизовать правительство”.

В 12 часов ночи начальник главной квартиры князь Трубецкой ввел нас в кабинет покойного государя, где уже находились ген. Л. Г. Корнилов, ген. А. М. Крымов, ген. И. П. Романовский, ген. А. С. Лукомский и четверо или пятеро военных (один — генерал, остальные полковники).

Корнилов сказал нам, что только что у него был Савинков, с которым все согласовано. Однако правительство против назначения ген. Крымова и против включения Дикой дивизии в корпус, посылаемый в столицу. Приехал из Петербурга также В. Н. Львов, с каким-то поручением, но с каким — неизвестно, так как ген. Корнилов с ним еще не говорил... После этого мы сделали подробный доклад, доложив, между прочим, и новый список министров. Корнилов тут же внес в список некоторые изменения (убрал, например, министра путей сообщения П. П. Юренева, заменив его Э. П. Шуберским*). Мы указали на чрезвычайное озлобление в офицерской среде и просили вызвать Керенского в Ставку, чтобы сохранить его жизнь, так как случайное убийство могло вызвать настоящую катастрофу... Корнилов одобрил весь план. При этом Верховный главнокомандующий прибавил, что окончательный состав правительства он обсудит с Керенским...

Было это в ночь с 23 на 24 августа***.

Лично я не думаю, что слова Корнилова могли ввести в заблуждение участников того решающего ночного бдения. Они понимали, что генерал ведет двойную игру. Он не мог бы утверждать, будто на встрече с Савинковым "все согласовано", ибо за день до этого он обещал Савинкову и Барановскому предоставить конный корпус в распоряжение Временного правительства, не назначать генерала Крымова на пост командующего этим корпусом и не включать в него Дикую дивизию.

Однако уже 25 августа генерал Крымов в качестве главнокомандующего "особой Петроградской армии" издал секретный приказ, объявив военное положение в Петрограде, Кронштадте, Петроградском военном округе и Финляндии. Одновременно он направил командиру Дикой дивизии генералу Багратиону секретный приказ, требующий подавить в Петрограде революционных рабочих и солдат.

В конце концов вечером 24 августа генерал Корнилов нашел время для встречи с Владимиром Львовым. Львов изложил свой компромиссный план и предложил сформировать национальное правительство. Ответ генерала был довольно туманным. Он сказал, что во время Государственного московского совещания в ходе личной беседы выразил мне свою поддержку, однако я чрезмерно завишу от Советов и т. д. В заключение генерал Корнилов сказал: "Впрочем, приходите завтра в 10 часов утра для окончательного ответа". Ниже приводится отчет самого Львова об этой второй встрече***: "На другой день в 10 часов утра я всходил по лестнице губернаторского дома, в котором помещался Корнилов. На верхней площадке меня встретил пожилой вольноопределяющийся, плотный, высокого роста, с проседью брюнет. Он представился мне: "Завойко". Завойко извинился за Верховного главнокомандующего, прося меня подождать. Сам он, Завойко, только что вернулся с какой-то поездки. Вчера и ночью его в Ставке не было. Мы сели в зале, смежной с кабинетом Верховного главнокомандующего...

---

* Шуберский в качестве товарища министра путей сообщения постоянно находился в Ставке и входил в число заговорщиков.

** Последние новости. 1937. 27 февраля.

*** Последние новости. 1920. 7 декабря.

— Я хочу созвать Земский собор, — сказал мне Завойко. Я посмотрел на него с удивлением и подумал:

— Кто такой господин Завойко, который собирается созывать Земский собор.

Пока Завойко излагал мне свои взгляды на Земский собор, дверь кабинета отворилась.

Я вошел в кабинет к Корнилову и сел бок о бок с ним у письменного стола. Корнилов начал мне говорить твердо, уверенно. В нем не заметно было вчерашней нерешительности.

— Передайте Керенскому, — сказал мне Корнилов, — что Рига взята вследствие того, что предположения мои, представленные Временному правительству, до сих пор им не утверждены. Взятие Риги вызывает негодование всей армии. Дольше медлить нельзя. Необходимо, чтобы полковые комитеты не имели права вмешиваться в распоряжения военного начальства, чтобы Петроград был введен в сферу военных действий и подчинен военным законам, а все фронтовые и тыловые части были подчинены Верховному главнокомандующему. По сведениям контрразведки, доставленным мне, в Петрограде готовится большевистское восстание между 28 августа и 2 сентября. Это восстание имеет целью низвержение власти Временного правительства, провозглашение власти Советов, заключение мира с Германией и выдачу ей большевиками Балтийского флота. Ввиду столь грозной опасности, угрожающей России, я не вижу иного выхода, как немедленная передача власти Временным правительством в руки Верховного главнокомандующего.

Я перебил Корнилова:

— Передача одной военной власти или также и гражданской? — спросил я.

— И военной и гражданской, — пояснил Корнилов.

— Вы мне позволите все это для памяти записать.

— Пожалуйста, — сказал Корнилов и протянул мне карандаш и бумагу.

— Быть может, лучше просто совмещение должности Верховного главнокомандующего с должностью председателя Совета Министров, — вставил я.

Корнилов смутился.

— Пожалуй, можно и по вашей схеме, — сказал Корнилов. — Конечно, все это до Учредительного собрания, — заметил Корнилов.

— Затем, — продолжал он, — предупредите Керенского и Савинкова, что я за их жизнь нигде не ручаюсь, а потому пусть они приедут в Ставку, где я их личную безопасность возьму под свою охрану... Кто будет Верховным главнокомандующим, меня не касается, лишь бы власть ему была передана Временным правительством.

Я сказал Корнилову:

— Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам.

Корнилов сделал жест головой в знак согласия и продолжал.

— Во всяком случае Романовы взойдут на престол только через мой труп. Когда власть будет лишь передана, я составлю свой кабинет. Я не верю больше Керенскому, он ничего не делает.

— А Савинкову вы верите? — спросил я.

— Нет, и Савинкову я не верю. Я не знаю, кому он нож хочет всадить в спину, не то Керенскому, не то мне, — отвечал Корнилов.

— Если вы такого мнения о Савинкове, отчего же вы его вчера не арестовали, когда он был здесь?

Корнилов молчал.

— Впрочем, — продолжал Корнилов, — я могу предложить Савинкову портфель военного министра, а Керенскому портфель министра юстиции.

Тут совершенно неожиданно в кабинет вошел без доклада ординарец Завойко, который перебил Верховного главнокомандующего, сказал наставительным тоном, как говорят ученику:

— Нет, нет, не министра юстиции, а заместителя председателя Совета Министров.

Я удивленно посмотрел то на Корнилова, то на ординарца. Вид у Корнилова был сконфуженный.

— Так вы мне прикажете все это передать Керенскому? — спросил я у Корнилова. Отвечал Завойко:

— Конечно, конечно, важна законная преемственность власти...

Я откланялся Корнилову и вышел из кабинета.

Завойко пригласил меня к себе завтракать; он помещался тут же в доме. Я прошел к нему и застал в его кабинете Добрынского и еще незнакомого мне господина. Завойко познакомил нас: "Профессор Яковлев".

Затем Завойко, сев у письменного стола, достал лист бумаги, на котором было что-то написано, и стал читать вслух. То был манифест Корнилова к армии, в котором Корнилов, называя себя сыном казака, брал на себя Верховную власть во имя спасения Родины. Прочтя манифест, Завойко вытащил из письменного стола еще бумагу и стал читать. То была прокламация Корнилову к солдатам. В ней солдатам обещалось по возвращении домой нарезать по 8 десятин на каждого. Оказывается, что это была аграрная программа, выработанная сидевшим передо мной профессором Яковлевым. Завойко сунул мне по экземпляру каждого. Я машинально положил их в карман, не зная, для чего он мне их дал".

Львов далее рассказал о том, как Завойко на листе бумаги написал слова "Керенский — заместитель председателя Совета Министров", а затем — фантастический состав будущего кабинета, в который должны были войти он, Аладьин и Филоненко*. Львов, пораженный всем происходящим до глубины души, сказал, что может быть лучше до формирования кабинета пригласить для консультаций в Ставку разных политических лидеров. На это Завойко ответил Львову предложением пригласить в Ставку всех, кого он пожелает, и сам вызвался оформить эти приглашения от имени Верховного главнокомандующего. В результате была послана такая телеграмма: "Генерал Корнилов приглашает видных партийных и гражданских руководителей, в том числе Родзянко, немедленно прибыть в Ставку. Предмет обсуждения: формирование кабинета. Немедленный ответ крайне желателен. За разъяснениями о числе приезжающих и времени прибытия обращаться в Ставку к князю Голицыну. Подпись: В. Львов".

Затем Завойко и Добрынский отвезли Львова на вокзал, и Завойко вновь повторил ему содержание ультиматума, который ему следовало предъявить мне на следующий вечер (26 августа).

Вручив мне корниловский ультиматум, Львов сообщил, что он, должно быть, слишком поздно провел свой разговор с Корниловым. Затем, не сказав мне ни слова, он направился к Милюкову, с тем чтобы предупредить его о возможном большевистском восстании. В ответ Милюков заверил Львова, что такого восстания не будет. В раздражении от того, что Милюков подтвердил мои слова, он выхватил из

---

* Комиссар Временного правительства в Ставке, который присоединился к заговорщикам.

кармана обращение и прокламацию Корнилова и протянул их Милюкову. "А мне это совсем неинтересно", — реагировал Милюков.

В отчаянии заговорщики вступили на путь провоцирования большевистского восстания. Вот один из фантастических эпизодов, описанный Финисовым в "Последних новостях" от 6 марта 1937 года:

"За несколько дней до того нам точно стало известно, что большевики отложили выступление на неопределенный срок. Выступать без этого повода мы не считали возможным. ...Мы решили поэтому прибегнуть к крайней мере. Полки генерала Крымова продолжали двигаться к Петербургу. Не воспользоваться этим было бы преступлением. Если повода нет, его надо создать. Специальной организации было поручено... вызвать "большевистское" выступление, т. е. *разгромить Сенной рынок, магазины, одним словом, поднять уличный бунт*. В ответ должны были начаться, в тот же день, действия офицерской организации и казачьих полков генерала Крымова. *Это поручение было возложено на генерала В. И. Сидорина, причем тут же ему было вручено 100 000 руб. на эту цель* (из этой суммы ген. Сидорин истратил только 26 000 руб. на подготовку "большевистского бунта")... Момент же искусственного бунта должны были определить мы, т. е. полк. Дюсиметьер и я, после свидания с ген. А. М. Крымовым, переслав приказ шифрованной запиской в Петербург".

В 4 часа пополудни 28 августа Финисов и полковник Дюсиметьер выехали из Петрограда, с тем чтобы переговорить с генералом Крымовым. Встретившись с ним в селе Заозерье близ Луги, Финисов и Дюсиметьер сообщили генералу о провокационном большевистском мятеже. Генерал Крымов поддержал эту идею, считая, что без выступлений большевиков в Петрограде его распропагандированные казаки на Петроград не пойдут. В 8 утра послали с мотоциклистом через Гатчину шифрованную записку генералу Сидорину с приказом: *"Действуйте немедленно, согласно инструкциям"*.

Однако Сидорин решил вначале посоветоваться с генералом Алексеевым, который категорически воспротивился выступлению и заявил: "Если вы пойдете на такую меру, то я застрелюсь! А перед смертью оставлю записку с объяснением причин". Сидорин подчинился, отменил распоряжения и вернул "Республиканскому центру" неизрасходованные деньги... Однако несмотря на это, была все же предпринята попытка спровоцировать инцидент на Сенной площади.

Атаман Дутов позднее рассказывал Владимиру Львову, что он пытался создать видимость "большевистского" восстания, провоцируя толпу грабить магазины, но из этой затеи ничего не вышло.

Без всякого сомнения, после того как заговорщицкая организация в Петрограде отказалась от идеи фиктивного большевистского мятежа, генерал Алексеев понял, что "удачное наступление" на столицу провалилось и следует немедленно прекратить все дальнейшие военные операции.

В 11.00 29 августа полковник Барановский передал мне донесение от командира гарнизона в городе Луга полковника Вороновича, в котором сообщалось, что казаки под командованием генерала Крымова отказались идти на Петроград и выступили с угрозами в адрес своего командующего. Было крайне важно не допускать каких-либо противоправных действий в отношении генерала, и я направил в Лугу друга Крымова полковника генерального штаба Самарина, с тем чтобы он доставил Крымова в Петроград ко мне в Зимний дворец. Сообщив об этом полковнику Вороновичу в Лугу, Самарин отбыл в Ставку Крымова.

Лишь в 1936 году я узнал, что по пути в Лугу Самарин посетил

штаб-квартиру генерала Алексеева с целью получения "инструкции"*.

Генерал Алексеев "санкционировал" мой приказ доставить Крымова в Петроград, добавив, что перед этим желал бы переговорить с Крымовым.

В течение всей ночи 30 августа Крымов консультировался с Алексеевым. О своем прибытии в Петроград он сообщил мне лишь утром в 10 часов. На моем разговоре с Крымовым присутствовали товарищи военного министра — генерал Якубович и генерал Туманов, а также председатель Чрезвычайной комиссии для расследования дела Корнилова И. С. Шабловский.

Генерал Крымов, честный и мужественный солдат, начал беседу с заявления о том, что его корпус двигался к Петрограду с целью помочь Временному правительству и никаких враждебных действий против правительства проводить не планировалось. Видимо, под воздействием ночного разговора с генералом Алексеевым, он постарался утаить цель продвижения к столице, повторив фальшивую версию, пущенную в ход друзьями Корнилова. Однако ложь натуре Крымова претила. И он тут же, перестав запыряться, достал сложенный пополам листок бумаги и произнес: "Это — приказ".

Прочитав приказ за № 128, я вручил его председателю комиссии. Генерал Крымов далее признал, что в начале августа он находился в Ставке, где тогда разрабатывались военные мероприятия, связанные с движением к столице. Он также сообщил, что, согласно плану, принятому тогда, предполагалось поделить город на отдельные военные сектора и что он был назначен генералом Корниловым на пост командующего специальной "Петроградской армией".

Я уверен, что положение для него стало невыносимым, ибо он почувствовал себя безнадежно запутавшимся в сетях лжи. Он, во-первых, не заявил откровенно о своей причастности к делу, а, во-вторых, параграф 4-й приказа начинался с лживого заявления относительно большевистских бунтов в столице.

Я задал ему вопрос, почему он прибег к этому очевидному вымыслу. Ответ его был расплывчатым, — видимо, он не пожелал бросить тень на своих сообщников в столице, которые обещали организовать большевистский мятеж в канун его прибытия в Петроград.

Генерал Крымов покинул мой кабинет свободным человеком. Единственным ограничением его свободы был вызов Шабловского явиться на следующий день в 5 часов в Чрезвычайную комиссию для расследования и дать там показания. Однако генерал Крымов в комиссию не явился. Он отправился на квартиру своего близкого друга ротмистра Журавского и там застрелился. Он оставил объяснительную записку, которую передали Чрезвычайной комиссии для расследования и которая, возможно, сохранилась в архивах этого дела.

Дело Крымова помогло разоблачить двойную игру генералов. Первоначальный план имел целью захват столицы в надежде заставить правительство врасплох. И даже поняв, что им не удалось провести Временное правительство, они по-прежнему придерживались своей лживой версии, даже после провала заговора. Крымов был единственным человеком, который сумел взглянуть правде в глаза. А генерал Корнилов упорно отказывался признать эту правду, яркое свидетельство этого — интервью, которое он дал французскому корреспонденту Клоду Анне**.

---

* См. Последние новости. 1936. 14 ноября.

** Это интервью, данное сразу после краха заговора, до ареста Корнилова, изложено в книге: *Anet C. La Révolution russe*. Т. 2. Р. 154 (цит. по: *Милюков П. Н. История второй русской революции*. Т. 1. Вып. 2. С. 262—263).

”Если бы я был тем заговорщиком, каким рисовал меня Керенский, если бы я составил заговор для низвержения правительства, я, конечно, принял бы соответствующие меры. В назначенный час я был бы во главе моих войск и, подобно вам, я не сомневаюсь, что вошел бы в Петроград почти без боя. Но в действительности я не составлял заговора и ничего не подготовил. Поэтому, получив непонятную телеграмму Керенского (с требованием прибыть в Петроград), я потерял двадцать четыре часа. Как вы знаете, я предполагал, что или телеграф перепутал, или что в Петрограде восстание, или что большевики овладели телеграфом. Я ждал или подтверждения или опровержения (телеграммы). Таким образом я пропустил день и ночь: я позволил Керенскому и Некрасову опередить себя... Железнодорожники получили приказ: я не мог получить поезда, чтобы приехать в окрестности столицы. В Могилеве мне дали бы поезд, но меня арестовали бы в Витебске. Я мог бы взять автомобиль, но до Петрограда 600 верст по дурным дорогам. Как бы то ни было, несмотря на все трудности, я еще мог начать действовать, наверстать потерянное время и исправить сделанные ошибки. Но я был болен, у меня был сильный приступ лихорадки и не было моей обычной энергии”.

Во всем этом бессмысленном и противоречивом заявлении имеется лишь один пункт, соответствующий истине: моя вечерняя телеграмма с вызовом Корнилова в столицу вызвала страшный переполох в стане заговорщиков. Они потеряли голову, их охватила паника. Вот тогда-то к обращению Корнилова был добавлен лживый вводный абзац, сочиненный Завойко: ”Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Госдумы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Госдумы Алексей Аладьин.

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества”*.

Этой выдумкой Завойко позднее недобросовестно воспользовался генерал Алексеев в своей кампании лжи против Временного правительства и меня лично.

Признания Деникина и Сидорина, как и мемуары Финисова, опубликованные в 1936 и 1937 годах, не оставляют сомнений в том, что в деле Корнилова именно генерал Алексеев играл центральную роль, свет на которую впервые пролил Милюков в письме, датированном 12 сентября 1917 года. Он был главным соперником генерала Корнилова и других руководителей готовящегося переворота, включая Сидорина и Крымова. Он также подготовил политические обоснования для захвата Корниловым власти. В критические дни мятежа он постоянно поддерживал связь с генералом Корниловым через генерала Шапрона, зятя Корнилова**.

Утром 28 августа, отдав приказ генералу Сидорину прекратить подготовку фиктивного большевистского восстания, Алексеев в сопровождении Милюкова посетил меня, с тем, чтобы предложить себя в качестве посредника между мной и Корниловым. И он, и Милюков полагали, что это будет на руку Корнилову, в неизбежную победу которого они твердо верили. Позднее тем же днем Алексеев пригласил к себе Маклакова и попросил его немедленно отправиться в Ставку на совещание по созданию правительства во главе с Корниловым. Маклаков так пишет об этом***:

---

* *Керенский А. Ф.* Дело Корнилова. Москва, 1918. С. 141.

** Позднее Шапрон был генералом в белой армии.

*** *Maklakov V. A.* La chute du regime tsariste: Interrogatoires (completes rendus sténographiques). P. 85.

“...Генерал Алексеев позвонил мне по телефону и попросил встретиться с ним. Встреча состоялась в его поезде. В отличие от меня, он считал, что часы правительства сочтены. По его словам, речь просто идет о том, какие решения примет Корнилов после победы. Он попросил высказать мое мнение по этому вопросу. Его “оптимизм” я не разделял, и мнение о создавшейся ситуации сложилось у меня некоторое время назад. Я считал, что ключевую роль играет не личность, а характер режима. Если настойчиво поддерживать состояние “революции”, то (революционный) процесс будет продолжаться, и заговор неизбежно рассыплется как карточный домик. Следовательно, если Корнилов желает показать, что он сильнее правительства, и если он намерен положить конец революции, ему следует вступить на путь соблюдения “законности”. Законность эта исчерпала себя с отречением Великого князя Михаила, и, следовательно, придется сделать шаг далеко назад. Он будет вынужден руководствоваться манифестом об отречении императора Николая II, который является последним актом законности, восстановить монархию, конституцию и народное представительство; ему следует согласиться с неизбежностью управлять в духе конституции... Если новое правительство, которое вы хотите поставить вместо нынешнего, будет по-прежнему “революционным”, оно недолго продержится. В заключение я сказал ему: “Не странно ли, что наши роли поменялись? Вы, генерал, адъютант императора, член его свиты, выступаете против монархии. Я же, член оппозиции, ее отстаиваю”. “Вы правы, — произнес генерал. — Я против монархии потому, что слишком хорошо знаю ее”. Это замечание произвело на меня сильное впечатление. “Возможно, — заметил я, в свою очередь, — но я разбираюсь в наших политиках лучше, чем Вы, и потому не ожидаю ничего путного от вашей затеи...”

В своей книге, посвященной событиям в России осенью 1917 года, французский дипломат Фернан Гренар, который жил в то время в России, писал следующее:

“Союзники России были ослеплены желанием любой ценой заставить ее продолжать войну. Они были неспособны осознать разницу между возможным в то время и невозможным. Своими попытками изолировать Временное правительство от народа страны они все больше играли на руку Ленину. Они не могли понять, что дальнейшее участие России в войне будет неизбежно сопровождаться внутренней междуусобицей и нестабильностью переходного периода. Своими назойливыми призывами — почти что приказами, обращенными к Керенскому, о восстановлении нормальной жизни в стране, они демонстрировали неспособность видеть реальные условия, в которых он работал, и лишь вносили дополнительную сумятицу, которую он пытался преодолеть”*. Брюс Локкарт, который во время войны служил в британском консульстве в Москве, придерживался таких же взглядов на политику союзников в отношении России.

Подлинные намерения союзных держав в отношении Временного правительства после падения монархии станут известны лишь после того, как будут опубликованы секретные документы соответствующих стран. Тем не менее один вывод можно сделать уже сейчас: продолжение Россией войны против Германии после падения монархии привело отнюдь не к противоборству России и ее союзников, с одной стороны, против Германии и Ленина, — с другой, а к созданию противоестественного треугольника: Россия и Временное правительство, Корнилов и союзники, Людендорф и Ленин.

Сам Корнилов покинул сцену 30 августа, однако и после этого его сторонники продолжали попытки подорвать позиции Временного правительства.

---

* *Grenard F. The Russian Revolution. Paris, 1933.*

Одну вещь упустили из виду союзники, когда стали оказывать поддержку Корнилову. Им и в голову не приходило, что, захватив власть, военный диктатор не будет способен продолжить империалистическую войну, что все его силы поглотит гражданская война. Более того, они не понимали, что, по мнению многих русских сподвижников Корнилова, продолжение войны против Германии "после разложения армии в результате революции" было бы чистым безумием. И действительно, к осени 1917 года не только большевики, но и широкие круги либеральной и консервативной общественности, склонявшиеся в пользу Корнилова, исключали возможность победы союзников. Говоря словами Троцкого, произнесенными в самый канун Брест-Литовска, такая победа представлялась невозможной.

Казалось, что дело Корнилова ничему не научило союзников, что позорный провал заговора не заставил их пересмотреть свое недоброжелательное отношение к Временному правительству. Все выглядело так, будто кое-кто в Париже и Лондоне самым активным образом способствовал успеху дела Людендорфа — Ленина и падению правительства, которое в тяжелейших условиях продолжало помогать своим "союзникам" на поле брани.

25 сентября Терещенко с мрачным видом сообщил мне, что три посла союзных стран намерены вручить мне вербальную ноту. Встречу с ними я назначил на следующий день, пригласив сопровождать меня министров Коновалова и Терещенко.

Нота трех держав была зачитана дуайеном дипломатического корпуса послом сэром Джорджем Бьюкененом. Лишь однажды до этого я видел посла в таком волнении — в тот день, когда он был вынужден передать решение своего правительства об отказе предоставить царю и его семье права проживания на английской территории во время войны. Истинный дипломат, сэр Джордж всегда отличался сдержанностью и умел владеть собой. Какое же глубокое эмоциональное потрясение переживал сэр Джордж, если пальцы его дрожали, щеки покрыл стыдливый, почти что девичий румянец, а на глаза навернулись слезы. Все это было.

Рядом с сэром Джорджем сидел новый французский посол Нуланс, который считался экспертом французского сената по финансовым и аграрным вопросам. Бог знает, каким образом он оказался назначенным на пост посла. В отличие от британского дипломата Нуланс чувствовал себя превосходно и, судя по всему, испытывал удовольствие от того, что союзники наконец-то решили проявить твердость в отношении Временного правительства.

Итальянский посол Марчезе Карлотти играл роль стороннего наблюдателя. Совместная нота звучала весьма и весьма определенно: в ней содержалась угроза прекратить всю военную помощь России* в случае, если Временное правительство не предпримет немедленных мер, судя по всему, в духе корниловской программы для восстановления порядка на фронте и по всей стране.

Ультиматум союзников о восстановлении порядка, подорванного безрассудными действиями Корнилова, вызвал у меня возмущение. И возмущение нарастало все время, пока я слушал ноту. Меня так и подмывало взять ноту и опубликовать ее в печати вместе с объяснениями, кто помогал Корнилову и как эта помощь осуществлялась! Но такой шаг означал бы конец союзничества и вынудил бы поставить охрану у зданий посольств союзников. И я заставил себя сохранить спокойствие.

Я возвратил ноту сэру Джорджу и предложил послам сделать вид,

---

* Примечательно, что английским министром, ответственным за военные поставки, был в то время Уинстон Черчилль.

будто ее никогда не существовало: чтобы союзники не публиковали ее у себя дома, а Временное правительство также не проронило бы о ноте ни слова. Предложение было принято, и послы удалились, видимо, не в самом лучшем расположении духа.

Сразу после этого я отправился к послу США Дэвиду Фрэнсису и попросил его направить президенту Вильсону телеграмму со словами благодарности в связи с неучастием Соединенных Штатов в этом недружественном акте.

На следующий день Терещенко направил нашим дипломатическим представителям в Париже, Лондоне и Риме две шифровки следующего содержания: "1. Французский, английский и итальянский послы выразили желание быть принятыми совместно министром-председателем и сделали ему сообщение, в котором указывают, что последние события внушают опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну, вследствие чего общественное мнение в союзных странах может потребовать от своих правительств отчета за материальную помощь, оказанную ими России. Для того чтобы дать союзным правительствам возможность успокоить общественное мнение и внушить ему вновь доверие, русскому правительству надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу. Союзные правительства выражают в заключение надежду, что русское правительство выполнит эту задачу, обеспечив себе таким путем полную поддержку союзников.

2. Министр-председатель в своем ответе трем послам отметил, что Временное правительство примет все меры к тому, чтобы шаг их не получил в общественном мнении страны истолкования, способного вызвать раздражение против союзников. Он указал при этом, что нынешнее тяжелое положение России в значительной степени обусловлено наследием прошлого режима, правительство которого встречало в свое время за границей поддержку и доверие, быть может, не отвечавшие его заслугам.

Он обратил также внимание на опасные последствия, которые влечет за собой колебание союзников в деле снабжения нашей армии военными припасами, причем результаты таких колебаний сказываются на фронте через два-три месяца после того, как они имели место. В отношении войны, то А. Ф. Керенский указал, что на нее в России всегда смотрели и смотрят как на общенациональное дело, а потому он считает излишним настаивать на жертвах, понесенных русским народом.

Империализм центральных держав представляет наибольшую опасность для России, и борьба с ним должна вестись в тесном единении с союзниками. Россия, более других потерпевшая от войны, не может закончить ее, не обеспечив своей территориальной неприкосновенности и независимости, и будет продолжать борьбу, каково бы ни было международное напряжение. Относительно мер к восстановлению боевой способности в армии, министр-председатель указал, что эта задача приковывает все внимание правительства и что сегодняшняя поездка в Ставку его военного министра и министра иностранных дел вызвана именно необходимостью разработки соответствующей программы. В заключение А. Ф. Керенский отметил по поводу коллективного характера выступления послов, что Россия все же является великой державой"*.

---

* Цит. по: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 513—514. — *Прим. ред.*

Эти телеграммы вызвали переполох в правительствах союзных стран. Через несколько дней представители России сообщили в телеграммах о своих встречах с министрами иностранных дел в столицах трех союзных держав. Наиболее полным и содержательным было сообщение нашего поверенного в делах в Лондоне Набокова о его встрече с министром иностранных дел Англии А. Дж. Бальфуrom: "Согласившись на Вашу телеграмму за № 4461, я сообщил Бальфуру о ее содержании. Я напомнил ему, что в начале августа на последней межсоюзнической встрече состоялся обмен мнениями о совместном демарше послов в Петрограде и что тогда при поддержке Томаса я смог убедить союзников в несвоевременности и вреде такого шага. Я сообщил Вам об этом в телеграмме за № 620. Крайне прискорбно, сказал я Бальфуру, что мне заранее не сообщили о готовящейся акции. Бальфур заявил, что общественность о ней не будет информирована. Строго конфиденциально он сообщил, что лично выступил против такой идеи и сожалеет, что миссия передать заявление вашему правительству легла на Британского посла, как дуайена дипломатического корпуса. Обратите внимание, сколь неуклюже Бальфур пытается "снять с себя ответственность" и взвалить ее на плечи других союзников, из его тщательно подобранных слов я сделал вывод, что сама инициатива исходит не отсюда. Союзники, как я полагаю, осознали свою ошибку, и считаю, что, чем скорее об этом прискорбном инциденте можно будет забыть, тем лучше..."

Терещенко направил русскому послу в Вашингтоне специальное уведомление следующего содержания: "Сегодня министр-председатель принял послов Англии, Франции и Италии, которые от имени своих правительств сообщили о необходимости принять меры для восстановления боеспособности армии. Такой шаг не мог не произвести на Временное правительство крайне неблагоприятного впечатления, учитывая особо то обстоятельство, что наши союзники полностью осведомлены о неустанных усилиях правительства при ведении войны против нашего общего врага. Прошу вас строго доверительно передать Лансингу, как высоко Временное правительство оценило воздержание американского посла от участия в упомянутом коллективном шаге".

Как выяснилось, уверенность Набокова в том, что союзники осознали свою ошибку, оказалась безосновательной. Изменений к лучшему в отношении союзников к новому, демократическому правительству в России не произошло. Союзники были полны решимости не поддерживать с Россией связей, основанных на доверии и дружбе, до тех пор, пока власть не перейдет к сильному военному диктатору. Американцы также сделали выбор в пользу такой политики, которая толкнула Россию к Брест-Литовску и привела всю Европу к последующим потрясениям. Следующее описание перемен в поведении Америки, сделанное американским исследователем, в комментариях не нуждается: "В августе 1917 года Соединенные Штаты приняли решение отказать в поддержке рожденной мартовской революцией России до тех пор, пока "нормальный процесс" брожения не кончится и не будет восстановлен порядок "неограниченной военной властью". Эта политика, детище апатии и отсутствия проницательности, в дальнейшем получила новый стимул в убеждении, будто Керенский слишком обхаживает радикалов, в уверенности, будто "мы с этим поделаться ничего не можем", и в выводе, будто "положит этому конец какая-нибудь сильная личность".

Игнорируя многочисленные предупреждения самых различных лиц о том, что такая политика представляет огромную угрозу Соединенным

Штатам, американцы придерживались этого курса вплоть до того времени, когда в ноябре 1917 года большевики захватили власть*.

Наши европейские союзники прекрасно знали, что с самого начала войны Россия находилась в состоянии полной блокады** и что Февральская революция была результатом неожиданного развала монархии. Они знали, что исчезновение прежнего режима сопровождалось развалом всей административной машины. Они знали, что все это произошло в разгар войны, участия России в которой они так жаждали. Они знали, что революционная Россия вела напряженную борьбу, чтобы избежать уничтожения и обеспечить свое будущее. Они знали, что Россия, опираясь на волю народа, едва-едва преодолела невероятные трудности первых недель развала и анархии и что к августу новая, народная Россия внутренне окрепла. Они знали, и об этом писал Уинстон Черчилль в своей книге "Неизвестная война", что выиграть войну без России невозможно. Они знали, что вследствие провала наступления союзных армий под руководством генерала Нивеля весной 1917 года боеспособность англо-французских войск была равна нулю. Они знали, что военные операции русских войск летом и осенью того года спасли Западный фронт и сорвали план германского генерального штаба разгромить союзников до прибытия помощи из Соединенных Штатов.

И, зная *все* это, союзнические правительства установили контакты с теми, кто плел нити заговора для замены законного русского правительства диктатурой. Почему они это делали? Ответ на этот вопрос я получил спустя много лет, после того как навсегда покинул Россию.

Приложение

**Приказ командующего 3-им кавалерийским корпусом
генерал-лейтенанта А. М. Крымов***.**

29 августа 1917 г.

1

Объявляю копию телеграммы министра-председателя и Верховного главнокомандующего.

2

Копия телеграммы Верховного главнокомандующего генерала Корнилова.

3

Получив телеграмму министра Керенского, командировал генерал-майора Дитерихса в штаб Северного фронта, к Главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому за получением приказа-

---

* *Williams W. A. Russian—American Relations, 1791—1947. New York, 1952. P. 91.*

** С момента вступления Турции в войну Россия оказалась отрезанной от Средиземноморья и очутилась в состоянии полной блокады. Она получала лишь два процента своего прежнего импорта и вывозила только один процент от прежнего экспорта. Владивосток был единственным портом, открытым для связей с внешним миром. Порт Мурманска не действовал вплоть до ноября 1916 года. В эти годы почти полной блокады России Англия и Франция конечно же получали крупные поставки товаров из Канады, США, Австралии, Индии и других стран.

*** Рабочий путь. 1917. 5(18) сентября. № 2. С. 3.

ний. Генерал Клембовский приказал мне передать, что он не вступил в верховное командование армиями, так как он и все командующие признают в это тяжелое время Верховным командующим лишь одного генерала Корнилова, все распоряжения которого действительны. А казаки давно постановили, что генерал Корнилов несменяем, о чем и объявляю всем для руководства.

4

Сегодня ночью из Ставки Верховного командующего и из Петрограда я получил сообщения о том, что в Петрограде начались бунты. Голод увеличивается еще и оттого, что обезумевшие от страха люди при видедвигающихся к Петрограду своих же войск разрушили железные дороги и тем прекратили подвоз продовольствия к столице. И каких же войск испугались? Тех, которые присягали на верность новому строю, тех, которые на Московском совещании громко заявили, что лучшим правлением для России они считают республиканский образ правления. Напрасны ложные наветы, что части войск, двинутых в сторону Петрограда, направляют для изменения существующего строя. Уже из телеграммы генерала Корнилова вы видите, что он признает и считает, что лишь одно Учредительное собрание может сказать свое последнее слово; какому государственному строю надлежит быть у нас. За другим нас посылают. Вы недавно читали в газетах о громадных взрывах пороховых заводов в Казани; теперь получены сведения, что хотят взорвать пороховые заводы вблизи Петрограда, начинаются бунты и в это время, когда враг у ворот нашей столицы, имеющей большое количество заводов, работающих на оборону. Теперь, как никогда, в столице должен быть порядок.

Для поддержания этого порядка мы и посылаем вас. Я твердо верю, что никто из вас не хочет видеть гибели и позора своей родины.

СОЮЗНИКИ И РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Вплоть до самого свержения царя все иностранные дипломатические представители вели себя, строжайше придерживаясь этикета и протокола. Никому из них конечно же и в голову не приходила мысль вмешиваться во внутренние дела России. Но стоило произойти перевороту, как ситуация круто изменилась. От дипломатических норм поведения не осталось и следа. Впервые дипломатический корпус посчитал для себя возможным входить в контакты с кем угодно. Официально это конечно же не возбранялось и раньше, однако на деле иностранные дипломаты вращались лишь в придворных кругах и в высшем обществе. Теперь же в свободной России любой из них получил возможность идти куда ему заблагорассудится, посещать какие угодно совещания и собрания. Некоторые из дипломатов предпочитали придерживаться прежних порядков и продолжали бывать лишь в своих излюбленных салонах, другие же поспешили завести друзей из числа только что вернувшихся политических изгнанников, еще вчера считавшихся преступниками.

Большинство дипломатов союзнических стран критически, а порой и враждебно относились к Временному правительству. Нас обвиняли в слабости, бесхребетности, нерешительности и во многих других грехах. По примеру рядовых солдат и рабочих эти дипломаты очень скоро овладели искусством использовать во зло вновь обретенные свободы. Свобода общения на деле скоро обернулась установлением более тесных отношений с теми, чьи симпатии разделяли некоторые посольства и отдельные военные атташе союзных стран. Со временем это приняло форму явного поощрения деятельности тех лиц, которые в глазах иностранцев представляли истинными патриотами. Поэтому неудивительно, что весьма скоро их отношение к сложившейся ситуации плюс широкие связи в столице дали возможность почти всем членам дипломатических миссий союзных стран найти благожелательных слушателей среди злейших врагов Временного правительства, как в Петрограде, так и в ставке Верховного главнокомандования.

Крайне левая оппозиция получила поддержку в Берлине. А правые круги получили ее в посольствах и в высших сферах Петрограда. Самое удивительное во всей этой ситуации было то, что левые болтуны называли членов нашего правительства "наемниками британского капитала", а правые демагоги в посольских гостиных — рабами Советов и полубольшевиками.

Я вполне могу понять чувства этих дипломатов и военных атташе. Они не мыслили себе Россию без царя. В их глазах армия, которой офицеры не могли командовать без помощи комиссаров военного министерства, не была армией. В их глазах правительство, наполовину состоящее из социалистов и не проявляющее былого всевластия, не было правительством. Все это так. Однако отнюдь не умонастроения и взгляды местных представителей союзных стран были важны в данном случае — тут сказывалось всего лишь влияние на них социальных групп, с которыми они поддерживали самые тесные связи: Суть дела была в том, что за всем этим крылось нечто гораздо более важное.

Союзные правительства почувствовали, и вполне справедливо, что революция вывела Россию из членов Антанты, и коль скоро они были заинтересованы в продолжении военных действий на русском фронте, им пришлось самым внимательным образом отнестись к разговорам в дипломатических кругах о "неопытности" русских министров. И соответственно придти к выводу, что им следует преследовать сепаратные военные политические цели и не принимать в расчет интересы России. Таков был ход их рассуждений.

Сегодня общепринятая точка зрения такова, что июльское наступление 1917 года явилось авантюрой, в которую Россия была вынуждена ввязаться под давлением союзников. В действительности же возобновление боевых действий на фронте было продиктовано интересами России и выражало логику революции. Явившись в какой-то степени результатом движения протеста против сепаратного мира, революция могла отстоять свободу и демократию лишь в случае успешного завершения войны. Более того, как только мы почувствовали отношение к нам союзников, мы поняли, что лишь возрождение боевого духа и демонстрация силы вынудит их проявить несколько большую осмотрительность при решении вопроса о том, какую из наших дипломатических нот можно игнорировать!

Почему же французское и британское правительства пользовались любой возможностью для саботажа политики Временного правительства? Я долго размышлял над этим вопросом, однако многое прояснилось для меня лишь после того, как я в качестве эмигранта стал жить за границей. Именно тогда впервые в жизни я вошел в контакт с реальной Европой и ее правящими кругами. Враждебное отношение союзников к новой международной политике России было вполне естественным; ведь, в конце концов, они мыслили старыми категориями предвоенной Европы, а мы уже оставили этот мир позади и приступили к выработке (в нашем Манифесте от 27 марта) новых ценностей в международных отношениях.

Сегодня никому в Европе заявления Временного правительства не покажутся вызывающими и неприемлемыми.

До падения русской монархии правительства России и Запада были в полной гармонии по вопросу о целях войны; в конце концов, все великие державы того времени по своей идеологии были империалистическими. Эксперты обоих враждебных лагерей ожесточенно торговались, какая территория перейдет к той или иной стране. На межсоюзнической конференции, проходившей в Петрограде в январе 1917 года, тогдашний полномочный представитель и будущий президент Франции Гастон Думерг и министр иностранных дел России Покровский, который сменил на этом посту Штюмерера, уже приступили к обсуждению вопроса о послевоенных границах Франции и России. Помимо Эльзаса-Лотарингии и Саара французы намеревались установить на левом берегу Рейна, принадлежавшем Германии, независимый протекторат, а русское правительство настаивало на принятии соглашения о включении в состав Российской империи в качестве автономной провинции всей Польши (включая районы в Австрии, Германии и России).

По окончании конференции Покровский сообщил М. Палеологу о согласии России с французскими требованиями, касающимися демаркации западных границ Германии.

26 февраля русский посол в Париже А. П. Извольский передал в Россию текст ноты, врученной ему на Кэ д'Орсе, в которой Франция

соглашалась на полную свободу России при решении вопроса о ее западных границах. Однако его сообщение попало по случаю в руки Временного правительства, которое в ответ на это поспешило провозгласить независимость Польши и высказаться за воссоединение принадлежавших ей районов в России, Германии и Австрии*.

Этот пример свидетельствует, что новая Россия и ее западные союзники уже не придерживались единой идеологии на цели войны.

Однако такое различие взглядов получило разъяснение уже в ходе первых встреч нового министра иностранных дел и представителей союзников. Выражаясь дипломатическим языком, мы заявили: "Временное правительство предлагает, чтобы все державы совместно пересмотрели цели войны, и констатирует, что Россия, со своей стороны, готова в интересах скорейшего заключения мира отказаться от своей доли притязаний при условии, что другие союзные державы поступят так же".

Целое лето потратили мы на то, чтобы убедить английское и французское правительства провести в кратчайшие сроки конференцию для обсуждения этих вопросов. И все это время оба правительства потратили на то, чтобы избежать созыва такой конференции. И лишь после начала нашего наступления они, наконец, пошли на уступку, но и после этого начавшиеся переговоры, к которым они относились безо всякого интереса и внимания, месяцами тянулись без всяких результатов. И в Лондоне, и в Париже просто не желали понять или, скорее, признать, что наша революция пошла значительно дальше, чем просто свержение монархии; она знаменовала собой долгосрочный процесс полной перестройки духовной жизни нации. В наши дни, после пережитых Европой бесчисленных революций и контрреволюций, государственные деятели имеют более четкое представление об этих процессах. Но в ту пору союзники, видимо, полагали, что такое событие всемирного значения, как свержение русской монархии, вряд ли могло отразиться на внешней политике страны. А уж если такое произошло, то лишь в результате грубых ошибок стоящих у власти слабых и безвольных людей, судя по всему, явно находившихся под каблуком у большевиков.

В конце концов в 1917 году Германия попала в критическое, если не безнадежное, положение. Ее военные специалисты осознали, что силой оружия Германии войну уже не выиграть. Австрия и Турция, по сути дела, потерпели полное поражение и тяжелыми жерновами повисли на шее Германии. После июля католическая и социал-демократическая фракции в рейхстаге сообща высказались за скорейшее достижение мирного урегулирования. Тогда почему же Антанта столь упрямо держалась своих чрезмерных и нереалистических требований?

Я уже упоминал, что 28 августа, в самый тревожный день Корниловского мятежа, среди многочисленных "посредников", настаивавших на том, чтобы Временное правительство вступило в сделку с мятежными генералами, были и западные союзники России. Вечером того дня дуайен дипломатического корпуса сэр Джордж Бьюкенен нанес визит министру иностранных дел Терещенко и от имени правительств Англии, Франции и Италии вручил ему ноту следующего содержания: "Представители союзных держав встретились под председательством сэра Джорджа Бьюкенена, имея в виду обсудить положение, возникшее

---

* Собрание секретных документов из архивов бывшего министерства иностранных дел. (Комиссариат иностранных дел, декабрь, 1917) № 42. Секретные архивы министра.

в связи с конфликтом между Временным правительством и генералом Корниловым. Подтверждая свои обязательства оставаться на своих постах для оказания в случае необходимости помощи своим согражданам, они в то же время считают своей важной задачей сохранить единство всех сил в России во имя продолжения победоносной войны и, исходя из этого, единодушно объявляют во имя гуманизма и в стремлении избежать невосполнимых потерь о готовности предложить свои добрые услуги с единственной целью служения интересам России и делу союзников”.

С самого начала Корниловского мятежа по Петрограду поползли слухи, что некоторые представители союзников выражают симпатии делу генерала. Если же учесть, что слухи эти отражали надежды определенных лиц в российском генеральном штабе, то они представлялись вполне правдоподобными. Болтливые языки разносили их по городу, а правые газеты настойчиво твердили о поддержке Западом планов восстановления в России сильного ”национального” режима.

В создавшихся условиях у нас не было неоспоримых доказательств этого и убедительной информации о том, что союзные правительства вводят в заблуждение Временное правительство. Чтобы положить конец сплетням и не допустить падения авторитета союзников в массах на фронте и в тылу, я дал указание военному министерству опубликовать на следующее же утро в печати заявление, в котором наряду с другими пунктами упомянуть о том, что ”генерал Корнилов не может рассчитывать на поддержку союзников” и что союзники ”надеются на скорейшую ликвидацию мятежа”.

Однако, как заявил впоследствии Милюков, ”использование их имени против генерала Корнилова было явно не в интересах союзников”^{*}.

Вот почему Временному правительству и была вручена вербальная нота с предложением рассматривать мятежного генерала как равноправного партнера в рамках государственной системы и примириться с ним, используя посредничество иностранных правительств и, как я предполагаю, на их собственных условиях!

К счастью для союзников, эта весьма циничная нота никогда не была опубликована в России в ее подлинном виде. 29 августа кандидат союзников на пост диктатора России потерял все политические позиции, а 30 августа Временное правительство направило одного из коллег генерала в ставку Верховного главнокомандования, чтобы очистить ее от заговорщиков. На следующий день, 31 августа, в печати появилась примечательная заметка, составленная как безобидное сообщение от лица ”друзей”.

Вечером 28 августа, именно в тот день, когда Терещенко вручили ”миротворческую” ноту от имени предполагаемых ”посредников”, командир британского танкового дивизиона на Юго-Западном фронте получил от генерала Корнилова приказ оказать немедленную помощь его, Корнилова, войскам, продвигавшимся в то время к Петрограду. 19 сентября, по настойчивой просьбе впавшего в панику английского посла, я после тщательного обсуждения с Терещенко дал указание опубликовать официальное заявление, в котором говорилось: ”В связи с распространяемыми слухами, будто британские бронемашины принимают участие в наступлении генерала Корнилова, из авторитетных источников

---

^{*} Милюков П. Н. История второй русской революции. 2-е изд. Т. 1. С. 254—255.

поступило сообщение, что эти слухи являются полным вымыслом и всякая основывающаяся на них информация есть не что иное, как злостная клевета, имеющая целью посеять семена недоверия между нами и союзниками, а следовательно, подорвать наше могущество”.

Это официальное заявление, в котором опровергалась очевидная правда, было опубликовано не только с моего согласия, но и по моему распоряжению. Этот шаг был мотивирован заботой о высших национальных интересах.

Отныне можно было не сомневаться, что российское Верховное командование уже не сможет приказать британскому танковому дивизиону выступить на Петроград, то есть против Временного правительства, без предварительных консультаций с военными властями в Лондоне и Петрограде, как не сможет и британский посол вручить ”коллективную” ноту Временному правительству без указаний от кабинета в Лондоне и согласия французов и итальянцев.

РАЗВАЛ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Первые сообщения о приближении к Петрограду частей генерала Корнилова имели для жителей города такой же эффект, как горение бикфордова шнура вблизи пороховой бочки. Солдатами, матросами и рабочими внезапно овладела мания подозрительности. Повсюду им виделась контрреволюция. Охваченные паническим страхом потерять только что обретенные права, они обратили свой гнев против всех без разбора генералов, землевладельцев, банкиров и других "буржуев". Большинство лидеров-социалистов, входивших до того в коалицию, в страхе перед победой контрреволюции и последующими репрессиями повернулись к большевикам. 27 августа, в первые часы охватившей город истерии они громко их приветствовали и сообща толковали о "спасении революции".

Мог ли Ленин упустить такой шанс? После фиаско организованного им июльского восстания он практически признал свое поражение. Однако с изменением настроений, вызванным Корниловским мятежом, перед ним неожиданно открылись новые перспективы. Осторожную выжидательную тактику, принятую им после бегства в Финляндию, теперь можно было отбросить, ибо генерал Корнилов любезно предоставил ему возможность захватить власть значительно раньше, чем он планировал и, что более важно, проделать все это под лозунгом "Вся власть Советам", который был снят после июльского фиаско.

30 августа Ленин направил в Петроград секретное письмо* своему Центральному комитету.

"Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность...

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем *форму* нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснить народу

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 119—121.

(борющемся против Корнилова) *слабость и шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь *главным* стало: усиление агитации за своего рода "частичные требования" к Керенскому — арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, Выборгские и Гельсингфорские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр. и пр. И не только к Керенскому, *не столько* к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и к крестьянам, *увлеченным* ходом борьбы против Корнилова. *Увлечать* их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывавшихся за Корнилова, настаивать, чтобы *они* требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить *их* на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Государственной думы, закрытия "Речи" и др. буржуазных газет, следствия над ними. "Левых" эсеров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы *дальше* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не прямо*, а со стороны. И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно*, против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей, истинно революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может *нас* привести к власти и *говорить* в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим). По-моему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином фронте революционной демократии, о поддержке Временного правительства и проч. и проч. надо бороться беспощадно, именно как с *фразами*. Теперь-де время *дела*: вы, гг. эсеры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время *дела*, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский *боится* масс, *боится* народ). В войне против немцев именно теперь нужно *дело; тотчас и безусловно предложить мир на точных условиях*. Если сделать это, то *можно* добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, иначе все меньшевики и эсеры остаются лакеями империализма.

P.S. Прочитав, *после* написания этого, шесть номеров "Рабочего", должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую ото всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М-на и Вол-го. О речи Володарского прочел письмо его в редакцию, которое тоже "ликвидирует" мои упреки. Еще раз лучшие приветы и пожелания!

Ленин".

Но еще до получения секретных указаний Ленина большевики объединили свои силы с эсерами и меньшевиками, создав 27 августа рабочую милицию для "помощи" правительству и защиты рабочих кварталов. Буквально за несколько дней "рабочая милиция" превратилась в большевистскую "Красную гвардию", тесно связанную с партийным аппаратом большевиков.

31 августа Петроградский Совет, практически оказавшись в руках большевиков, принял резолюцию, в которой в краткой форме была

изложена суть программы "Октябрьского" восстания. Тем не менее, продолжая переговоры с другими партиями социалистов и выступая вместе с ними с совместными заявлениями, большевики продолжали настаивать на "единстве всего революционного демократического движения" в борьбе за "подлинно демократический" строй без привлечения к этому буржуазии, особенно кадетов.

Примиренческая политика большевиков по отношению к "мелкобуржуазным" партиям социалистов увенчалась блестящим успехом и отнюдь не только из-за воздействия их доводов на тех меньшевиков и эсеров, которые всегда выступали против сотрудничества с "буржуазией". Конечно же им льстило, что, выступая рука об руку с большевиками, они смогут не только спасти революцию от "происков контрреволюционеров", но поднять ее на новую ступень.

Действительным же успехом новой большевистской политики стало наведение мостов между большевиками и теми лидерами меньшевиков и эсеров, которые до того входили в демократическую коалицию. Поступая вопреки всякой политической логике, эти лидеры посчитали теперь важным восстановить правительственную коалицию с участием большевиков, но без кадетов.

Исходя из собственного политического опыта, я хорошо представлял себе состав и настроения кадетских организаций и в столице, и в провинции, лично знал многих их членов. Как и всякий другой политический деятель, который немало поездил по России, я знал, что кадетская партия в целом являлась активной, творческой и животворной частью тех сил, которые включились в строительство демократической политической системы в России.

Отлучая кадетов от полноправного участия в создании нового политического, социального и экономического организма, правительство не только совершило бы преступление против страны, но и оказалось бы моральным банкротом. Лидеры меньшевиков и эсеров, которые сегодня осуждали всю партию кадетов за предательство, совершенное Милюковым и его сподвижниками, сами совершили поступок, еще менее прощительный: вошли в союз с Лениным и снова приняли большевистскую партию в состав "революционных демократов".

Милюков и его группа составляли в своей партии незначительное меньшинство. Сама же партия отвергала любую форму диктатуры и наряду с другими социалистическими партиями приняла самое активное участие в революции. А если судить по статьям и делам Ленина, Каменева, Бухарина, Сталина и др., то становится ясно, что большевики с самого начала революции стремились к замене демократической системы неограниченной диктатурой своей партии.

Какой смысл в выражении "революционная демократия", если в нее одновременно входили те, кто боролся за установление демократии, и те, кто открыто стремился ее разрушить?

До первой мировой войны ни у кого не было сомнений в значении слов "революция" и "контрреволюция". Под "революцией" понималось насильственное свержение народом такой государственной системы, которая более не соответствовала потребностям века и которая утратила способность эволюционировать. Под "контрреволюцией" понималось насильственное восстановление той политической системы, которая существовала до революции. Считалось, что революция происходит спонтанно, что она имеет глубокие корни в народе и что она ведет к установлению демократии. Контрреволюция, как правило, была результатом деятельности какой-то определенной группы внутри правящего класса и всегда завершалась периодом "реакции".

Я упомянул об этом элементарном различии потому, что после первой мировой войны, когда миллионы людей были втянуты в водоворот политических потрясений, *любое* массовое выступление стало называться "революцией" независимо от того, какие цели преследовали его лидеры.

Многие историки, социологи и авторы политических книг и до сих пор неправильно оценивают то глубокое изменение, которое произошло в политической психологии, изменение, которое искажается использованием традиционной, ныне абсолютно не приемлемой терминологией. Они до сих пор верят в справедливость афоризма Клемансо: "У демократии нет врагов слева". В XIX веке эта максима была справедлива, ибо тогда все народные движения имели своей целью социальное равноправие и свободу личности. Той же целью вдохновлялись все социалистические движения. В те времена политическим богохульством считалась бы сама мысль, что из числа "левых" могут выйти мракобесы, которые, опираясь на требования социальных низов, говоря словами Достоевского, начинают с требований полной свободы, а кончают установлением полного рабства. Именно поэтому Достоевского, который в своем романе "Бесы" предсказал тот вид правления, при котором Россия была вынуждена жить при Ленине и Сталине, клеймили при жизни как величайшего "реакционера" представители левых прогрессивных и социалистических кругов. Однако сегодня, после двух мировых войн, невозможно отрицать тот факт, что реакция, маскирующаяся под "революцию" и возглавляемая такими демагогами, как Ленин, Муссолини и Гитлер, которые опираются в своей борьбе за власть на самые низшие слои общества, может создать тоталитарные террористические диктатуры, разрушающие все моральные барьеры. Масштабы совершенных ими преступлений привели бы в ужас реакционеров прежних дней.

С точки зрения интересов народа и будущего России между корниловским движением, которое так или иначе, но было разгромлено, и движением Ленина, возрождению которого способствовало движение Корнилова, — огромное различие.

Предпринятый военный переворот был всего лишь заранее обреченный на провал арьергардный бой привилегированных классов, последняя отчаянная попытка сохранить свою власть. Вопрос о ее повторении даже не стоял по той простой причине, что у гражданских участников заговора, которые сыграли на чувстве ущемленного патриотизма какой-то части русского офицерства, не было какой-либо политической или социальной программы, которую они могли предложить народным массам.

Ленин же вознамерился прийти к власти, надев личину защитника политических свобод и нового социального статуса, обретенного народом в результате Февральской революции.

В начале сентября 1917 года никто конечно же и представить себе не мог ту форму политического садизма, в которую переродится большевистская диктатура с уничтожением демократической системы. Однако все руководители меньшевистских левых партий полностью отдавали себе отчет в том, что Ленин и его приспешники стремятся не к установлению народовластия, а к утверждению партийной диктатуры над народом. Весьма прискорбно, что этих лидеров куда меньше беспокоила очевидная суть притязаний Ленина, чем предполагаемая ненадежность партии кадетов, которая, несмотря на все свои ошибки, никогда не отличалась склонностью к диктаторству.

Как я уже упоминал, 29 августа правительство возложило на меня деликатную задачу восстановления коалиции с включением в нее тех же партий, что в ней были и ранее. Я намеревался выполнить ее как можно скорее.

Ситуация, признаться, была не из легких. Ибо, хотя я и считал абсолютно необходимым участие в правительстве кадетов, я отдавал себе отчет, что все поступки лидера кадетов Милюкова — каждая статья, которую он написал, каждая речь, которую он произнес, — вызовут новую волну возмущения, как это уже было в марте и апреле.

И тут случилось непредвиденное событие. На какое-то время мне показалось, что оно поможет мне решить создавшуюся дилемму. 30 августа, за несколько часов до начала моего официального приема, я сидел в своем кабинете на последнем этаже Зимнего дворца, проглядывая сотни телеграмм из самых различных уголков страны с поздравлениями по случаю подавления Корниловского мятежа.

Неожиданно в кабинет зашел один из моих помощников и весьма взволнованно сообщил, что, несмотря на ранний час, на немедленной встрече со мной настаивает В. Лебедев*. Через секунду в кабинет ворвался этот весьма достойный, патриотически настроенный человек, который буквально задыхался от возбуждения. Даже не поздоровавшись, он стал размахивать газетным листком, приговаривая: "Вот вам ваш Милюков!"

Видя его крайнее возбуждение, я подошел к нему и спокойно произнес: "Что побуждает вас утверждать, что он мой, а не ваш? Расскажите же, что произошло. Но сначала присядьте и переведите дух!"

Послушно, как ребенок, он сел на стул и мало-помалу пришел в себя. Потом спросил: "Вы видели сегодняшнюю "Речь"?"

— Нет, — ответил я. — Я еще не читал сегодняшних газет.

— Тогда взгляните на это! — и он снова стал возбужденно размахивать передо мной страницей кадетской газеты. На том месте полосы, датированной 30 августа, где полагалось быть передовой статье, зиял огромный белый пропуск. Все еще размахивая газетой, Лебедев стал объяснять, как его посетил старший наборщик из типографии "Речи" и сказал, что перед самым печатанием газеты из нее была изъята передовица Милюкова. По словам наборщика, главный редактор "Речи" приветствовал в ней победу генерала Корнилова и требовал, чтобы правительство немедленно достигло с ним согласия.

По утверждению Лебедева, этот инцидент полностью подтверждал мнение всех истинных демократов, что партия кадетов поддерживает генерала Корнилова и потому не должна быть включена в коалицию. Я не стал до конца выслушивать остальные его аргументы. Мне было ясно, как надлежало поступить и, прощаясь с ним, я заметил довольно резко, что кадеты не могут нести ответственность за действия одного из членов их партии.

Как только Лебедев ушел, я распорядился немедленно пригласить ко мне двух наиболее влиятельных членов Петроградского отделения Центрального комитета партии кадетов — Набокова и Винавера. Несмотря на то что еще не было и девяти утра, они прибыли почти немедленно. Когда я объяснил им, почему вызвал их, Набоков ответил, что они сами обеспокоены происшедшим. После краткой и откровенной беседы мы все трое пришли к единому выводу, что коль скоро нам предстоит сформировать новую правительственную коалицию с участием всех демократических партий, Милюкову следует на время отказаться от руководства своей партией и поста главного редактора "Речи" и отправиться либо за границу, либо, по крайней мере, в Крым или на

---

* Один из издателей газеты правого крыла эсеров "Народная воля", который незадолго до того исполнял обязанности главы военно-морского министерства.

Кавказ. Мои посетители весьма тактично справились со своей деликатной миссией, и Милюков после разговора с ними почти немедленно отбыл в Крым.

В тот же день я пересказал министрам-социалистам Н. Д. Авксентьеву и М. И. Скобелеву наш разговор с Набоковым и Винавером и просил передать его суть Центральным комитетам их партий, надеясь таким путем расчистить путь для участия кадетов в правительстве.

Одновременно переговоры о кадетях с другими видными деятелями социалистических партий провели Некрасов и Терещенко, однако без видимого успеха.

На заседании ВЦИКа, состоявшемся 30 августа, на котором в предварительном порядке обсуждался вопрос о формировании нового кабинета, настроения против участия в правительстве кадетов были настолько сильны, что Н. Д. Авксентьев и М. И. Скобелев приняли решение выйти из состава правительства, с тем чтобы, выражаясь словами Скобелева, иметь свободу рук для защиты правительственной политики. Окончательное решение о составе коалиции Совету предстояло принять 1 сентября.

После падения монархии между Временным комитетом Думы и только что сформированным Советом было достигнуто соглашение, что до созыва Учредительного собрания в России не будет установлена какая-либо определенная политическая система. Однако к лету двусмысленное положение России, как государства без определенной формы правления, стало нетерпимым. Было важно, однозначно используя слово "Республика", показать всем и каждому, что Россия как названием своим, так и конкретными делами сформировалась как демократия. Это было особенно существенно, учитывая, что определенные силы предпринимали попытки установить в стране диктаторский режим. Осознавая опасность промедления, я дважды пытался осуществить провозглашение России республикой. Первый раз сразу же после большевистского восстания 4 июля во время краткого пребывания в Петрограде между поездками на фронт. Вечером 6 июля на совещании с представителями социалистических партий по вопросу о программе нового коалиционного правительства я настоял на включении в декларацию будущего правительства двух пунктов: во-первых, провозглашение республики и, во-вторых, роспуск Государственного совета и Думы. Оба пункта были одобрены. Не дожидаясь публикации декларации, я поспешно выехал на фронт, где вскоре получил опубликованную в печати декларацию. Обоих этих пунктов в ней не было. Сделано это было без согласования со мной, но времена были такие тяжкие, что я не отнесся к этому подобающим образом. Второй раз такая возможность представилась на Государственном московском совещании*, когда все представители различных партий, классов, городских и земских учреждений и так далее высказались в пользу республики. После обсуждения этого вопроса я обратился к присутствовавшим на Совещании министрам с просьбой дать мне возможность провозгласить Россию республикой, однако получил отказ.

После же военного мятежа ни у кого в демократических кругах не осталось и капли сомнения в необходимости формального подтверждения существования в России республиканской формы правления, и на заседании Совета министров 31 августа был утвержден окончательный проект "Провозглашения Республики".

---

* См. гл. 19.

Во время заседания мне сообщили, что со мной по неотложному делу хочет встретиться делегация партии эсеров.

Я согласился и тут же пошел в свой кабинет, где меня уже поджидали два члена ЦК — Зензинов и Гоц. Памятуя о том, что именно эти двое встретились со мной во время июльского кризиса, вручив мне тогда нечто вроде ультиматума своего ЦК, я ожидал, что и на этот раз их миссия будет носить такой же характер. И не ошибся. Они явились, чтобы заявить от имени своего ЦК, что если я осмелюсь включить в состав правительственной коалиции хотя бы одного кадета, то в нее не войдет ни один представитель партии эсеров. Сдерживая возмущение, я сказал: "Сообщите вашему ЦК, что, во-первых, я передам ваше требование правительству; во-вторых, лично я считаю крайне важным включение в правительство кадетов, как и представителей всех других демократических партий; и, в-третьих, как глава национального правительства я не могу следовать приказам, исходящим от отдельных партий".

Тут Зензинов попытался обсудить со мной это дело "как друг, на неформальной основе", однако я прервал его, заявив, что частные разговоры в данном случае исключаются. "Вы представили мне официальную резолюцию Центрального Комитета вашей партии, и я немедленно передам ее правительству". На этом разговор закончился.

Возвратившись в зал заседаний, я сообщил о встрече, которую только что имел с посланцами партии эсеров. Мой ответ получил единодушное одобрение. Ни у кого из нас не было ни малейших сомнений, что резолюция партии эсеров приведет к отсрочке на неопределенное время восстановления коалиционного правительства с участием всех демократических партий.

Тем временем нам необходимо было принять срочные меры для ликвидации последствий Корниловского мятежа. Главными задачами были: создание нового Верховного главнокомандования, восстановление дисциплины на фронте, прекращение актов беззакония в тылу и, вообще, насколько это было возможно при создавшихся условиях, нормализация положения по всей стране. Одновременно следовало возобновить дипломатические переговоры с союзными державами.

К тому времени по разным причинам вышло в отставку более половины всех министров, а чрезвычайные полномочия, которые были возложены на меня в период мятежа, потеряли свою силу.

Однако именно теперь, в этот крайне неустойчивый переходный период, для решения проблем как внутренней, так и внешней политики концентрация власти и административных функций была абсолютно необходима.

Насколько я помню, Терещенко после консультаций с лидерами кадетов и эсеров внес проект резолюции о создании комитета из пяти министров, наделенных, вплоть до формирования новой коалиции, всей полнотой исполнительной власти. Проект резолюции, внесенный министром иностранных дел, и мое предложение о провозглашении республики были утверждены. Оба эти предложения были включены в следующее официальное заявление, которое было опубликовано 1 сентября за моей подписью и подписью министра юстиции Зарудного: "Мятеж генерала Корнилова подавлен. Но велика смута, внесенная им в ряды армии и страны. И снова велика опасность, угрожающая судьбе родины и ее свободе.

Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которое сказалось на Московском Государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный

порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую Республику.

Срочная необходимость принятия немедленных и решительных мер для восстановления потрясенного государственного порядка побудила Временное правительство передать полноту своей власти по управлению пяти лицам из его состава* во главе с министром-председателем.

Временное правительство своей главной задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии. Убежденное в том, что только сосредоточение всех живых сил страны может вывести родину из того тяжелого положения, в котором она находится, Временное правительство будет стремиться к расширению своего состава путем привлечения в свои ряды представителей всех тех элементов, кто вечные и общие интересы родины ставит выше временных и частных интересов отдельных партий или классов. Временное правительство не сомневается в том, что эта задача будет им исполнена в течение ближайших дней***.

Вечером того же дня, а именно 1 сентября, состоялось второе, и решающее, заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета для обсуждения кризиса вокруг коалиции.

Принятая на заседании резолюция*** представляет собой удивительный документ, ставший полной неожиданностью как для правительства, так и для народа.

Во вступительной части резолюции говорится, что "трагическое положение, созданное событиями на фронте и гражданской войной, которую открыла контрреволюция (то есть сторонники и последователи Корнилова) делает необходимым создание сильной революционной власти, способной осуществлять программу революционной демократии и вести деятельную борьбу с контрреволюцией и внешним врагом. Такая власть, созданная демократией и опирающаяся на ее органы, должна быть свободна от всяких компромиссов с контрреволюционными "цензовыми элементами"****.

Короче говоря, высший орган "революционной демократии" — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета (ВЦИК) вместо того чтобы проявить ответственность в вопросе создания коалиции, способной управлять республикой, решил отстранить от участия в правительстве всех представителей "буржуазной демократии".

Далее они выразили намерение как можно скорее созвать съезд представителей всех "демократических" (в их понимании этого слова) органов для решения вопроса об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания.

Что касается существовавшего правительства, то, по их мнению, его следовало сохранить вплоть до созыва этого "демократического совещания", но лишь при условии тесного его единения с органами революци-

---

* В этот специальный орган, получивший название "Директория" помимо меня вошли министр иностранных дел Терещенко, министр почт и телеграфа Никитин, который также отвечал за министерство внутренних дел, полковник Верховский (получивший звание генерал-майора), бывший командующий Балтийским флотом контр-адмирал Вердеревский, получивший пост военного министра. Представители армии и флота после моего назначения на пост Верховного Главнокомандующего были впервые включены в правительство.

** Известия. 1917. 3(16) сентября.

*** Она была внесена эсерами и меньшевиками.

**** Известия. 1917. 3(16) сентября.

онной демократии в борьбе против контрреволюции (находившихся под контролем ВЦИК), дабы предотвратить принятие им таких административных мер, которые могли внести "раздражение в народные массы".

По сути дела, это означало, что впредь, до замены его новым режимом, который предложит съезд "демократических организаций", существовавшее правительство обязано представлять все свои административные решения на утверждение ВЦИК.

Мужественно выступив против этой резолюции, Скобелев, днем ранее занимавший пост министра труда, выдвинул такое возражение: "Здесь говорили, что принцип коалиции не оправдался. Я другого мнения. Как ни тяжело настоящее положение, но все же Россия осталась нашей, Россией демократии. Через сколько кризисов идея коалиции ни проходила, она все-таки сумела сохранить Россию и свободу до сегодняшнего дня. И эта идея не должна умереть..."

Возможны три комбинации власти: коалиционная, исключительно буржуазная и исключительно демократическая*. Чисто буржуазной власти оправдать нельзя. В заговоре Корнилова столкнулись две власти: одна, стоящая за самодержавие, и другая власть, опирающаяся на все слои населения. Победила последняя, иначе и быть не могло. Но не следует бросать огульного обвинения на всю буржуазию, как в свое время было неправдой, что в выступлении демократической улицы 3—5 июля принимала участие вся демократия**. Если в движении Корнилова, быть может, и принимали участие некоторые буржуазные группы, то, наверно, большинство их не участвовало в нем. И потому окончательно отстранять их от власти мы не имеем права.

Вторая идея власти состоит в передаче всей полноты ее демократии. Уже с первых дней революции нам указывали, что только лозунг "Вся власть Советам" способен спасти страну. За последние дни у многих из нас произошла революция в мозгах, и увеличилось число сторонников этого лозунга.

Но у меня эта революция не произошла. Я умышленно вышел из состава Временного правительства, чтобы проводить мою идею среди вас с развязанными руками. Чем грознее положение на внешнем и внутреннем фронте, тем более надо сплачивать вокруг себя все живое для защиты страны...

Не забывайте, товарищи, что Петроград это не вся Россия, и потому Петроград должен прежде всего спросить всю Россию.

Я дважды бывал на фронте и знаю, что Петроград не пользуется там всеобщим доверием.

Причина этого следующая: "Нас всех слишком обуревают жажда власти. У нас на глазах Зимний дворец, и мы слишком стремимся попасть в него. Провинция его не видит, и потому она трезвее..."***

Голос Скобелева был гласом вопиющего в пустыне. В его поддержку выступил лишь бывший министр и председатель Совета крестьянских депутатов Авксентьев.

Другие, особенно те, кто многие годы прожили за границей или были высланы на каторгу в Сибирь, продемонстрировали крайнюю враждебность к основам политики правительства. Полностью закрывая глаза на внутренние и внешние трудности, они посчитали себя вправе (бог знает, почему) устанавливать новый режим "трудящихся масс".

---

* Следует иметь в виду, что в данном контексте под словом "демократическая" подразумевается слово "социалистическая".

** Большевицкое восстание, организованное Лениным.

*** Известия. 1917. 2(15) сентября.

Представитель Ленина Каменев произнес речь, которая еще больше убедила сторонников социалистического правительства в том, что их мечта о постоянном сотрудничестве с большевиками вполне осуществима. "Два пункта, — сказал Каменев, — нас всех объединяют: власть должна быть ответственной перед нами и опираться на революционную демократию. Оба эти условия встретили отказ...

Объявленный нам состав правительства — это правительство для Керенского, правительство же для России должно быть создано здесь, с Керенским или без него, в зависимости от нашего усмотрения"*.

Вслед за Каменевым выступил один из лидеров меньшевиков Дан, который также подверг критике тот факт, что мое правительство не было подотчетно ВЦИКу. Церетели, поддержав резолюцию эсеров и меньшевиков, запрещающую любые контакты с буржуазией, постарался оспорить экстремистское толкование ее Каменевым. Он утверждал, что резолюция предусматривает возможность создания коалиции, пока эта коалиция опирается на демократическое движение. Он не стал пояснять свою весьма расплывчатую точку зрения и не уточнил, что он понимает под словом "демократическое".

Что в действительности имели в виду сторонники создания правительства исключительно из социалистов, раскрыл председатель партии Чернов в ноябре 1917 года в обращении к четвертому съезду партии эсеров**.

Вот это-то глубокое различие во взглядах лидеров революционной демократии и стремление многих из них отбросить революцию на полгода вспять превратили в конечном счете Демократическое совещание в трагический фарс или, выражаясь словами Ленина, в комедию, что соответствовало истине.

3 сентября ВЦИК направил приглашения принять участие в Демократическом совещании широкому кругу политических и гражданских организаций, с его точки зрения имеющим на то право. Совещание, на котором присутствовало 1492 делегата, открылось 14 сентября. Примечательно, что соотношение сил внутри "революционного демократического" лагеря менялось и в период составления списка приглашенных, и на самом совещании.

5 сентября Московский Совет принял резолюцию, аналогичную той, которую утвердил 31 августа Петроградский Совет. В обоих Советах из президиума вышли представители меньшевиков и эсеров, и вместо них в обоих городах были избраны большевики, левые эсеры и объединившиеся с ними меньшевики-интернационалисты. И во всех других круп-

---

* Известия. 1917. 3(16) сентября.

** "Взрыв возмущения в связи с возможностью военного переворота и разгрома контрреволюции, — заявил Чернов, — который на время восстановил единство демократического революционного фронта в борьбе с крупнейшей партией привилегированных классов России, партией, которая по-прежнему сохраняла доминирующие позиции, то есть кадетов, именно эти настроения укрепили позиции социалистической демократии и в какой-то степени ослабленных Советов. Советы, которые после событий 3—5 июля, приведших к подрыву единства демократического фронта, качнулись вправо, смогли затем выправить линию и занять более левые позиции. И потому неудивительно, что многие, в том числе и я, не могли не порадоваться самому факту Корниловского мятежа, который, показав абсурдность сползания вправо и продемонстрировав все его логические последствия как заговора военных, дал возможность, используя ошибки и преступления правых, выправить положение, усугубившееся в результате ошибок и глупости левых".

ных городах страны стало возрастать влияние большевиков в рабочих и солдатских организациях* 6 сентября в Москве был опубликован устав Красной гвардии. Большевистская Красная гвардия вышла из недр рабочей милиции, созданной Советом 27 августа "для содействия правительству".

10 сентября состоялись перевыборы в состав Центрального комитета партии меньшевиков, и большинство в нем получили левые меньшевики-"интернационалисты" во главе с Мартовым. В Центральном комитете партии эсеров разгорелась ожесточенная борьба между теми, кто выступал за создание широкой демократической коалиции, и теми, кто требовал формирования правительства лишь из представителей социалистов.

Цель совещания была предельно проста. Как сформулировал ее 1 сентября Церетели, совещание должно продемонстрировать, что монолитное единство и однородность, которые присущи лишь "революционно-демократическому" движению (то есть социалистам) позволяют ему создать такое правительство, в котором нуждается революция.

Однако на самом деле единство "революционных демократов" было безнадежно подорвано, и заняты они были лишь междоусобной борьбой, и со дня открытия совещания те самые лидеры социалистических партий, которые 1 сентября были готовы перегрызть друг другу глотку, в течение всех пяти дней работы совещания вели себя точно так же на глазах присутствовавших делегатов, а следовательно, на глазах всей страны. Единственное отличие проявилось в том, что на этот раз в поддержку сторонников объединенного социалистического правительства выступила группа хулиганствующих горлопанов, которые своими выкриками и угрозами превратили совещание в шумный балаган.

Конечно же помимо речей в зале заседаний, излагать которые здесь нет смысла, "друзья-враги" проводили за кулисами бесконечные встречи с целью выработать компромиссную, приемлемую для всех резолюцию. В конечном счете они нашли формулировку, в которой говорилось, что Демократическое совещание считает необходимым создать коалиционное правительство с привлечением отдельных буржуазных элементов..

В последний день работы совещания, 19 сентября, в 3 ч 25 мин пополудни председательствовавший Чхеидзе, открывая заседание, предложил провести голосование по проекту резолюции. Тут же раздались крики левых с требованием вначале решить вопрос, каким должно быть голосование — тайным или поименным. В результате за тайное голосование высказалось 574 делегата, за поименное — 660.

Поименное голосование резолюции началось в 4 ч 30 мин и продолжалось свыше пяти часов. Результаты оказались следующими: 776 человек высказались за коалицию, 688 — против. Из голосовавших против 331 делегат, или почти половина, принадлежали к профсоюзам и Советам солдатских и рабочих депутатов, которые к тому времени уже находились в руках большевиков и их союзников — левых эсеров и меньшевиков-"интернационалистов".

Объявление результатов вызвало бурю возмущения среди большевиков и левых эсеров, которые, потеряв над собой всякий контроль, стали шумно настаивать на голосовании своей поправки. Председатель объявил длительный перерыв. Согласно отчету в газете "Известия", выше-

---

* Организаторы Демократического совещания предоставили представителям рабочих и солдат 446 мест, то есть треть общего числа участников, а представителям огромного большинства населения России — Совету крестьянских депутатов — лишь 179. Удивительная политическая арифметика!

дшей на следующий день*, президиум совещания, поставив на голосование главную резолюцию, не решил предварительно вопрос, в каком порядке проводить голосование по двум внесенным поправкам. Согласно же моим собственным, более надежным данным, обе эти поправки были внесены тогда, когда уже шло голосование по основной резолюции. Вопрос о порядке внесения поправок не имеет какого-либо значения, ибо, согласно нормальной процедуре, принятой во всех цивилизованных странах, поправки к резолюции голосуются до голосования по самой резолюции. Однако бедлам, царивший в тот момент на совещании, помешал президиуму справиться с обстановкой. Возобновляя заседание, новый председатель Авксентьев, находившийся, по словам очевидцев, в состоянии крайнего возбуждения, объявил, что голосование по двум поправкам состоится *после* принятия основной резолюции. Первая поправка была внесена совместно меньшевиком Богдановым и председателем Центрального комитета партии эсеров Черновым, который тем самым нарушил запрет собственной партии вносить на совещании какие-либо предложения в индивидуальном порядке. Поправка гласила: "Те члены партии кадетов и других организаций, которые были замешаны в заговоре Корнилова, не могут быть включены в состав коалиции". Очевидно, что такое требование делало бессмысленной основную резолюцию. Этот маневр вызвал возмущение большого числа делегатов, которые вообще отказались принять участие в голосовании. Однако в конце концов поправка была принята большинством в 798 голосов — на 32 голоса больше, чем было отдано за главную резолюцию.

Вторая поправка, требовавшая недопущения в коалицию всех членов партии кадетов, которую совместно внесли большевики и эсеры, не получила абсолютного большинства голосов. Из 595 голосов, поданных за нее, 445 принадлежало представителям Советов и профсоюзов; другими словами, за поправку голосовали все делегаты рабочих и солдат.

После еще одного длительного перерыва на голосование была поставлена вся формулировка в целом вместе с двумя поправками. Но голосовать за эту нелепицу никто не хотел, и резолюция в целом собрала всего лишь 183 голоса.

И снова, на этот раз в мертвой тишине, был объявлен перерыв.

Совещание окончилось полным фиаско, однако, чтобы сохранить лицо, революционные демократы прибегли к весьма хитрой, хотя и прозрачной уловке. После очередного перерыва Церетели, который 1 сентября был одним из самых активных сторонников создания небуржуазного правительства, зачитал следующую резолюцию: "Президиум обсуждал создавшееся после голосования положение и пришел к заключению, что это голосование показывает, что внутри нас, в организованной демократии нет такого соглашения, такого единства воли, которое силами всей демократии или большого ее большинства могло бы быть претворено в жизнь.

Президиум считает поэтому необходимым предложить рассматривать это голосование как показатель настроения настоящего собрания, с тем чтобы, считаясь с этим настроением, отдельные группы и фракции сделали бы шаги для взаимного соглашения, взаимных уступок и образования единой воли демократии.

С этой целью президиум предлагает всем группам совместно с президиумом устроить совещание, где были бы предприняты шаги для соглашения внутри демократии...

---

* Известия. 1917. 20 сентября (3 октября).

Президиум решил предложить вам следующее постановление, принятое единогласно президиумом:

"Всероссийское Демократическое Собрание постановляет, что оно не разъедется до тех пор, пока им не будут установлены условия организации и функционирования власти в приемлемой для демократии форме.

Напоминаю, что эта резолюция была единогласно принята представителями всех течений и групп, представленных в президиуме"*.

Я бы хотел здесь отметить, что слово "единогласно", дважды подчеркнутое Церетели, означало, что большевики и их приспешники будут по-прежнему придерживаться единой политики с другими "революционными демократами".

Эта резолюция и предложение президиума об образовании собрания на следующий день были без голосования приняты единогласно под бурные аплодисменты всех присутствовавших.

Поскольку поправка, внесенная Черновым и другими сторонниками чисто социалистического правительства, была принята большим числом голосов, чем основная резолюция, и поскольку дважды подчеркнутое Церетели слово о "единогласии" позволяло Каменеву продолжить игру вокруг "установления единства целей демократического движения", я пошел на следующий день на собрание, которое созвал президиум для представителей всех партий.

Я заявил, что, если собрание решит сформировать правительство из представителей только социалистических партий, я мирно сложу свои полномочия, однако ни я, ни другие члены республиканского правительства не войдем в новое правительство. В связи с крайне тяжелым положением, сложившимся в настоящее время в России, добавил я, я вынужден настаивать на получении ответа не позднее, чем через три дня. На это Каменев немедленно ответил, что "при таких условиях не имеет никакого смысла даже обсуждать вопрос о создании чисто социалистического правительства". Без участия большевиков эсеры и меньшевики не смогут сформировать нужное им правительство. Осознав это, они сами пошли на капитуляцию.

Но вместо того чтобы просто и честно признать, что своим союзом с Лениным и его сторонниками они навлекают на страну катастрофу, они продолжали делать вид, будто верят в силу и единство "революционной демократии". И тут же приступили к учреждению так называемого "Демократического совета". Этот фантастический совет направил в правительство делегацию с целым списком требований. Однако когда делегаты (Авксентьев, Руднев и Церетели) явились ко мне, чтобы обсудить вопрос о реорганизации правительства в соответствии с пожеланиями "Демократического совета", они и не думали настаивать на своих предложениях. Вместо этого они выразили согласие принять участие в собрании, которое создавало правительство по вопросу об организации власти.

Собрание открылось 22 сентября под моим председательством. В нем приняли участие, помимо упомянутых представителей "Демократического совета", члены партии кадетов, профсоюзов, групп промышленников и центрального союза кооперативов.

Открывая заседание, я сообщил о нашем плане восстановления коалиции и создания *консультативного органа* — Временного совета республики**, который функционировал бы вплоть до созыва Учредительного собрания.

---

* Известия. 1917. 20 сентября (3 октября).

** На практике он получил название "Предпарламент".

Я указал, что на нынешней критической стадии нам следует не столько заниматься разработкой новой программы, сколько немедленным формированием нового кабинета на основе баланса политических сил в стране и на следующий же день опубликовать имена министров.

После продолжительных и довольно бурных дебатов мое предложение было принято. На следующий день, 23 сентября, был опубликован новый состав правительства.

Помимо членов тех партий, которые входили в коалицию до 27 августа, в состав нового кабинета вошли два представителя от профсоюзов и группы промышленников.

В декларации о провозглашении республики и создании Директории правительство заявляло, что оно будет стремиться к расширению своего состава за счет представителей тех элементов, которые ставят интересы отечества выше временных и частных интересов отдельных партий и классов, а также, что оно не сомневается в том, что достигнет этой цели в самом ближайшем будущем.

Из-за распада всех основных партий, которые существовали до 27 августа и входили в состав коалиции, это "самое ближайшее будущее" отодвинулось на целый месяц. Обязательство, которое мы взяли на себя 1 сентября, в конце концов было выполнено, однако слишком поздно!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ БОРЬБЫ ЗА МОЮ РОССИЮ

Последствием генеральского путча был полный паралич всей законодательной и политической деятельности в стране, поэтому я весь ушел в дело спасения основ демократии и защиты интересов России на предстоящей мирной конференции победителей в войне. В сентябре 1917 года с официальным вступлением в войну Соединенных Штатов у меня уже не оставалось никаких сомнений, что наступающий год станет годом разгрома Германии. И не только вследствие использования самого современного американского оружия, но и в результате того, что Германия лишилась поддержки своих союзников — Венгрии и Турции, которые после трех лет сражений с русской армией к 1917 году утратили всякую боеспособность.

Ни неудачи русской армии в конце третьего года войны, ни акты предательства внутри страны не могли уже помешать странам Антанты одержать победу или вычеркнуть из истории войны огромный вклад России в приближающуюся победу.

Генеральный штаб Германии отлично понимал значение военных операций на русском фронте в 1917 году. Вот что писал об этом майор фон дер Бате*:

"...В 1917 году, когда силы России были совсем исчерпаны и революция уже набросила свою тень, все же еще оставалась угроза войны на два фронта. И это при таком положении, когда Германии улыбалось военное счастье и война на Западном фронте, возможно, могла быть кончена удачным ударом. Это было тогда, когда французское наступление Нивелля, против всяких ожиданий, было сломлено при замешательстве и необычайных потерях на стороне французов, а французский пуалю после этого разочарования начал бунтовать...

И при таких условиях те незначительные германские резервы, которые тогда вообще можно было собрать, снова были брошены на Восточный фронт, чтобы покончить с так называемым наступлением Керенского в Галиции, а затем и с рижским наступлением, и окончательно освободить тыл Западного фронта...

В 1917 году, с точки зрения солдата, был настоящей трагедией тот

---

* Фон дер Бате был ближайшим помощником генерала Людендорфа. Верховное командование направило его для организации наступательных действий армии фон Ботмера. Позднее он был представителем военного министерства в Брест-Литовске. За несколько месяцев до вторжения Гитлера в Россию он, опираясь на неудачный опыт Германии в первой мировой войне, выступил в полуофициальной газете военного министерства "Милитерише Вохе" со статьей, в которой решительно выступил против войны на два фронта. 2 марта 1941 года эта статья была полностью перепечатана в "Правде". Я цитирую лишь ту часть статьи, которая относится к 1917 году. В этом отрывке — квинтэссенция того, что было написано германскими военными специалистами о стратегическом положении на театре военных действий в 1917 году.

факт, что германская армия на Западном фронте только тогда могла перейти в наступление против действительно заклятого врага, против англичан, когда у нее уже не было достаточно сил, чтобы пробиться через Амьен и Абвиль к морю...”*

Мы, руководители Временного правительства, отдавали себе в этом полный отчет, и уверенность в победе лежала в основе всей нашей внутренней и внешней политики до самого последнего дня существования свободной России.

К середине сентября, после напряженных боев в районе Риги, военные действия начали стихать. Русские войска отошли на новые оборонительные рубежи. Продолжались незначительные стычки на Юго-Западном и Румынском фронтах. После весеннего и летнего затишья английские войска предприняли попытку продвинуться на северном участке (в районе Ипра), которая, как и весеннее наступление, окончилась неудачей, тем не менее в сентябре на Западном фронте, преимущественно в итальянском секторе, вновь вспыхнули боевые действия. Людендорф был вынужден приступить к постепенной переброске своих ударных частей на Западный фронт, но этот шаг не имел стратегической ценности.

Проведя в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве чистку и заключив под стражу окопавшихся там заговорщиков, генерал Алексеев продержался на посту начальника штаба всего несколько дней. Его заменил молодой, высокоодаренный офицер Генерального штаба генерал Духонин, которого я хорошо узнал, когда он был начальником штаба командующего Юго-Западным фронтом.

Духонин был широкомыслящий, откровенный и честный человек, далекий от политических дрызг и махинаций. В отличие от некоторых, более пожилых офицеров, он не занимался сетованиями и брюзжанием в адрес “новой системы” и отнюдь не идеализировал старую армию. Он не испытывал ужаса перед солдатскими комитетами и правительственными комиссарами, понимая их необходимость. Более того, ежедневные сводки о положении на фронте, которые он составлял в Ставке, носили взвешенный характер и отражали реальное положение вещей, и он никогда не стремился живописать действующую армию в виде шайки безответственных подонков. В нем не было ничего от старого военного чинуши или солдафона. Он принадлежал к тем молодым офицерам, которые переняли “искусство побеждать” у Суворова и Петра Великого, а это, наряду со многим другим, значило, что в своих подчиненных они видели не роботов, а прежде всего людей.

Он внес большой вклад в быструю и планомерную реорганизацию армии в соответствии с новыми идеалами. После ряда совещаний в Петрограде и Могилеве, в которых приняли участие не только министр армии и флота, но также главы гражданских ведомств — министры иностранных дел, финансов, связи и продовольствия, — он составил подробный отчет о материальном и политическом положении вооруженных сил. Из отчета следовал один четкий вывод: армию следует сократить, реорганизовать и очистить от нелояльных лиц среди офицерского состава и рядовых. После этого армия будет способна охранять границы России и, если не предпринимать крупных наступательных операций, защитить ее коренные интересы. Правительство и Верховное командование поставило перед собой задачу обеспечить выход из войны Турции и Болгарии. Это позволило бы восстановить через Дарданеллы связь с союзниками и тем самым положить конец блокаде.

---

* См.: *Buat E. A. L. L'Armée allemande de 1914—1918. P. 42, 51.*

В течение всего лета министры продовольствия, внутренних дел и земледелия безуспешно пытались договориться со Ставкой о демобилизации из армии лиц старших возрастов. И только теперь такая демобилизация стала осуществляться на основе строго определенного плана.

29 сентября в качестве дальнейшего шага в политике, исходящей из близкого окончания войны, министерство иностранных дел учредило специальную межведомственную комиссию для разработки проекта программы продовольственного и медицинского обеспечения на период демобилизации и возвращения беженцев.

В конце сентября я направил Ллойд Джорджу послание, в котором информировал его о проводимой реорганизации армии и сокращении ее численности. Я подчеркнул, однако, что всеобщему военному наступлению западных союзников в 1918 году будет оказана вся необходимая поддержка на русском фронте, однако сама Россия не сможет предпринять существенных наступательных операций. Послание было отправлено в Лондон английским послом, и до сих пор оно не опубликовано, погребенное в архивах британского правительства.

Шаги, предпринятые Временным правительством в целях реорганизации армии, были единственным возможным средством облегчить бремя войны, которое несли и армия, и весь народ, избежав при этом раскола с союзниками, что могло бы лишить Россию решающего голоса в послевоенном урегулировании.

Тем временем настойчивые усилия Терещенко в дипломатической сфере укрепили тенденции в пользу заключения справедливого и демократического мира, и на совещании правительства с представителями политических партий 22 сентября он смог сообщить, что конференция союзников по вопросу о целях войны, созыву которой он отдал столько усилий, состоится в конце октября.

Несмотря на катастрофические последствия военного мятежа, конструктивная работа в течение шести предшествовавших ему месяцев не прошла даром. Ни в один из дней сентября 1917 года не находилась русская армия в том состоянии паралича, который поразил ее в первые недели после падения монархии. Подавляющее большинство офицеров остались верными своему долгу. Они сохраняли спокойствие и делали все возможное, чтобы справиться с теми силами, которые подрывали боевой дух солдат. Армейские комитеты и другие организации на фронте, за редким исключением, вели напряженную борьбу по искоренению пораженческих тенденций. На Демократическом совещании представители фронтовых организаций решительно выступили против деструктивных настроений, которые быстро распространились среди интеллигенции и рабочих в столице. Можно утверждать, что в целом правительство республики пользовалось твердой поддержкой армии.

Не лишилось правительство и поддержки всего населения, которое, как и в период сразу после Февральской революции, снова стало жертвой актов беззакония и могло рассчитывать лишь на защиту со стороны правительства. 27 августа безо всякого согласования с правительством насмерть перепуганные Корниловским мятежом эсеры и меньшевики при содействии большевиков создали по всей стране "народные комитеты" по борьбе с контрреволюцией. Контроль над этими комитетами немедленно захватили большевики и их сторонники. Сразу после этого правительство стало получать со всех сторон призывы о помощи против самоуправства самозванных "защитников".

4 сентября был опубликован закон (№ 479) о роспуске этих комитетов. Однако ВЦИК, видимо, считая себя самостоятельной властью, отдал приказ комитетам игнорировать этот закон.

Насаждаемая большевиками "защита от контрреволюции" распространялась на все большее число людей, независимо от того, хотели они или не хотели такой "защиты". Местные власти там, где могли это сделать, распускали эти комитеты, однако они далеко не всегда могли справиться с последствиями их деятельности. Министру внутренних дел приходилось все чаще и чаще прибегать к помощи специальных организаций, созданных местными гражданскими руководителями, а в середине октября военный министр генерал А. И. Верховский был вынужден направить войска в помощь гражданской администрации.

Несмотря на серьезность создавшегося положения, в сентябре и октябре правительство приняло целый ряд законов, касающихся предстоящего Учредительного собрания. Выборы в Учредительное собрание при таких условиях были крайне трудным делом для местных властей. И чтобы все-таки обеспечить выборы в назначенный срок, а именно 12 ноября, в избирательную процедуру необходимо было ввести некоторые упрощения. И, что особенно важно, эта работа была выполнена, и несмотря на все трудности, созданные большевиками, несмотря на все их попытки вызвать беспорядки, выборы все же состоялись, и состоялись в тот самый день, который установило Временное правительство. Большевики, находившиеся тогда у власти, получили на них лишь четверть голосов избирателей.

Сегодня, спустя 48 лет, я с полным основанием могу сказать, что несмотря на три года войны и блокады, несмотря на союз Ленина с Людендорфом и на ту помощь, которую оказали союзники сторонникам Корнилова, демократическое правительство, которое посвятило себя служению народу и выполнению его воли, не удалось бы свергнуть, если бы борьба с ним велась честно, а не при помощи лжи и клеветы.

Разнужданная кампания дискредитации как Временного правительства, так и меня лично в разгар Корниловского мятежа, несомненно, стала одним из важных факторов разрушения демократии в России.

Мои показания Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках 8 октября 1917 года завершались словами: "Для меня лично несомненно, что за Корниловым работала совершенно определенная группа лиц, связанная не только готовящимся планомерным заговором, но и обладающая *большими материальными средствами и располагающая возможностью получать средства из банков. Это для меня совершенно несомненно*"*. Мои подозрения имели весьма существенные основания.

12 декабря 1917 года "Известия" опубликовали письмо генерала Алексева, которое он написал Милюкову 12 сентября. В нем говорилось: "Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции... Цель движения — не изменить существующий государственный строй, а переменить только людей, найти таких, которые могли бы спасти Россию... Выступление Корнилова не было тайною от членов правитель-

---

* Комиссар военного министерства при Ставке. Перешел на сторону заговорщиков. Как только об этом стало известно, я снял его с должности. Он никогда не был членом правительства.

ства. Вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко* и через них — с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в предварительных переговорах и соглашениях. Савинков уже должен был сознаться печатно в этом...

Движение дивизий 3-го Конного корпуса к Петрограду совершилось по указанию Керенского, переданному Савинковым...

Но остановить тогда уже начатое движение войска и бросить дело было невозможно, что генерал Лукомский и высказал в телеграмме от 27 августа номер 6406 Керенскому: "...приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от вашего имени, заставило генерала Корнилова принять окончательное решение, и, идя согласно с вашим предложением, он отдал окончательные распоряжения, отменять которые теперь уже поздно..."

Из этого отказа Керенского, Савинкова, Филоненко от выступления, имевшего цель создания правительства нового состава, из факта отрешения Корнилова от должности вытекли все затруднения 27—31 августа. Рушилось дело: участники видимые объявлены авантюристами, изменниками и мятежниками. Участники невидимые или явились вершителями судеб и руководителями следствия, или отстранились от всего, отдав около 30 человек на позор, суд и казнь.

Вы до известной степени знаете, что некоторые круги нашего общества не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали Корнилову... Почему же ответить должны только 30 генералов и офицеров, большая часть которых и совсем не может быть ответственной?..

Пора начать кампанию в печати по этому вопиющему делу. Россия не может допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению ее лучших, доблестных сынов...

К следствию привлечены члены Главного Комитета офицерского союза, не принимавшие никакого участия в деле... Почему они заключены под стражу? Почему им грозят тоже военно-революционным судом?..

У меня есть еще одна просьба. Я не знаю адресов гг. Вышнеградского, Путилова и других. Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать комитету Союза офицеров до 300 000 руб... В этом мы офицеры более чем заинтересованы.

...Если честная печать не начнет немедленно энергичного разъяснения дела, настойчивого требования правды и справедливости, то через 5—7 дней наши деятели доведут дело до военно-революционного суда с тем, чтобы в несовершенных формах его утопить истину и скрыть весь ход этого дела. Тогда генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как в тяжкую минуту он, покинутый всеми, с малым числом офицеров предстал перед спешным судом, чтобы заплатить свою судьбою за гибнущую родину...

Подпись: Михаил Алексеев".

Разумеется, скрытый смысл обращения генерала Алексеева был правильно понят теми, кто "боялся скомпрометировать себя", как и самим Милюковым. Необходимые денежные средства были срочно собраны Путиловым и другими финансистами, которые и были подлинными организаторами дела Корнилова. Одновременно на свет появился новый печатный орган "Общее дело", который принял самое активное участие

---

* Керенский А. Ф. Дело Корнилова. С. 178—179.

в кампании прессы в рамках замысла Алексеева. Своей задачей это издание ставило дискредитацию меня, как главу Временного правительства, и публиковавшиеся в нем материалы имели огромную ценность для Ленина в его попытках представить меня как "предателя революции", очевидного пособника и подстрекателя Корнилова!

Полная картина заговора раскрылась лишь после захвата большевиками власти. Имя генерала Алексеева не упоминалось ни в одном из документов, относящихся к заговору, а потому причастность к нему генерала доказать было нелегко. Я прочитал его письмо от 12 сентября уже после Октябрьской революции, находясь в подполье и работая над материалами, связанными с Корниловским мятежом. Генерал Алексеев был не только видным и проницательным стратегом, но и весьма хитрым политиком. Он понимал причины провала попытки Ленина захватить в июле власть и последовавшего через два месяца почти мгновенного поражения Корнилова. Он осознал, что новому претенденту на власть, чтобы иметь хоть какой-то шанс на успех, прежде всего необходимо разрушить тесные связи между народом и армией, с одной стороны, и Временным правительством — с другой, путем компрометации наших идеалов и дискредитации меня лично. На это и направили лавину лжи и клеветы сторонники Корнилова, которые рассматривали свое поражение лишь как временную неудачу. Нет нужды говорить, что все сказанное ими лило воду на мельницу другого претендента на диктаторскую власть — Ленина. Генерал Алексеев отдавал себе отчет, что подобная тактика побудит необразованные массы качнуться влево, но это не заботило ни его, ни его сторонников. Их вообще не беспокоила перспектива захвата большевиками власти. Ленин сбросит Керенского, размышляли они, и тем самым, не подозревая об этом, расчистит путь к созданию "крепкого правительства", которое неизбежно придет к власти через три или четыре недели*.

В ходе этой клеветнической антиправительственной кампании "солидные" газеты не только распространяли компрометирующие слухи и сплетни, но публиковали и заведомо ложные свидетельства, вроде Корниловского, и фальшивые документы. Именно такие "документы" дали в руки Ленина, Троцкого, Сталина и им подобным необходимые "свидетельства", чтобы изобразить меня сторонником Корнилова.

В интервью газете "Русские ведомости", которое он дал в Москве 4 октября, председатель комиссии по расследованию дела Корнилова И. С. Шабловский заявил, что смог познакомиться с опубликованными

---

* О том, что именно так определил Милюков тактику подготовки военной диктатуры, рассказал мне представитель французского правительства в России в период первой мировой войны Эжен Пети, который был свидетелем Февральской революции. Пети отличался исключительной правдивостью. Он не одобрял многого из того, что делало Временное правительство, но одновременно был в высшей степени встревожен политикой, проводимой в то время генералом Алексеевым, Родзянко, Милюковым и некоторыми другими лидерами правой оппозиции. По своей инициативе, а быть может, по указанию правительства Франции, он весьма откровенно обсудил этот вопрос с Милюковым, с которым в течение определенного времени поддерживал личные отношения. В конце состоявшейся между ними беседы Милюков и обрисовал ему тактику, изложенную мной выше. Милюков и его друзья были убеждены — и это в середине октября! — что большевизм не представляет слишком большой угрозы и что в России существует лишь две партии: "партия порядка" во главе с Корниловым и "партия распада", возглавляемая мной. Об этом разговоре с Милюковым Пети рассказал мне позднее, когда я уже жил в эмиграции.

материалами по этому делу лишь по возвращении из Ставки в Москву. Отвечая на вопросы представителей печати, он между прочим сказал:

”Если даже признать, что опубликованные записки ярко и исчерпывающе обрисовывают роль генерала Корнилова, то все же они касаются исключительно того периода времени, когда генералом Корниловым еще не был предъявлен известный ультиматум Временному правительству. С того времени поведение и мотивы действий генерала Корнилова не находят себе никаких объяснений в опубликованных газетами материалах. Кроме того, и по существу эти материалы не вполне точны. Я мог бы исправить не только отдельные слова и выражения, но и целые показания генерала Алексеева, которые на днях были опубликованы в печати.

Для всестороннего обсуждения всех обстоятельств, предшествовавших известному ультиматуму, следственная комиссия допросила А. Ф. Керенского, который сам пожелал явиться и дать комиссии свои компетентные разъяснения. Возможно, что на днях министр-председатель будет передопрошен”. (Новые показания я представил комиссии 8 октября, однако мой подробный и исчерпывающий отчет об ”ультиматуме” конечно же не появился ни в одной из газет.)

”Вообще же, — закончил ген. Шабловский, — весь шум, поднятый опубликованными записками, только мешает правильному течению следствия; в сущности ничего не разъясняя, оглашение данных предварительного следствия ведет к нежелательным кривотолкам, тревожащим общество, и не дает следственной власти спокойно и беспристрастно разрешить тот больной вопрос, который получил историческое название ”корниловщины”*.

8 октября в газетах было помещено официальное заявление чрезвычайной комиссии, в котором говорилось, что в связи с тем, что в различных органах печати появились многочисленные сообщения, касающиеся обстоятельств дела Корнилова, а также отчеты о показаниях лиц, представших перед этой комиссией, комиссия заявляет, что опубликованные сообщения не исходят ни от комиссии, ни от ее членов. Далее отмечалось, что комиссия с пониманием воспринимает законный интерес общественности к этому делу, но тем не менее не считает пока возможным публиковать факты, полученные ею в целях полного и объективного расследования. Соответствующее заявление для печати будет сделано сразу же по завершении работы комиссии.

Однако оба эти заявления председателя комиссии не остановили потока лжи и клеветы. ”Честные” газеты, поддерживавшие генерала Алексеева, продолжали отравлять сознание общественности, изображая меня политическим шарлатаном и мошенником, а ленинские газеты, вроде ”Рабочего пути” и многих других большевистских изданий, с готовностью перепечатывали все эти публикации. Должен признаться, что вся эта чудовищная и гнусная кампания полностью измотала меня, мне, однако, ничего не оставалось, как хранить молчание**, глядя, как внедряются ядовитые семена в сознание интеллигенции, солдат и рабочих, подрывая авторитет мой личный и правительства. На какое-то время

---

* Русские ведомости. 1917. 5(18) октября.

** Предварительное обнародование фактов до их официального изучения в большинстве цивилизованных стран расценивается как преступление и наказуется по закону. Не мог же я, глава правительства, встать на путь нарушения закона.

я утратил веру в людскую справедливость. Приехав в Ставку Верховного главнокомандования, я даже потерял сознание и в течение нескольких дней находился в критическом состоянии. Привели меня в чувство слова генерала Духонина: "Керенский, вы не можете, не имеете права устраниться от дел в столь критическое время. Вы несете на своих плечах слишком большую ответственность". Через день я был уже на ногах, готовый с прежней решимостью продолжить свою борьбу.

В период сентябрьского затишья на фронте, когда германское командование убедилось, что действия Ленина в России все еще не дали результатов, когда все германские союзники во главе с Австро-Венгрией лишь искали предлога, чтобы выйти из войны, Берлин решил на последнюю, крайнюю меру и бросил против России весь свой флот, включая все дредноуты, линкоры, крейсера, миноносцы и подводные лодки и даже прибегнув к поддержке авиации.

27 сентября (или 28) мы получили сигнал, что к русским берегам приближается армада германских кораблей. Сразу же после этого командующий Балтийским флотом уведомил нас о начале военных действий. Газеты сообщали, что линейный корабль "Слава" вместе с крейсерами "Баян" и "Гражданин" вошли в соприкосновение с противником в районе Рижского залива и огнем орудий крупного калибра отогнали авангард противника. Установив затем местоположение основных сил противника, они вступили с ними в бой. В состав основных сил входили два дредноута, которые в силу своего технического превосходства стремились вести огонь с максимально дальней дистанции, превышающей дальность стрельбы с наших устаревших линейных кораблей. Несмотря на очевидное превосходство сил противника, русские военные корабли в течение длительного времени обороняли подходы (к Моонзунду), и лишь серьезные повреждения, нанесенные огнем дредноутов, вынудили их отойти в Моонзундский канал. Огромная пробоина, полученная "Славой" ниже ватерлинии, привела к гибели корабля. Во время перестрелки русские береговые батареи, расположенные у входа в Моонзунд, отогнали крейсера противника, которые пытались приблизиться к линкорам. В конце операции германские дредноуты обратили огонь своих пушек на береговые батареи и в короткое время уничтожили их. Другая группа русских военных кораблей, находившихся в Моонзунде, отражала ожесточенные атаки противника с севера. Атаки не увенчались успехом. Одновременно большое число вражеских гидроаэропланов подвергли массированной бомбардировке наши корабли, доки и остров Моон, занятый русскими частями. Наблюдательные посты засекли, как и в предыдущие дни, вблизи островов Эзель и Даго много кораблей противника, включая дредноуты, в сопровождении крейсеров и сторожевых кораблей. Только на рейде, в самом дальнем видимом квадрате, наблюдатели насчитали до 65 вымпелов.

Морское сражение за Моонзунд внесло славную страницу в историю русского флота. Как и бои под Ригой, оно показало, на что способны русские люди и что они могут вынести, если их родине грозит опасность. 3 октября германский флот провел операцию по высадке десанта на остров Эзель и в район Моонзундских укреплений, прикрывавших подступы к Кронштадту и Петрограду.

12 октября большевики учредили при Петроградском Совете Военно-революционный комитет. Официально он был призван защищать "столицу революции" от германского вторжения, но в действительности

стал штабом подготовки вооруженного восстания против правительства. Послушные указаниям Ленина, большевики во всех своих публичных заявлениях с негодованием отвергали сообщения о такой подготовке, однако в инструктивном письме, посланном из Финляндии, Ленин писал, что, готовясь к вооруженному восстанию, мы должны приписать своим противникам не только ответственность, но и инициативу в его организации.

Выполняя эту директиву, Троцкий в своих статьях лицемерно утверждал, что разрушая российскую демократию, солдаты, рабочие и матросы Петрограда были убеждены, что они на самом деле спасают ее от "корниловцев" и надвигающейся контрреволюции. Позднее Ленин не раз прибегал к подобному двурушничеству — при подготовке сепаратного мира, разгоне Учредительного собрания, ликвидации всех гражданских и политических свобод и в своей безжалостной войне против крестьянства.

Играя на подлинно патриотических чувствах народа, Ленин, Троцкий и им подобные цинично утверждали, что "прокапиталистическое" Временное правительство во главе с Керенским готово предать родину и революцию, свободу и достоинство отечества и намерено продать все это немцам. А поэтому, согласно их рассуждениям, долг тех, кто ведет борьбу за "почетный, демократический мир для всех народов", — свержение сторонников позорного сепаратного мира, чтобы "демократическая революционная Россия" могла установить мир с народами другой стороны через головы "империалистических правительств".

На рабочих митингах они говорили уже другим языком, в какой-то степени более откровенным. Тут они рассуждали о "диктатуре пролетариата". Только такая диктатура, уверяли они, способна защитить достижения революции и завоеванную свободу. Пролетариат — твердый и несгибаемый защитник мира, он требует свержения правительства Керенского, чтобы установить свою диктатуру в интересах самой революции; это — единственное средство, с помощью которого крестьяне, рабочие и солдаты смогут добиться демократического мира, земли и полной свободы.

Многие рабочие свято верили во все это и были готовы разрушить свободу и распятать революцию во имя грядущей тоталитарной диктатуры, уверенные, что выполняют "освободительную миссию пролетариата".

Иные иностранцы могут подумать, что лишь политически незрелые, неграмотные русские солдаты, матросы и рабочие могли попасться на эту грубую, искажающую истину ложь Ленина. Ничего подобного! Есть высшая форма лжи, которая уже одной своей чрезмерностью импонирует людям, независимо от их интеллектуального уровня. Есть некий психологический закон, согласно которому, чем более чудовищна ложь, тем охотнее ей верят. Именно в расчете на этот изъян человеческой души и строил Ленин свою стратегию захвата власти.

Ленин, Зиновьев, Каменев и Троцкий — все они провели много лет за границей в тех же эмигрантских кругах, в которых вращались другие социалисты небольшевистского толка. С точки зрения этих последних, большевизм представлял собой просто-напросто самое крайнее крыло общего социалистического и революционного движения. Среднему социалисту трудно было поверить, что Ленин, в глубине души мечтавший о мировой революции, способен встать на путь практического сотрудничества с немцами.

В их глазах это была несомненная и очевидная "гнусная клевета"! Так же как они психологически не допускали и мысли, что Ленин и его генеральный штаб готовы силой оружия разогнать Учредительное собрание.

Ленин оставался в Финляндии до начала Октябрьского восстания, однако от его имени в Петрограде действовали два его надежных агента — Троцкий и Каменев. На Троцкого была возложена ответственность за техническую подготовку восстания и за политическую агитацию среди масс солдат, матросов и рабочих. Перед Каменевым была поставлена другая, отнюдь не менее важная задача: в период, непосредственно предшествующий восстанию, ему надлежало отвлечь внимание социалистических партий от подлинных целей Ленина, рассеять их подозрения и добиться, чтобы в момент выступления Троцкого эти партии не оказали Временному правительству активной помощи.

Каменев выполнил эту задачу превосходно. Этот мягкий, приветливый человек в совершенстве владел искусством с подкупающим правдоподобием прибегать ко лжи. С удивительной легкостью он завоевывал расположение тех самых людей, которых водил за нос, и прodelывал это с выражением почти детской невинности на лице.

А решающий момент стремительно приближался. На 12 ноября были назначены выборы в Учредительное собрание. Но Ленин не мог позволить себе дожидаться их, ибо, по собственному его признанию, не мог рассчитывать на получение большинства. 7 ноября в Петрограде должен был начать работу II Всероссийский съезд Советов. По мнению Ленина, было бы предательством революции придерживаться детских и позорных формальностей, ожидая открытия съезда, ибо, хотя Советы и представляли собой отличное оружие при захвате власти, они превратились бы в бесполезную игрушку после ее захвата*.

Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства, до того как распадется австро-германо-турецко-болгарская коалиция, другими словами, до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир. Интересы Ленина и германского Генерального штаба снова совпали. Для того чтобы помешать Австрии подписать сепаратный мирный договор, немцам нужен был переворот в Петрограде. Для Ленина немедленный мир с Германией сразу после захвата власти был единственным средством установления диктатуры.

И немцы, и Ленин конечно же знали, что 28 октября министр иностранных дел Терещенко, представитель Ставки Верховного главнокомандования генерал Головин, представитель социал-демократов Скобелев, а также английский посол должны были отбыть в Париж, чтобы принять участие в конференции стран Антанты, назна-

---

* В письме Ленина от 29 сентября 1917 г. говорилось о необходимости "*побороть*" мнение тех, кто призывает ожидать съезда Советов и выступает "*против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания... Ибо пропускать такой момент и "ждать" съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена*... Это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно... "Ждать" съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд *ничего не даст, ничего не может дать!*" (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 280—281. — Прим. ред.).

ченной на 3 ноября, которая, без сомнения, могла оказать воздействие на весь ход войны.

Очень многие люди, принадлежавшие к социалистическим партиям, расценивали слухи о предстоящем большевистском восстании как "контрреволюционные измышления". Все еще находясь под впечатлением недавнего корниловского путча и воздействием ублаживающей и изощренной пропаганды Каменева, левые партии боялись только "угрозы справа". Как я уже сказал, такой угрозы вообще не существовало, и начиная с 30 августа Ленин отлично понимал это.

Следует иметь в виду, что, готовя свой удар по Петрограду, правые заговорщики всячески стремились "организовать" в городе большевистский мятеж. Теперь же, в середине октября, все приспешники Корнилова, из числа военных и гражданских лиц, получили указания противодействовать всем мероприятиям правительства по подавлению большевистского восстания.

Таким образом, как и раньше борьбу определяли три основные силы.

Большевистская и правая пресса, большевистские и правые агитаторы с одинаковым рвением яростно критиковали меня. Существовало, конечно, различие в терминологии, которую они использовали для нападок: большевики называли меня "Бонапартом", а правые — "полубольшевиком", однако и для того лагеря, и для другого имя мое было символом демократической, революционной, свободной России, которую нельзя было уничтожить, не уничтожив возглавляемого мною правительства.

И большевики, и сторонники Корнилова отлично понимали, что, уничтожив моральный авторитет тех, кто воплощал верховную власть в республике, они на долгие годы парализуют все демократические и народные силы в России.

Однако, как и в Смутное время за триста лет до того, политическое самосознание многих высокопоставленных деятелей и политиков явно притупилось. Ослабела воля, иссякло терпение, и это в тот момент, когда решалась судьба России, когда русский народ, по справедливому замечанию Черчилля, держал победу в своих руках.

Я твердо уверен, что восстание 24—25 октября не случайно совпало по времени с серьезным кризисом в австро-германских отношениях, как не случайно "совпало" контрнаступление Людендорфа с предпринятой Лениным попыткой восстания в июле.

К 15 ноября предполагалось заключить сепаратный мир России с Турцией и Болгарией. Вдруг совершенно неожиданно где-то 20 октября мы получили секретное послание от министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина. В письме, которое пришло к нам через Швецию, говорилось, что Австро-Венгрия втайне от Германии готова подписать с нами мир. Предполагалось, что представители Вены придут на конференцию о целях войны, которая должна была открыться в Париже 3 ноября.

Вполне вероятно, что Людендорф и все другие сторонники войны до последней капли крови узнали об этом раньше нас. А посему задача Людендорфа сводилась теперь к тому, чтобы помешать Австрии выйти из войны, а план Ленина — к захвату власти до того, как правительство сможет разыграть эту козырную карту, лишив его тем самым всех шансов на захват власти.

24 октября Ленин направил членам Центрального комитета истерическое письмо, в котором говорилось: "Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое.

Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...

Нельзя ждать!! Можно потерять все!! ...

Было бы гибелью... ждать колеблющегося голосования 25 октября"*...

В ночь на 23 октября Военно-революционный комитет Троцкого, отбросив всякую маскировку, начал отдавать приказы о захвате в городе правительственных учреждений и стратегических объектов.

Имея на руках эти документальные подтверждения начинающегося восстания, я в 11 утра 24 октября отправился на заседание Совета Российской республики и попросил председательствующего Авксентьева немедленно предоставить мне слово.

Я произносил речь, когда ко мне подошел Коновалов и протянул мне записку. Ознакомившись с ней, я после паузы продолжал: "Мне сейчас представлена копия того документа, который рассылается сейчас по полкам: "Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских депутатов грозит опасность. Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов". (Крики справа: "Предатели!") Таким образом в столице в настоящее время существует состояние, которое на языке судейской власти и закона именуется состоянием восстания. В действительности это есть попытка поднять чернь против существующего порядка и сорвать Учредительное собрание и раскрыть фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма! (Возглас в центре: "Правильно!". Слева шум и возгласы: "Довольно!")

Я говорю с совершенным сознанием: чернь, потому что вся сознательная демократия и ее Центральный исполнительный комитет, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия, разум, совесть и честь великой русской демократии протестует против этого. (Бурные аплодисменты на всех скамьях, за исключением тех, где находятся меньшевики-интернационалисты...)

Отчетливо понимая, что объективная опасность этого выступления заключается не в том, что часть здешнего гарнизона может захватить власть, а в том, что это движение, как и в июле месяце, может быть сигналом для германцев на фронте, для нового удара на наши границы и может вызвать новую попытку, может быть более серьезную, чем попытка генерала Корнилова. Пусть вспомнят все, что Калущ и Тарнополь совпали с июльским восстанием...

Я пришел сюда, чтобы призвать вас к бдительности, для охраны всех завоеваний свободы многими поколениями, жертвами, кровью и жизнью завоеванной свободным русским народом. Я пришел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что Временное правительство, которое в настоящее время защищает эту новую свободу, встретит единодушную поддержку всех за исключением людей, не решающихся никогда высказать смело правду в глаза и поддержку не только Временного Совета, но и всего Российского государства. (Бурные аплодисменты всех, за исключением меньшевиков-интернационалистов.) С этой кафедры от имени Временного правительства я уполномочен заявить: Временное правительство исходя из определенного взгляда на современное состояние

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435—436. 25 октября — дата открытия съезда Советов.

вещей находило одной из главных своих обязанностей по возможности не вызывать острых и решительных колебаний до Учредительного собрания. Но в настоящее время Временное правительство заявляет: те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации. (Бурные аплодисменты справа, в центре и частично левых сил; смех представителей интернационалистов.) Пусть население Петрограда знает, что оно встретит власть решительную и, может быть, в последний час или минуты разум, совесть и честь победят в сердцах тех, у кого они еще сохранились. (Аплодисменты представителей центра и левых.) Я прошу от имени страны, да простит мне Временный Совет Республики, — требую, чтобы сегодня же в этом заседании Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания”*.

Твердо убежденный в том, что Совет поддержит мои требования, я возвратился в штаб Петроградского военного округа, чтобы заняться принятием мер по уничтожению восстания в самом зародыше. Я был уверен, что через пару часов получу положительный ответ. Однако день кончался, а ответа все не было. Лишь к полуночи ко мне явилась делегация от социалистических групп Совета и вручила мне резолюцию, принятую после бесконечных и бурных дебатов левым большинством Совета в разного рода комитетах и подкомитетах.

Резолюция эта, уже никому тогда не нужная, не представляла никакой ценности ни для правительства, ни для кого-либо еще. Она была бесконечно длинная, запутанная, обыкновенным смертным мало понятная. Более внимательно прочитав ее, я понял, что в ней содержится выражение условного доверия правительству, обставленное многочисленными оговорками и критическими замечаниями.

Возмущенный, я в довольно резкой форме сказал Дану (который возглавлял делегацию), что резолюция совершенно неприемлема. Мое раздражение Дан встретил спокойно. Никогда не забуду того, что он сказал. На его взгляд и, видимо, на взгляд других членов делегации, я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего ”реакционного штаба”. Затем он сообщил, что неприятная ”для самолюбия правительства” резолюция большинства Совета республики чрезвычайно полезна и существенна для ”перелома настроения в массах”; что эффект ее ”уже сказывается” и что теперь влияние большевистской пропаганды будет ”быстро падать”. С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность ”подчиниться воле большинства Советов”, что они готовы ”завтра же” предпринять все меры, чтобы потушить восстание, ”вспыхнувшее помимо их желания, без их санкции”. Не без видимой угрозы он заявил, что все принятые правительством меры к подавлению восстания только ”раздражают массы” и что вообще я своим вмешательством лишь ”мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания”. Во всем этом явственно чувствовалась рука Каменева: не произнеся ни слова, я вышел в соседнюю комнату, где проходило заседание правительства, и зачитал

---

* Известия. 1917. 25 октября (6 ноября).

текст резолюции. Затем я изложил суть нашего разговора с Даном. Нетрудно представить себе реакцию моих коллег. Я вернулся в комнату, где сидели члены делегации, и возвратил Дану документ, соответственно прокомментировав эту бессмысленную и преступную резолюцию”*

Делегация Совета Республики посетила меня, когда вооруженные отряды Красной гвардии занимали одно за другим правительственные здания и арестовали одного из министров правительства — Карташева, который направлялся домой после заседания в Зимнем дворце Временного правительства. Карташева доставили в Смольный почти одновременно с возвращением туда Дана, намеревавшегося продолжить переговоры с Каменевым о путях ”ликвидации восстания, вспыхнувшего” вопреки воле большевиков.

По словам Дана, самую большую угрозу завоеваниям революции в то время представлял мой ”реакционный штаб”. На деле же, однако, три четверти офицеров Петроградского военного округа, как и Дан с его друзьями, саботировало все усилия правительства справиться с восстанием, которое быстро набирало силу.

Проведя всю ночь 24 октября в переговорах с представителями других социалистических партий, Каменев достиг своей цели: военные организации эсеров и меньшевиков сохраняли полную пассивность. А большевистские агитаторы беспрепятственно занимались своим делом в солдатских казармах, не встречая никакого противодействия со стороны представителей меньшевиков и эсеров.

Ночь с 24 на 25 октября прошла в напряженном ожидании. Мы ждали прибытия с фронта воинских частей. Я вызвал их загодя, утром 25 октября они должны были быть в Петрограде. Однако вместо войск поступили телеграммы и телефонограммы о блокаде и саботаже на железных дорогах.

К утру (25 октября) войска так и не прибыли. Центральная телефонная станция, почтамт и большинство правительственных зданий были заняты отрядами Красной гвардии. Здание, где всего лишь день назад проходили бесконечные и бессмысленные дебаты Совета Республики, также захватили красногвардейцы.

Зимний дворец оказался в полной изоляции, с ним не было даже телефонной связи. После продолжительного заседания, которое затянулось до раннего утра, большинство членов правительства отправились домой, чтобы хоть немного передохнуть. Оставшись одни, мы с Конова-

---

* Более красочный комментарий этому историческому, если его можно так назвать, документу дали видные советские историки в предисловии ко второму тому книги ”Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев” (2-е изд. М., 1926. Т. II. С. 13—15). Научный редактор этой работы пишет: ”Нельзя не признать, что выступая с такой платформой, Дан и меньшевики вполне заслужили прозвище ”полубольшевиков”. В самом деле, все эти три требования соответствуют трем основным предоктябрьским лозунгам большевиков, у которых они, несомненно, украдены. Но они настолько же отличаются от своего прототипа, насколько всякий ублюдок отличается от своего ”левого” (как и ”правого”) родителя... Отсюда смешная серьезность, с какой Дан еще в 1923 г. повествует, как о событии чрезвычайной важности, о своей резолюции, принятой (то есть Советом Республики) в канун 25 октября и долженствовавшей повернуть на другой путь развитие революции. Отсюда его нелепая попытка убедить Керенского, что в момент восстания спасение не в том, чтобы действовать оружием, а в том, чтобы расклеить и разослать по телеграфу эту его замечательную резолюцию...”

ловым пошли в штаб военного округа, который находился совсем рядом на Дворцовой площади. С нами пошел еще один министр, Кишкин, наиболее известный в Москве либеральный деятель.

После краткого совещания было решено, что я немедленно отправлюсь навстречу эшелонам с войсками. Мы были абсолютно уверены, что паралич, охвативший демократический Петроград, будет преодолен, как только все поймут, что заговор Ленина — это не плод какого-то недоразумения, а предательский удар, полностью отдающий Россию на милость немцев.

На всех улицах вокруг Зимнего дворца стояли патрули Красной гвардии. Все контрольно-пропускные посты на подступах к Петрограду вдоль дорог к Царскому Селу, Гатчине и Пскову были тоже заняты большевиками.

Понимая всю рискованность такого шага, я решил ехать через город в автомобиле. Такие поездки я совершал постоянно, и к ним все привыкли. Когда подали мой превосходный открытый автомобиль, мы объяснили солдату-шоферу его задачу. В последний момент, когда помощник командующего Петроградским военным округом, мой адъютант и я были готовы отправиться в путь, прибыли представители английского и американского посольств и предложили нам выехать из города в автомобиле под американским флагом. Я поблагодарил союзников за их предложение, однако сказал, что главе правительства не пристало ехать по улицам русской столицы под прикрытием американского флага. Позднее я, однако, узнал, что один из моих офицеров, который не поместился в нашей машине, сел в автомобиль союзников, который следовал за нами на некотором расстоянии.

Попрощавшись с Коноваловым и Кишкиным, оставшимися в Петрограде, я тронулся в путь. Впереди сидели водитель и адъютант, я — в своей обычной полувоенной форме — сзади. Рядом со мной сидел помощник командующего войсками Петроградского округа Кузмин, напротив нас — еще два адъютанта*.

Водителю было велено ехать по главной столичной улице в сторону контрольно-пропускных постов с обычной скоростью. Такой расчет полностью оправдался. Мое появление на улицах охваченного восстанием города было столь неожиданно, что караулы не успевали на это отреагировать надлежащим образом. Многие из "революционных" стражей вытягивались по стойке "смирно" и отдавали мне честь! Выскочив за пределы города, водитель нажал на акселератор, и мы вихрем понеслись по дороге. Видимо, ему инстинктивно чудилось, будто кто-то уже донес Ленину и Троцкому о моем отъезде.

У контрольно-пропускного пункта у Московской заставы нас обстреляли, тем не менее мы благополучно прибыли в Гатчину. Несмотря на попытку задержать нас там, мы и Гатчину миновали благополучно.

---

* Ложь и клевета порой несокрушимы. Даже сегодня иностранцы не без легкого смущения иногда задают мне вопрос, правда ли, что я покинул Зимний дворец в одеянии медсестры! Можно простить иностранцам, поверившим столь гнусному утверждению. Но ведь эта чудовищная история до сих пор предлагается массовому читателю в Советском Союзе. В серьезных исторических исследованиях, опубликованных в Москве, дается правдивая версия моего отъезда из Петрограда в Гатчину, а в большинстве учебников истории вновь и вновь повторяется ложь о том, будто я спасался бегством, напялив на себя дамскую юбку, и все это делается ради того, чтобы дурачить людей и в России, и в других странах.

К ночи мы добрались до Пскова, где размещалась Ставка командующего Северным фронтом. Чтобы чувствовать себя в полной безопасности, мы устроились на частной квартире моего шурина генерал-квартирмейстера Барановского. По моему приглашению на квартиру прибыл командующий генерал Черемисов, который, однако, как выяснилось, уже вступил во "флирт" с большевиками. Движение войск к Петрограду, о котором я распорядился, было остановлено по его приказу. После довольно резкого разговора генерал Черемисов удалился.

У нас не было никаких сомнений, что он сообщит новым хозяевам положения о моем прибытии в Псков. А потому нам ничего не оставалось, как ехать дальше, в сторону фронта.

В маленьком городишке под названием Остров располагался 3-й Конный казачий корпус. Именно этому подразделению под командованием генерала Крымова надлежало в сентябре захватить столицу. В разговоре со мной Черемисов сообщил, что новый командующий 3-м корпусом генерал Краснов, находясь в Пскове, пытался установить со мной связь. Я поинтересовался, где Краснов находится в настоящее время, и получил ответ, что он возвратился в Остров.

Мы решили немедленно отправиться в Остров и, если не найдем там Краснова, ехать в Могилев, чтобы встретиться в Ставке с начальником штаба Верховного главнокомандования генералом Духониным. Позже я узнал, что Духонин дважды пытался установить со мной связь по телефону, однако Черемисов воспрепятствовал нашему разговору. Духонин по прямой линии связался со ставкой Северного фронта и разговаривал с начальником штаба Черемисова Лукирским. В самом начале разговора Лукирский сообщил Духонину, что командующий Северным фронтом отменил его (Духонина) приказ о переброске войск к Петрограду и что он (Лукирский) не может дать этому объяснения. Тогда Духонин спросил Лукирского, может ли он лично переговорить с Черемисовым. Такой разговор состоялся. Вот его запись:

Лукирский: Иду доложить об этом Главкосеву. Я передам командующему, что Вы находитесь на линии.

Черемисов: Здравствуйте, Николай Иванович (Духонин). Вы что-то начали сейчас говорить.

Духонин: Генерал Лукирский мне сообщил, что Вами отдано распоряжение, отменяющее отправку войск в Петроград по приказанию Главковерха, чем это вызывается?

Черемисов: Это сделано с согласия Главковерха, полученного мною от него лично...

Керенский от власти устранился и выразил желание передать должность Главковерха мне, вопрос этот, вероятно, будет решен сегодня же. Благоволите приказать от себя, чтобы перевозки войск в Петроград, если они производятся на других фронтах, были прекращены. Главковерх у меня. Не имеете ли Вы что передать ему?

Духонин: Можно ли просить его к аппарату?

Черемисов: Невозможно, в его интересах".

После продолжительного обсуждения положения на фронте и в Петрограде, относительно которого у двух генералов были прямо противоположные точки зрения, Духонин заявил Черемисову:

"Если Главковерх Керенский предполагает передать должность Вам, то я во имя горячей любви к Родине умоляю Вас разрешить мне передать об этом Временному правительству, с которым есть у меня связь, Вас же не останавливать отданных распоряжений о движении войск, назначенных в Петроград... Вам, как будущему Главковерху, не придется считаться с весьма тяжелыми...

Не дав Духонину закончить фразы, Черемисов прервал его словами: "Извиняюсь... Меня давно уже зовут, можно ли будет Вас вызвать часа через два?"

26 октября генерал Духонин вызвал генерала Лукирского и сказал, что "вчера после отдачи распоряжения по отмене движения войсковых частей к Петрограду приехал Александр Федорович, который не разделяет мнения Главкосева о необходимости отмены движения назначенных войсковых частей к Петрограду. Однако передать распоряжение с подтверждением приказа о движении на Петроград не удалось, так как у аппаратов революционным комитетом, сформировавшимся в Пскове, были поставлены особые дежурные члены этого комитета"*.

Без ведома Духонина по всем фронтам стало распространяться заявление генерала Черемисова, будто отправка войск в Петроград была остановлена с моего согласия, будто я сложил с себя полномочия Верховного Главнокомандующего и передал ему свои обязанности. Формирование на разных фронтах подразделений для переброски к Петрограду было прекращено, остановлены были и эшелоны с войсками, двигавшиеся к столице. Утром 26 октября правда вышла наружу, однако несколько важнейших часов было потеряно.

За несколько минут до нашего отъезда в Остров у дверей раздался звонок, и в следующую секунду в комнату вошел генерал Краснов вместе с начальником своего штаба Поповым.

Черемисов лгал мне, сказав об отъезде генерала Краснова из Пскова. Однако, к счастью, Краснов понял, что командующий Северным фронтом стремится помешать нашей встрече, и решил по возможности разыскать меня самому. Зная о том, что Барановский мой шурин, он и направился к нему на квартиру.

К утру 26 октября мы оба уже были в штабе 3-го Конного корпуса в Острове. Вся "боевая мощь" корпуса сводилась к нескольким сотням казаков (500—600) и к нескольким пушкам. Все остальные части были отправлены на фронт и в район Петрограда. С этими жалкими остатками войск и артиллерии мы решились пробиться к Петрограду.

Наспех сколоченные большевиками военные комитеты и железнодорожники получили от Ленина приказ воспрепятствовать нашему возвращению в Петроград, однако остановить нас было не в их силах.

В тот же вечер в поезде на пути в Петроград мы узнали, что накануне ночью большевики захватили Зимний дворец и арестовали все Временное правительство.

Преодолев по пути немало трудностей, наш отряд без единого выстрела захватил утром 27 октября Гатчину. Тысячи солдат, которые, как считалось, примкнули к большевикам, бросив оружие, бежали из города.

Тем же утром я получил в Гатчине донесение из Петрограда, что временный паралич преодолен и все сторонники Временного правительства в разных полках и военных школах втайне готовятся к сражению. Мобилизованы также все подразделения боевиков партии эсеров. В помощь нам генерал Духонин вместе с командующими всех фронтов, за исключением Северного, направил воинские подразделения. С разных участков фронта к нам стремятся прорваться около 50 эшелонов с войсками. На фронте и в Москве вспыхнули бои между защитниками правительства и большевиками.

---

* Архив Русской Революции. Т. 7. С. 297—298, 310.

К тому времени большевики захватили самую в России мощную царскосельскую радиостанцию. Они немедленно начали вести пропагандистскую кампанию по деморализации русских войск на передовых линиях. Одновременно второй съезд Советов выступил со своим знаменитым обращением об установлении всеобщего демократического мира!

Войск у нас в Гатчине было очень мало. И противодействовать влиянию ленинской пропаганды на фронтовые части нам было нечем.

Краснов согласился со мной, что надо попытаться с боя захватить Царское Село и оттуда немедленно двинуться на Петроград, где нам на помощь придут верные воинские подразделения, офицеры кадетских корпусов и отряды боевиков из разных партий.

На рассвете 28 октября правительственные войска выступили из Гатчины. Генерал Краснов находился в прекрасном расположении духа и был абсолютно уверен в успехе. Наши взаимоотношения основывались на полном взаимном доверии. Не желая вмешиваться в приказы Краснова, я остался в Гатчине, чтобы ускорить прибытие эшелонов, направленных нам на помощь.

Прошло несколько часов, а от Краснова никаких известий не поступало. Это озадачило меня, ибо как раз перед уходом войск из Гатчины мы получили крайне обнадеживающее сообщение о состоянии дел в Царском Селе. За несколько часов положение не могло столь круто измениться. Я вызвал автомобиль и отправился вслед за Красновым.

На полпути между Царским Селом и Гатчиной находилась метеорологическая обсерватория. С ее вышки я в полевой бинокль разглядел расположение правительственных войск, которые пребывали в состоянии странной пассивности.

Я подъехал, чтобы разобраться в происходящем. Объяснения Краснова носили весьма туманный характер и были лишены смысла. Сам он держался сдержанно и формально.

Совершенно случайно я неожиданно различил в окружении генерала Краснова несколько знакомых людей, входивших в Совет казачьих войск. Этот Совет, одна из наиболее правых антидемократических организаций, придерживался политики "использовать Ленина для свержения Керенского". Я спросил Краснова, почему рядом с ним находятся эти люди. Генерал казался крайне смущенным, однако уклонился от ответа. И тогда я понял причину внезапной остановки движения войск к Царскому Селу и перемены в поведении Краснова.

Мне пришлось оказать большое давление, чтобы заставить войска продолжить движение. И лишь ранним вечером, а не в полдень, как первоначально предполагалось, достигли мы окраин Царского Села. И тут Краснов доложил о своем намерении отвести войска несколько назад и взять город на следующий день. Это переполнило чашу моего терпения!

Как раз в этот момент к нам прибыл из столицы один из влиятельных политических деятелей и сообщил, что в Петрограде все готово для начала вооруженного восстания в поддержку правительственных войск, что население и все антибольшевистские партии с нетерпением ожидают нашего прибытия и что крайне важно действовать без промедления. Я отдал генералу Краснову письменный приказ немедленно занять Царское Село. Он все еще колебался. Тогда я подъехал к контрольно-пропускному пункту на окраине города, где собралась толпа оборванных вооруженных солдат, встал во весь рост, вынул часы и объявил, что даю им три минуты, чтобы сложить оружие, после чего артиллерия откроет по ним огонь. Солдаты немедленно подчинились. Царское Село было таким образом взято без единого выстрела, но после 12 часов фатального промедления.

К утру 29 октября нам следовало быть в Петрограде, а мы дошли лишь до Царского Села. В тот день в столице вспыхнуло антибольшевистское восстание. В четыре пополудни меня позвали к телефону. Звонили из Михайловского дворца, расположенного в самом центре города, где разместился штаб сторонников правительства. Они просили прислать помощь, а мы были бессильны это сделать.

Финальный акт трагической борьбы Временного правительства за свободу и честь России разыгрался 30 октября вблизи знаменитой Пулковской обсерватории. Так называемые Пулковские высоты были в руках кронштадтских матросов. В нашем распоряжении было 700 казаков, бронепоезд, пехотный полк, только что прибывший с фронта, и несколько полевых орудий. Едва наша артиллерия открыла огонь, солдаты Петроградского гарнизона оставили свои позиции, и в погоню за ними бросились казаки. Однако правый фланг большевиков, где находились кронштадтские матросы, не дрогнул.

Несмотря на тактический успех под Пулковом, мы были вынуждены вновь отойти к Гатчине. У нас просто не было сил, ни чтобы преследовать бегущего противника, ни чтобы укрепиться вдоль протяженной линии военных действий.

В Гатчине моральный дух правительственных войск стал стремительно падать. Генерал Краснов и офицеры его штаба стали уговаривать меня вступить с большевиками в мирные переговоры. Я твердо выступил против, однако 31 октября военный совет решил направить в Петроград свою делегацию. К Гатчине вот-вот должны были подойти подкрепления с фронта. В Луге, ближайшем к Гатчине городе, весь гарнизон был на стороне правительства. И я решил на какое-то время заняться игрой. В Петрограде уже был создан центр антибольшевистских сил — "Комитет спасения родины и революции". Прибегнув в качестве курьера к помощи комиссара при Ставке Верховного командования Станкевича, я направил с ним непосредственно в адрес этого комитета свои условия перемирия, конечно же абсолютно неприемлемые для большевиков. Станкевич немедленно отбыл в столицу.

МОЯ ЖИЗНЬ В ПОДПОЛЬЕ

БЕГСТВО ИЗ ГАТЧИНЫ

31 октября 1917 года генерал Краснов направил делегацию казаков в Красное Село, вблизи Петрограда, для переговоров с большевиками о перемирии. Ранним утром 1 ноября делегация казаков возвратилась в Гатчину вместе с большевистской делегацией во главе с П. Дыбенко*. Переговоры между двумя делегациями начались в нижнем зале Гатчинского дворца в присутствии генерала Краснова и его начальника штаба полковника Попова.

Результатов этих переговоров я ожидал в комнате на втором этаже. Почти сразу после начала встречи ко мне вошло несколько моих друзей с тревожным сообщением, что переговоры подходят к концу и казаки согласились выдать меня Дыбенко в обмен на обещание отпустить их на Дон при лошадях и оружии.

В пустом Гатчинском дворце со мной рядом было лишь несколько верных мне людей, выступавших в роли посредников и державших меня в курсе проходивших переговоров. Мы знали о деморализации казачьих частей и о подрывной деятельности в войсках. И все же казалось невероятным, что генерал Краснов или офицеры казачьего корпуса опустятся до прямого предательства.

Генерал Краснов пришел ко мне приблизительно в 11 утра. Если у меня и раньше были основания относиться к нему с подозрением, то после разговора с ним подозрения мои еще более укрепились. Он стал убеждать меня отправиться в Петроград для переговоров с Лениным. Он уверял меня, что я буду в полной безопасности под защитой казаков и что другого выхода нет. Не стану вдаваться в подробности нашей последней встречи**. Оглядываясь назад, я понимаю, сколь трудно ему тогда пришлось, ибо по натуре своей он вовсе не был предателем.

Вскоре наверх прибежали мои "наблюдатели" и сообщили окончательные результаты переговоров. Меня передают Дыбенко, а казакам разрешено возвратиться на Дон.

Время близилось к полудню. Шум и крики внизу все усиливались. Я старался убедить близких мне людей спастись бегством. Моего личного помощника Н. В. Виннера уговаривать не приходилось: мы с ним были полны решимости живыми не сдаваться. Мы намеревались, как только казаки и матросы станут искать нас в передних комнатах, застрелиться в дальних помещениях. В то утро 14 ноября 1917 года такое наше решение казалось логичным и единственно возможным. Мы стали прощаться, и тут вдруг отворилась дверь, и на пороге появились два человека — один гражданский, которого я хорошо знал, и матрос, которого никогда прежде не видел. "Нельзя терять ни минуты, — сказали они. — Не пройдет и получаса, как к вам ворвется озверевшая толпа.

---

* Красный матрос, который после Октябрьской революции сделал быструю карьеру. В 1938 году был казнен.

** После второй мировой войны союзники выдали Сталину генерала Краснова, и он был казнен в Москве.

Снимайте френч — быстрее!” Через несколько секунд я преобразился в весьма нелепого матроса: рукава бушлата были коротковаты, мои рыжевато-коричневые штiblеты и краги явно выбивались из стиля. Бескозырка была мне так мала, что едва держалась на макушке. Маскировку завершали огромные шоферские очки. Я попрощался со своим помощником, и он вышел через соседнюю комнату.

Гатчинский дворец, построенный безумным императором Павлом I в форме средневекового замка, был своего рода ловушкой. Со всех сторон окруженный рвом, он имел лишь единственный выход — через подъемный мост. Чтобы пройти сквозь толпу вооруженных людей к автомобилю, который ожидал нас во внешнем дворе, оставалось рассчитывать лишь на чудо. Вместе с матросом мы спустились по единственной лестнице вниз. Мы двигались как роботы, в сознании не было ни мыслей, ни ощущения опасности.

Без особых приключений мы добрались до внешнего двора, но никакого автомобиля там не обнаружили. В отчаянье, не произнеся ни слова, мы повернули обратно. Должно быть, выглядели мы весьма странно. Стоявшие у ворот с любопытством смотрели на нас, однако, по счастью, среди них были и наши люди. Один из них подошел к нам и прошептал: “Машина ждет у Китайских ворот. Не теряйте ни минуты!” Появился он как нельзя более кстати, ибо к нам уже двинулась толпа людей и положение наше становилось совсем отчаянным. Но тут один из обмотанных бинтами офицеров неожиданно “потерял сознание” и забился в конвульсиях, чем отвлек от нас внимание толпы. Не раздумывая, мы тотчас воспользовались этой помощью и побежали со двора в сторону Китайских ворот, от которых шла дорога на Лугу. Затем мы пошли не спеша и, чтобы не привлекать внимания, громко разговаривая.

Мое исчезновение было обнаружено минут через 30, когда ватага казаков и матросов ворвалась в мою комнату на верхнем этаже. Немедленно во все стороны были брошены автомашины, и снова нам улыбнулось счастье. Нам навстречу по пустынной улице медленно тащилась телега. Остановив ее, мы посулили вознице хорошее вознаграждение, если он довезет нас до Китайских ворот. У него буквально отвисла челюсть, когда два матроса сунули ему сторублевку. У ворот нас ждала машина. Я быстро занял место рядом с офицером-водителем, а позади расположились матрос и несколько солдат с гранатами в руках. Дорога до Луги была в превосходном состоянии, но мы все время оглядывались назад, ожидая в любой момент увидеть наших преследователей. Мы решили в случае их появления использовать до конца все имевшиеся у нас гранаты. Несмотря на всю напряженность, офицер-водитель казался совершенно спокойным и, управляя машиной, даже насвистывал какой-то веселый мотивчик из репертуара Вертинского.

Преследователи не догнали нас еще из-за одной удачи, которую подарила нам судьба. Мой личный шофер, оставшийся в Гатчинском дворце, сохранил чувство верности ко мне. Он знал, что мы поехали в сторону Луги и, когда раскрылось наше исчезновение, поднял крик, заверив толпу, что на своем самом быстроходном автомобиле нагонит “негодяя”. Понимая, что действительно без труда нагонит нас, он в дороге ловко организовал поломку машины.

Наконец мы подъехали к лесу. Заскрипели тормоза, и офицер произнес: “Выходите, Александр Федорович”. Вместе со мной вышел и мой матрос, которого звали Ваня. Трудно было понять, где мы очутились, — вокруг были только деревья, и весьма озадаченный, я попросил объяснений. “Прощайте, — сказал офицер, — Вам все объяснит Ваня.

Нам же надо ехать". Он нажал на акселератор и исчез. "Понимаете. — сказал Ваня, — у моего дяди здесь в лесу дом. Места тут тихие и спокойные. Я, правда, не был здесь два года. Но если в доме нет прислуги, бояться нечего. Давайте рискнем, Александр Федорович!"

Мы двинулись по заросшей тропинке в глубь леса. Мы шли, окруженные мертвой тишиной, не думая и не размышляя о том, что нас ждет впереди. Я безгранично верил этим незнакомым мне людям, которые по каким-то причинам так беззаботно рисковали своей жизнью ради моего спасения. Время от времени Ваня останавливался, чтобы убедиться в правильности пути. Я потерял счет времени, дорога стала казаться бесконечной. Внезапно мой спутник сказал: "Мы почти пришли". На полянке перед нами стоял дом. "Посидите тут, а я посмотрю, что там делается". Ваня исчез в доме и почти тотчас же вернулся со словами: "Никакой прислуги. Служанка ушла вчера. Мои дядя и тетя будут счастливы видеть вас. Пойдемте".

ДОМИК В ЛЕСУ

Так началась моя жизнь в лесном приюте, где мне предстояло провести 40 дней.

Болотовы — чета немолодых людей — сердечно приветствовали меня. "Не беспокойтесь. Все будет хорошо", — утешили они меня. Убежище в своем доме они предложили мне с удивительным добросердечием и душевной щедростью, даже намеком не дав мне понять, какому ради меня риску подвергают себя. Они наверняка понимали, какая им грозила опасность, ибо 27 октября газета "Известия" под заголовком "Арест бывших министров" опубликовала следующее сообщение: "Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Мальянович, Никитин и другие арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставки его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление".

Мои преследователи повсюду искали меня. Им и в голову не пришло, что я скрываюсь под самым их носом, между Гатчиной и Лугой, а не где-нибудь на Дону или в Сибири. А мне тем временем не оставалось ничего другого, как затаиться, занявшись, насколько это возможно, изменением своей внешности. Я отрастил бороду и усы. Бороденка была жиденькая, она кустилась лишь на щеках, оставляя открытыми подбородок и всю нижнюю часть лица. И все же в очках, со взъерошенными патлами по прошествии 40 дней я вполне сходил за студента-нигилиста 60-х годов прошлого века.

Те длинные ноябрьские ночи никогда не изгладятся из моей памяти. Мы постоянно были начеку, и Ваня ни на минуту не покидал меня. Под рукой мы все время держали гранаты, готовые в любой момент пустить их в ход. Днем нас окружал мирный, солнечный покой, а прошлое казалось призрачным и нереальным. Ночью же я не находил себе места от обуревавших меня кошмаров, от трагических видений тех событий, которые потрясли и потрясали мою страну. И все время сердце терзал страх — не столько за собственную участь, сколько за моих добрых хозяев. Стоило ночной мгле огласиться собачьим лаем из соседней деревни, мы вскакивали с кроватей и с гранатами в руках бросались к двери. Временами, особенно в первые дни моего пребывания в доме новых друзей, меня ночами порой охватывало

такое отчаяние, что приход преследователей и арест казались счастливым избавлением. Это, по крайней мере, избавило бы меня от мучительных мыслей и страданий.

Однако мало-помалу у меня стало появляться ощущение, что большевики потеряли мой след и непосредственная угроза миновала. С помощью Вани я установил связи с Петроградом. Стали поступать последние новости, время от времени появлялись надежные посланцы от друзей. Я понимал, что мой долг — продолжить борьбу и служить делу России до самого конца. Я немало поездил по стране и знал, что люди, независимо от сословной принадлежности, не смиряются без борьбы с игом диктатуры. Я был уверен, что стоит Ленину и его приспешникам сбросить маску поборников демократии и патриотизма, в столице тотчас же рассеется отравленная атмосфера беспардонной большевистской пропаганды.

Первыми против ленинской узурпации власти выступили руководители Совета крестьянских депутатов, которые 26 октября опубликовали следующее заявление:

”Товарищи крестьяне!

Все добытые кровью ваших сынов и братьев свободы находятся в страшной, смертельной опасности!

Гибнет революция! Гибнет родина!

На улицах Петрограда вновь проливается братская кровь. Вновь вся страна брошена в бездну смуты и развала. Вновь наносится удар в спину армии, отстаивающей родину и революцию от внешнего разгрома.

26 октября партия социал-демократов большевиков и руководимый ею Петроградский Совет Р. и С. Д. захватили в свои руки власть, арестовали, после оружейного и пулеметного обстрела, в Зимнем дворце и заточили в Петропавловскую крепость Временное правительство и министров-социалистов, в числе которых были члены Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов — С. Л. Маслов и С. С. Салазкин, разогнали вооруженной силой Временный Совет Российской Республики, избранный для контроля над деятельностью Временного правительства до Учредительного собрания. Наконец они объявили государственным преступником министра-председателя, Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского.

Неисчислимы бедствия, которые несет России это выступление, неизмеримо преступление против народа и революции тех, кто поднял восстание и посеял смуту в стране. Они, во-первых, разъединяют силы трудового народа, внося в его ряды смуту и разлад и облегчая внешнему врагу возможность полного разгрома и порабощения нашей страны.

Удар по армии — первое и самое тяжкое преступление партии большевиков!

Во-вторых, они начали гражданскую войну и насильственно захватили власть в тот самый момент, когда Временное правительство, заканчивая выработку закона о переходе всех земель в ведение земельных комитетов, исполняло давнишнее желание всего трудового крестьянства и когда до прихода полномочного хозяина земли русской — Учредительного собрания — оставалось всего только три недели. Они обманывают страну, называя голосом всего народа, всей демократии, собравшийся в Петрограде съезд Советов, из которого ушли все представители фронта, социалистических партий и Советов крестьянских депутатов. Злоупотребляя присутствием нескольких крестьян, оказавшихся на этом съезде, вопреки постановлению Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов... они осмеливаются говорить, будто они опираются на Советы крестьянских депутатов.

Не имея на это никаких полномочий, они говорят от имени Советов крестьянских депутатов. Пусть же вся трудовая Россия узнает, что это ложь и что все трудовое крестьянство — Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов — с негодованием отвергает какое-либо участие организованного крестьянства в этом преступном насилии над волей всех трудящихся.

Большевики обещают народу немедленный мир, хлеб, землю и волю. Ложь и бахвальство — все эти посулы, рассчитанные на усталость народных масс и на их несознательность. Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, земля и воля, а гражданская война, кровь, прежнее безземелие и торжество кнута и нагайки несут они, увеличивая смуту и облегчая темным силам восстановить проклятый царский порядок.

Поэтому, полагая, что совершившийся переворот ставит страну и армию под угрозу немедленного разгрома, отодвигает созыв Учредительного собрания, и не может создать власти, пользующейся всенародным признанием. Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов считает своим священным долгом перед собственной совестью и перед всей страной заявить, что он не признает новой большевистской власти государственной властью и призывает местные Советы крестьянских депутатов, органы местного самоуправления и армию не подчиняться этой насильственно созданной власти, в то же время соблюдать полный порядок и охранять страну от внешнего разгрома. Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов ставит своей задачей:

1. Воссоздание власти, пользующейся всеобщим признанием и могущей довести страну до Учредительного собрания.
2. Созыв Учредительного собрания без изменения избирательного закона.
3. Взятие всех земель в ведение земельных комитетов”.

Этот исторический документ был опубликован в эсеровской газете “Дело народа” 28 октября 1917 года. Я целиком цитирую его потому, что в нем содержится категорическое опровержение утверждения большевиков, будто русское крестьянство с энтузиазмом приветствовало большевистскую революцию, став оплотом нового режима. Даже сегодня крестьянство из всех слоев советского населения является самым непримиримым врагом тоталитарной диктатуры, лишившей его свободы, отнявшей у него землю и восстановившей в новой форме рабский труд.

8 или 9 ноября два моих верных друга доставили мне петроградские газеты и среди них горьковскую “Новую жизнь” от 7 ноября. Точка зрения Горького на ленинский режим была несколько неожиданной и потому стоит привести ее: “Ленин, Троцкий и их приспешники отравились гнилым ядом власти, как это явствует из их отношения к свободе слова, личности и всех прав, во имя которых боролась демократия. Подобно слепым фанатикам и безответственным авантюристам с головокружительной быстротой они несутся к так называемой “социальной революции”, которая на самом деле ведет лишь к анархии и гибели пролетариата и революции. Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет... Рабочие не должны позволить авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетари-

ата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам пролетариат. Рабочий класс должен понять, что Ленин — не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата”.

А в статье, опубликованной в ”Деле народа”, говорилось: ”Через неделю должны были бы уже состояться выборы в Учредительное собрание. Кровавая авантюра большевиков нанесла страшный удар этому ожидавшемуся с такими надеждами торжеству русской трудовой демократии... Насильственный переворот создал в стране условия и психологию, совершенно противоречащие тому настроению умов, которое должно было бы господствовать во время выборов. Пуля — не избирательный бюллетень, и штык — не избирательный манифест...

Где свобода слова? Где свобода печати? Где неприкосновенность личности? Где вся та атмосфера оживленной, но мирной выборной кампании?..

Петроград, Москва, Киев, Одесса, Харьков, Казань испытали на себе прелести ”диктатуры пролетариата”. Пушки и ружья, сабли и штыки вели достаточно недвусмысленную агитацию за большевиков в этих центрах. Чем будет воля народа в этих избирательных округах, где террор прошелся своим кровавым плугом по улицам и домам?..”*

Эти статьи побудили меня написать 8 ноября открытое письмо, которое доставили в Петроград мои верные друзья. Позднее, 22 ноября 1917 года, оно было помещено в газете ”Дело народа”: ”Опомнитесь! Разве вы не видите, что воспользовались простотой вашей и бесстыдно обманули вас? Вам в три дня обещали дать мир с германцами, а теперь о нем молят предатели. Зато все лицо земли русской залили братской кровью, вас сделали убийцами, опричниками. С гордостью может поднять свою голову Николай II. Поистине никогда в его время не совершалось таких ужасов. Опричники Малюты Скуратова — и их превзошли опричники Льва Троцкого.

Вам обещали хлеб, а страшный голод уже начинает свое царство, и дети ваши скоро поймут, кто губит их.

Вам обещали царство свободы, царство трудового народа. Где же эта свобода? Она поругана, опозорена. Шайка безумцев, проходимцев и предателей душил свободу, предает революцию, губит родину нашу. Опомнитесь все, у кого еще осталась совесть, кто еще остался человеком!

Будьте гражданами, не добивайте собственными руками родины и революции, за которую восемь месяцев боролись! Оставьте безумцев и предателей! Вернитесь к народу, вернитесь на службу родине и революции!

Это говорю вам я — Керенский. Керенский, которого вожди ваши ославили ”контрреволюционером” и ”корниловцем”, но которого корниловцы хотели предать в руки дезертира Дыбенки и тех, кто с ним.

Восемь месяцев, по воле революции и демократии, я охранял свободу народа и будущее счастье трудящихся масс. Я вместе с лучшими привел вас к дверям Учредительного собрания. Только теперь, когда царствуют насилие и ужас ленинского произвола — его с Троцким диктатура, — только теперь и слепым стало ясно, что в то время, когда я был у власти, была действительная свобода и действительно правила

---

* Дело народа. 1917. 5(18) ноября.

демократия, уважая свободу каждого, отстаивая равенство всех и стремясь к братству трудящихся.

Опомнитесь же, а то будет поздно и погибнет государство наше. Голод, безработица разрушат счастье семей ваших и снова вы вернетесь под ярмо рабства.

Опомнитесь же!”*

Жизнь в те дни казалась мне почти невыносимой. Я знал, что в ближайшее время Россию ожидают еще более страшные удары. Ибо цели ленинского восстания — диктатура посредством сепаратного мирного договора с Германией — можно было добиться лишь безжалостным террором, разрушением армии, ликвидацией демократических структур, созданных Февральской революцией.

СТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ

24 октября 1917 г., выступая на последнем заседании Совета республики, я указал на две ближайшие цели большевиков: 1) открыть фронт немцам и 2) не допустить созыва Учредительного собрания.

В пятницу, 27 октября, официальный орган ВЦИК — газета "Известия", к тому времени, конечно, полностью контролируемая большевиками, опубликовала знаменитый Декрет о мире, принятый вторым съездом Советов. Он вызвал энтузиазм пацифистов и недалековидных политиков, на которых огромное впечатление произвело выраженное в нем желание установить отношения дружбы между всеми народами мира. В своем обращении "ко всем воюющим народам и к их правительствам" миротворцы из Смольного института призывали к немедленным переговорам о мире в подлинном демократическом духе, миру без аннексий и контрибуций. В том же номере "Известий" было помещено обращение второго съезда Советов к "Рабочим, солдатам и крестьянам!".

"Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам"***.

Смысл такого заявления был достаточно ясен: если Германия отклонит предложение о мире, советское правительство начнет "революционную войну", которой постоянно грозили Ленин и Троцкий перед Октябрьской революцией. С этих позиций и развернулась пресловутая кампания за так называемый "демократический мир".

Напыщенный и возвышенный стиль Декрета о мире отражал пустую демагогию, рассчитанную на завоевание симпатий масс путем раздувания надежд на немедленный мир "между народами". Истинной цели этого декрета больше соответствовало замаскированное положение, которое включил в него Ленин, без сомнения адресованное Берлину и находившееся в прямом противоречии с задачами Декрета. "Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на

* Дело народа. 1917. 22 ноября (5 декабря).

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 12. — Прим. ред.

безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира”.

Как и следовало ожидать — что, безусловно, предвидел и сам Ленин — никакого ответа на переданное по радио обращение ко всем народам и правительствам воюющих стран не последовало. 8 ноября Троцкий направил послам союзных стран ноту, в которой рекомендовал рассматривать Декрет о мире как “формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров”.

В соответствии с этим Совет Народных Комиссаров дал распоряжение главнокомандующему генералу Духонину начать прямые переговоры об установлении мира с неприятелем на линии фронта. Этот приказ был передан по радио поздно вечером 8 ноября, несколько ранее того, как в армейских штабах утром 9 ноября был получен текст ноты, направленный послам союзных стран.

Прождав в нетерпении ответа Духонина, который так и не поступил к исходу дня 8 ноября, Ленин, Сталин и Крыленко в ночь на 9 ноября вызвали его по линии прямой связи. Разговор, который имел для генерала самые трагические последствия, длился ночью. На требование Ленина дать “ясный ответ” честный солдат и патриот заявил: “Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее возможны они для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность, для достижения результатов, я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира”.

Однако этот откровенный ответ вызвал у Ленина лишь раздражение, и дальнейший разговор проходил следующим образом:

“Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить данное нами предписание?”

Ставка: Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством”.

Ответ на эти слова, как записано на телеграфной ленте, звучал следующим образом: “Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам, под страхом ответственности по законам военного времени, продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко”. Подписано Лениным, Сталиным, Крыленко”*.

От имени Совета Народных Комиссаров, который не имел ни малейшего представления о положении дел на фронте, Ленин тут же на обрывке бумаги написал приказ, коим снимал с должности генерала Духонина и назначал на его место прапорщика Крыленко.

Затем Ленин обратился по радио совместно с Крыленко с призывом ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, а также к солдатам и матросам вступить в формальные переговоры о мире. Призыв завершился такими словами: “Солдаты!

---

* Дело народа. 1917. 10(23) ноября.

Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклоняться от ожидающего их суда. Вы сохраните стражайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам право на это.

О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии в праве только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках. Бдительность, выдержка, энергия и дело мира победит!"*

Такое развитие событий поставило в тупик многих людей. Даже внутри Центрального Комитета большевистской партии ощущались напряженность и страх. Однако, несмотря на отдельные и запоздалые попытки сопротивления, Ленину удалось добиться первой из своих целей. Он нанес смертельный удар русской армии и, по сути дела, отдал страну на милость кайзера Вильгельма.

Однако германское Верховное командование не спешило воспользоваться преимуществами создавшегося положения. Стремясь сохранить свои силы для предстоящих боев на Западном фронте, оно предпочитало выступить в роли наблюдателя процесса распада русской армии.

Когда этот процесс зашел достаточно далеко, австро-германское Верховное командование 14 ноября приняло предложение Крыленко о переговорах по установлению перемирия на "демократических условиях", предложенных Лениным всем воюющим сторонам.

Одновременно большевики сообщили по радио, что мирные переговоры откладываются на 5 дней до 19 ноября, с тем чтобы дать возможность принять в них участие союзникам России. В тот же день, однако, между русской и австро-германской сторонами было достигнуто соглашение о прекращении огня. Также 14 ноября в Могилев был отправлен отряд солдат и матросов во главе с Крыленко для захвата Ставки Верховного главнокомандования. Операция была успешно завершена 20 ноября. Генерала Духонина, которого арестовали и отправили под конвоем поездом в Петроград, по пути вытащили из вагона и убили перепившие солдаты и матросы Крыленко.

20-го же начались переговоры о заключении сепаратного мира между Россией и Центральными державами. Тогда мне казалось, что немцы и большевики стремительно приближаются к завершению переговоров и в самом скором времени в Брест-Литовске, где располагалась ставка германского командования на Восточном фронте, будет подписан мирный договор.

Однако переговоры тянулись в течение трех месяцев, пока 3 марта 1918 года договор не был в конце концов подписан**.

---

* Дело народа. 1917. 10(23) ноября.

** Григорианский календарь, предусматривавший введение "нового стиля", был введен 14 февраля 1918 года.

ПОДГОТОВКА К СЕПАРАТНОМУ МИРУ

Хотя всей Россией владело искреннее стремление к миру, идея унижительного мирного договора была приемлема лишь для фанатиков "мировой революции", дезертиров, деморализованных пораженческой пропагандой, и для подонков из рабочей массы — люмпен-пролетариев.

Ленин отдавал себе отчет, что большинство русских демократов решительно выступает против капитуляции перед Германией. Более того, с ним не было согласно и большинство внутри его же партии. Понимал он также, что Учредительное собрание никогда не утвердит сепаратного мира с Германией.

На следующий день после Октябрьской революции в "Правде" огромными буквами был напечатан лозунг: "Товарищи! Проливая свою кровь на фронте, вы обеспечиваете своевременный созыв Всероссийского Учредительного собрания"*. Рассчитанный прежде всего на матросов и солдат, преднамеренно одурманенных лживой пропагандой, призыв этот был чистым жульничеством. Под выдуманным предлогом необходимости отсрочки выборов для приведения положений избирательного закона в соответствие с радикально изменившейся ситуацией Ленин вознамерился сразу же после Октябрьской революции отложить созыв Учредительного собрания.

Однако против такой отсрочки решительно выступили Бухарин и его сторонники, утверждавшие, что, после шумной кампании большевиков против планов "Корнилова — Керенского" "торпедировать" выборы, население истолкует такой шаг как попытку вообще похоронить Учредительное собрание.

Ленину пришлось уступить. Более того, он даже усмотрел определенные тактические преимущества для себя, по крайней мере на то время, в укреплении веры у масс в то, что большевики не отважатся поднять руку на институт, который в глазах общественности все еще выглядел как святое учреждение.

Выборы состоялись в середине ноября, в день, установленный Временным правительством. Из общего числа 707 мест большевики завоевали лишь 175. Более того, большевистская фракция в Учредительном собрании оказалась под контролем Каменева, Ларина, Рыкова и других, т. е. так называемого "бюро", возглавляемого лидерами правого крыла большевиков, которые настойчиво выступили против роспуска Учредительного собрания, когда в начале декабря такая идея была выдвинута "ленинцами" в Центральном Комитете. "Бюро" настаивало на созыве партийной конференции для выработки отношения партии к Учредительному собранию и поспешно вызвало в Петроград всех тех членов партии, которые были избраны в собрание. Видя, что фракция большевиков в Учредительном собрании пользуется поддержкой большинства рядовых членов партии, особенно в провинции, Ленин решил пустить в ход против "бюро" драконовские меры.

На заседании Центрального Комитета 11 декабря Ленин предложил: 1) сместить бюро фракции Учредительного собрания; 2) изложить фракции наше отношение к Учредительному собранию в виде тезисов; 3) составить обращение к фракции, в котором напомнить устав партии о подчинении всех представительных учреждений ЦК; 4) назначить члена ЦК для руководства фракцией; 5) выработать устав фракции. Все эти предложения были немедленно одобрены и приняты к исполнению.

---

* В "Правде" ("Рабочем пути") такого призыва не было. — *Прим. ред.*

Ленинские "Тезисы об Учредительном собрании" были опубликованы 12 декабря. Подвергнувшись накануне "дисциплинарному" воздействию и оказавшись под управлением члена Центрального Комитета, фракция была вынуждена капитулировать и "единогласно" согласиться с тезисами. Тезисы были изложены предельно четким языком, а предупреждение, содержащееся в них, не оставляло никаких сомнений. Не стану цитировать полностью этот текст и ограничусь лишь изложением сути рассуждений Ленина о будущем Учредительного собрания.

В 14-м тезисе совершенно справедливо говорится о том, что лозунг "Вся власть Учредительному собранию" означает кампанию за отмену Советской власти. И если бы Учредительное собрание, продолжает далее Ленин, разошлось с Советской властью, оно было бы неминуемо осуждено на политическую смерть.

В 15-м тезисе записано: "К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире". И Ленин приходит к выводу: "...несоответствие между составом выборных в Учредительное собрание и действительной волей народа в вопросе об окончании войны неизбежно".

Особенно красноречив 18-й тезис: "Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания, присоединение самого Учредительного собрания к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании Советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного собрания к стану противников кадетски-калединской контрреволюции".

Сторонникам Учредительного собрания было четко заявлено, что они должны "либо подчиниться, либо уйти". Такое предупреждение в еще более откровенной форме звучит в 19-м тезисе: "...кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти..."*

Лишь в результате такого давления на большевистскую фракцию в Учредительном собрании стало возможным развернуть кампанию в пользу заключения сепаратного мирного договора, однако и при этом она велась в основном в пределах самой партии и крайне осторожно.

КАПИТУЛЯЦИЯ

18 декабря Крыленко сообщил Совету Народных Комиссаров о том, что российская армия неспособна более вести боевые действия. Германское верховное командование конечно же знало об этом. А тем временем в Берлине взяли верх крайние милитаристские силы, ослепленные идеей мирового господства. Главу германской делегации на переговорах в Брест-Литовске умеренного министра иностранных дел фон Кюльмана вскоре сменил генерал Макс фон Гофман. Среди других участников мирной конференции, открывшейся в Брест-Литовске 9 декабря, были министр иностранных дел Австрии граф Оттокар Чернин, верховный визирь Турции Талаат-паша, премьер-министр Болгарии В. Радославов, а также командующий германским Восточным фронтом принц Лео-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 164—166.

польд Баварский, который председательствовал на конференции по особо торжественным случаям.

Когда после длительного перерыва мирная конференция 2 января 1918 года возобновила свою работу, германская делегация стала настаивать на праве сохранить "по стратегическим соображениям" свои войска на территории Польши, Литвы, Белоруссии и Латвии.

Общественность России пришла в замешательство. Многие из самых яростных противников Ленина были готовы вместе с ненавистными большевиками выступить на защиту отечества. Условия, выдвинутые немцами, грозили расколоть большевистскую партию. В партийных комитетах, в городах, на Балтийском флоте и даже в некоторых большевистских полках все громче стали звучать голоса протеста и требования разорвать переговоры с "германскими империалистами" и начать "революционную войну". Для Ленина было абсолютно очевидно, что такая революционная война неизбежно приведет к его падению и уже никогда не сбудется его мечта превратить Россию в базу для грядущей пролетарской революции на Западе. А это значит, что надо любой ценой задушить патриотические чувства, столь неожиданно пробудившиеся даже в сердцах партийных лидеров.

8 января 1918 года, сразу после роспуска Учредительного собрания, в Петрограде было созвано совещание членов ЦК партии с партийными работниками. В нем приняли участие 63 делегата, прибывшие из всех частей страны. Ленин сразу же решил взять быка за рога и зачитал свои "Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира"* , которые подготовил специально для этого случая.

В отличие от тезисов по Учредительному собранию этот документ был весьма расплывчат и противоречив и, что еще более нехарактерно для Ленина, был выдержан в оборонительной тональности, как об этом можно судить из следующего весьма своеобразного заключения: "Тот, кто говорит: "мы не можем подписать позорного, похабного и прочее мира, предать Польшу и т. п.", не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только *еще более* усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и других стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы "патриотическим" миром с *точки зрения России*, но нисколько не перестал бы быть миром с *аннексионистами*, с германскими империалистами".

Ленин потерпел на совещании поражение, и резолюция в поддержку революционной войны была принята абсолютным большинством в 32 голоса. Неопределенная формула Троцкого "ни мира, ни войны", которая по сути своей носила антиленинский характер, получила 16 голосов. Лишь Ленин, Зиновьев и 13 их сторонников проголосовали за "позорную и постыдную" капитуляцию. Ленин не нашел другого выхода из создавшегося положения, как сделать "шаг назад", чтобы выиграть время.

Троцкий тут же пустил в ход все свое красноречие против презренной капитуляции и даже начал заигрывать с бывшими союзниками России. Однако тактика проволочек со стороны большевиков усилила раздражение немцев, и, стремясь положить конец всем этим маневрам, они решили продемонстрировать силу. 10 февраля они внезапно объявили о прекращении мирных переговоров, а 18 февраля Верховное командование Германии предприняло наступление в направлении Петрограда.

18 февраля в Смольном было созвано чрезвычайное заседание Центрального Комитета, однако ленинское предложение об "аннексионистс-

---

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243—252.

ком” мире было отклонено семью голосами против шести. Позднее же, в тот же день, с нарастанием панических настроений Троцкий изменил свою позицию, и за ленинское предложение проголосовало в конце концов семь человек при шести выступивших против. Было немедленно принято решение направить в Берлин радиограмму о согласии с первоначальными требованиями и готовности, если необходимо, вести переговоры даже на более жестких условиях. Радиограмму подписали Ленин и Троцкий.

Лишь заручившись голосами большинства в Центральном Комитете большевистской партии, поддержавшего капитуляцию перед кайзером, и отправив унижительную радиограмму в Берлин, Ленин решился открыто выступить против поборников “революционной войны” и в поддержку сепаратного мира. Но даже теперь он сделал это, прикрывшись псевдонимом. 21 февраля 1918 г. “Правда” поместила статью “О революционной фразе” за подписью “Карпов”. 24 февраля “Известия”* опубликовали январские “Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира”. 28 февраля в Брест-Литовск прибыла новая большевистская делегация, чтобы безоговорочно принять тяжелые и безжалостные условия мира. Тем не менее триумфальное продвижение германских войск в направлении Петрограда продолжалось вплоть до 3 марта, когда был официально подписан мирный договор. Именно в этот день части генерала Людендорфа вступили в Нарву, расположенную на границе с Петроградской губернией.

Таким образом, ради того чтобы заключить сепаратный мирный договор, Ленин был вынужден скрыть свои планы даже от ближайших соратников, сломить сопротивление большевистской фракции в Учредительном собрании и распустить это собрание, прежде чем поведать партийной элите свои тезисы о сепаратном и аннексионистском мире.

Иногда мне кажется, что Россия только выгадала, если бы Ленин действовал более расторопно и принял условия, предложенные более умеренным фон Кюльманом. Однако у него не хватило мужества преждевременно сбросить с себя облачение борца “за всеобщий и справедливый мир в интересах трудящихся”, и его двойная игра лишь усилила аппетиты берлинских претендентов на мировое господство.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТРОГРАД

К концу пребывания в лесной сторожке меня стала преследовать навязчивая идея: попытаться пробраться в Петроград к открытию Учредительного собрания. Я считал, что это мой последний шанс изложить стране и народу, что я думаю о создавшемся положении.

В начале декабря к сторожке подкатило двое саней. Из них вывалилось несколько солдат в папах, с ружьями и гранатами в руках. Это были надежные и отважные друзья, которые должны были отвезти меня в тайное лесное убежище, расположенное по дороге в Новгород.

Лесное поместье принадлежало богатому лесопромышленнику З. Беленькому. Зимой оно было полностью отрезано от внешнего мира, а полуразвалившийся дом утопал в снежных сугробах. Сын Беленького проходил службу в гарнизоне Луги, и это он организовал мое бегство из Гатчины. Теперь он приехал, как и обещал, за мной. Появление “большевиков” до смерти перепугало моих дорогих хозяев, и успокоились они лишь, когда узнали зачем явились мои гости.

Я переоделся, чтобы не отличаться от своих спутников. На прощанье

---

* Так у автора. — Прим. ред.

чета стариков, не удержавшись от слез, подарила мне маленькую нательную иконку. Эта иконка — единственная вещь, которую я взял с собой, покидая Россию. Сердце мое разрывалось от печали, и я ничем не мог отплатить им за их доброту. Денег они бы не приняли, у меня не было даже возможности спасти их от возможных последствий оказанного мне теплого гостеприимства. Мой спутник матрос Ваня возвратился на свой корабль.

Молодой Беленький, я, а также три или четыре солдата ехали в первых санях, за которыми следовали вторые с пятью солдатами. Никто не обращал на нас никакого внимания, ибо повсюду теперь было полным-полно солдат, дезертировавших с фронта. К месту назначения мы приехали ясной морозной зимней ночью. Несмотря на угрозу Советского правительства строго расправиться с теми, кто окажет мне помощь, мои спутники были в превосходном настроении. Они проявляли ко мне подчеркнутое внимание, словно стремясь успокоить и ободрить. Прожив со мной целую неделю, Беленький на несколько дней уехал в Петроград, а по возвращении предложил перебраться поближе к городу. Мы снова уселись в сани, держа наготове ружья и гранаты, но при этом распевая армейские песенки и не переставая шутить и смеяться.

Неожиданная неприятность поджидала нас на окраине Новгорода. Беленькому дали неправильный адрес, и мы подъехали к дому, оказавшемуся штаб-квартирой местного Совета. Со всей возможной поспешностью мы кинулись прочь, двинувшись в противоположном направлении, пока не отыскивали нужного дома, в котором, как выяснилось, размещался приют для душевнобольных. Мы въехали прямо во двор и остановились у женского отделения, где проживал директор заведения. Мы вошли в дом вдвоем с Беленьким. Нам хотелось по возможности произвести наилучшее впечатление. Директор, которого предупредили о нашем приезде, сердечно приветствовал нас и предложил обоим гостеприимство, однако Беленький поспешил вернуться к своим сотоварищам, и мы остались с доктором одни. С первых слов он попросил меня ни о чем не тревожиться. Когда я поинтересовался, есть ли повод для тревоги, он сказал: "Видите ли, я почти не бываю здесь днем, а дверь никогда не закрывается. Время от времени сюда заходят сестры и многие другие из больничного персонала. Но при вашем нынешнем облике никто не признает вас. Впрочем, больничный персонал безо всякой симпатии относится к большевикам. Это — хорошие люди".

Шесть дней провел я в больнице, не испытывая никаких неудобств. У директора была превосходная библиотека, и он получал все газеты. День я посвящал чтению, а по вечерам мы с ним беседовали.

Вскоре, как всегда неожиданно, вновь появились мои друзья, чтобы отвезти меня дальше, до следующей остановки. Директора дома не было, когда вошел Беленький и кратко бросил: — Едем. Сани уже ждут.

— Куда теперь? — спросил я.

Он рассмеялся.

— Поближе к столице. Какое-то время поживем в поместье около Бологого*.

Стояло солнечное зимнее утро. Лошади бежали резво, сани плавно скользили по укатанной колее.

В полдень мы решили отдохнуть в каком-нибудь укромном спокойном местечке. На окраине одной из деревень нам приглянулся постоянный двор. Пожилая хозяйка провела нас в самую лучшую из комнат. Там было тепло и уютно, а на стене над диваном висела литография с моим изображением. Положение было настолько комичным, что мы

---

* Крупная железнодорожная станция на полпути между Москвой и Петроградом.

разразились смехом и долго не могли остановиться. Хозяйка с удивлением смотрела на нас, видимо, не имея ни малейшего представления о том, кто я такой, и когда мы наконец перестали хохотать, спросила, с какого мы фронта. Обед, которым она накормила нас, был превосходен. Усевшись снова в сани, мы опять стали смеяться и кто-то сказал: "Представляете, она так и не поняла, в чем дело. Ей и в голову не пришло, кто вы есть на самом деле, и отнюдь не из-за бороды, которую вы отрастили".

Доставив меня в поместье вблизи Бологого, мои друзья в тот же день уехали. На обратном пути они остановились на том же постоялом дворе. Хозяйка была рада вновь увидеть их и шепотом спросила:

— Он в безопасности?

— Да, бабуся, — ответил один из моих друзей. И тут она перекрестилась.

Поместье было довольно большое, дом со всех сторон окружал густой лес. Мы остановились на поляне у охотничьего домика, откуда виднелась лишь крыша центральной усадьбы. В домике были две комнаты. В большой стояла железная печка, в углу лежала охапка поленьев. Кроватей не было, но зато в избытке соломы. Мы разожгли в печке огонь, вскипятили в огромном чугушке воду и заварили чай. Затем с удовольствием улеглись на соломе. На следующий день Беленький пошел в центральную усадьбу повидаться с хозяевами, которые рассыпались в извинениях. Они ожидали нас несколькими днями позже, а потому не в полной мере подготовили охотничий домик. В дом они пригласить нас не рискнули, опасаясь слуг, а также многочисленных гостей, приехавших к ним на Рождество. После этого к нам проявили максимум внимания и в этом охотничьем домике мы чувствовали себя превосходно. Мне дали лыжи, и я прошел на них немало километров по лесным тропам. Дни стояли холодные, но кристально ясные и солнечные.

В канун Рождества наши хозяева прислали для нашего стола роскошное угощение. А на Новый год, последний, который я провел в России, хозяева пригласили нас к себе: им удалось на день отправить из дома всю прислугу.

На следующий день мне предстояло выехать в столицу. Беленький объявил, что отправляться надо без промедления. Рассказал, что центральные комитеты антибольшевистских социалистических партий высказались против проведения вооруженных демонстраций в день открытия Учредительного собрания и предложили организовать в его поддержку лишь сугубо мирные манифестации.

Положение сложилось весьма абсурдное. Лозунг "Вся власть Учредительному собранию" потерял отныне всякий смысл. Для законно избранного Учредительного собрания было абсолютно невозможным сосуществование с диктатурой, которая отвергала саму идею народного суверенитета. Учредительное собрание имело смысл лишь в том случае, если бы оно получило поддержку правительства, признающего его как верховную политическую власть*.

К концу 1917 года в России такого правительства уже не было. Лозунг "Вся власть Учредительному собранию" звучал теперь лишь как объединяющий призыв для всех сил, готовых продолжить борьбу с узурпаторами.

По причинам, которых я в то время не знал, "Комитет защиты Учредительного собрания" оказался неспособным вести эффективную борьбу. При всем при этом, говорил я себе, даже если Учредительное собрание обречено на гибель, пусть оно выполнит свой долг перед народом и страной, уйдя со сцены с достоинством и оставив людям нетленный дух свободы.

---

* Я довольно часто высказывал эту точку зрения тем людям, с которыми встречался, находясь в подполье.

Предполагалось, что я сяду в ночной московский поезд, который останавливался в Бологом в 11 вечера. Поезда были в то время всегда переполнены, вагоны дышали на ладан, освещения, особенно в купе третьего класса, практически не было. Мне сказали номер вагона, где уже находились мои сторонники, я должен был забиться в угол купе и постараться не привлечь к себе внимания. На вокзал мы прибыли вовремя и в ожидании поезда, который опаздывал, стали расхаживать вдоль платформы. Меня по-прежнему сопровождали вооруженные гранатами люди, однако мы настолько привыкли к такой форме существования, что уже не думали о мерах предосторожности и довольно громко разговаривали. Неожиданно один из моих ангелов-хранителей подошел ко мне и прошептал: "Будьте осторожны. За вами следят железнодорожники с другой стороны платформы. Посмотрите, они идут за нами". Мы замолкли. Группка железнодорожников перешла с московской платформы на нашу и направилась прямо к нам. У всех пронеслась одна и та же мысль: все пропало. Однако подошедшие сняли в знак уважения фуражки и сказали: "Александр Федорович, мы узнали вас по голосу. Не беспокойтесь, мы вас не выдадим!" Так удвоилась моя личная охрана! После этого все пошло как по маслу. Прибыл поезд, нам удалось втиснуться в нужный вагон, почти не освещенный. Безо всяких происшествий мы доехали до Петрограда, где извозчик доставил нас по условленному адресу.

Учредительное собрание должно было открыться 5 января 1918 года и, казалось, все идет по намеченному мною плану. Через три дня я надеялся быть в Таврическом дворце, на открытии собрания. 2 января меня посетил член фракции эсеров в Учредительном собрании Зензинов. Завязавшаяся беседа, поначалу очень дружеская, вскоре обернулась ожесточенным спором. Я и сегодня с болью вспоминаю тот разговор. Я сказал ему, что считаю своим долгом присутствовать при открытии Учредительного собрания. Хотя у меня и не было пригласительного билета в Таврический дворец, я рассчитывал, изменив внешность, пройти по билету какого-нибудь малоизвестного депутата из провинции. Я рассчитывал на помощь в получении такого билета, самонадеянно понадеявшись, что мои друзья в Учредительном собрании позаботятся об этом. Но они наотрез отказались. Зензинов заявил, что мое появление на открытии сопряжено с огромной опасностью, и я не имею права идти на такой риск. Он особо подчеркнул, что я главный враг большевиков. Я возразил, что сам волен распоряжаться своей жизнью, что он не сможет переубедить меня и что я уверен в правильности своего решения. Если бы меня заточили в Петропавловскую крепость, тогда я физически не смог бы присутствовать на открытии собрания, а, коль скоро я на свободе, мой долг — быть там. Я напомнил ему о статье, которая под заголовком "Судьба Керенского" появилась 22 ноября 1917 года в газете эсеров "Дело народа".

"Недавний официальный глава Российской республики и революции должен сейчас где-то скрываться и скитаться, а имя Керенского сделалось почти запретным именем согласно повелению тех, кто захватил вооруженной рукой власть в государстве.

Сейчас Керенский ушел из политической жизни, но с созывом Учредительного собрания он к ней вернется. И тогда он даст отчет в своей деятельности народу, который в Учредительном собрании сумеет оценить по заслугам все положительное и все отрицательное, что имелось в политической деятельности А. Ф. Керенского за все восемь месяцев его работы в качестве одного из министров, а позднее и председателя Временного правительства русской революции".

Я сказал Зензинову, что именно за этим я и приехал: отчитаться в своей работе и деятельности. Задумавшись на минуту, Зензинов заметил:

“Положение в Петрограде коренным образом изменилось. Ваше появление в Учредительном собрании будет концом для нас всех”. “Не будет, — возразил я. — Я приехал спасти вас. Я стану мишенью яростных атак и на вас даже не обратят внимания”. Тотчас же, почувствовав бестактность такого аргумента, я поделился с ним своими истинными намерениями, взяв с него слово, что он никому не расскажет о них до моей смерти. Должно быть, мой план* показался ему безумным, однако растрогал его до слез, и, пожимая мне на прощание руку, он сказал: “Я обсужу его с друзьями”.

Однако это был лишь жест дружбы, и Рубикона смерти я не пересек. Когда он вновь пришел на следующее утро, разговор наш протекал в более спокойных тонах, и я даже не пустился в спор, когда он передал мне окончательный ответ: “Нет”. Я лишь сказал, что крайне огорчен решением не проводить вооруженной демонстрации и что, на мой взгляд, Учредительному собранию не следует без боя сдавать свои позиции. Будучи сторонником строгой партийной дисциплины и в то же время глубоко порядочным человеком, Зензинов искренне согласился с моим мнением и добавил, что такой же точки зрения придерживается его партийная фракция в Учредительном собрании. Я поинтересовался, кого собираются избрать председателем Учредительного собрания, и был поражен, услышав, что речь идет о Викторе Чернове. Все, кто знал этого способного и преданного партии человека, должны были понимать, что не ему следует выступать от имени всей России. Я горячо просил Зензинова сделать все, что можно, лишь бы не допустить избрания Чернова на столь ответственный пост. Я молил найти другого человека, быть может, менее известного и менее одаренного, но обладающего большей силой воли и в большей степени отдающего себе отчет, что переживаемая нами трагедия — результат предательства стремлений и идеалов свободы, во имя которых боролись и жертвовали своими жизнями многие поколения в России. Я снова и снова повторял это каждому из тех немногих, кто посетил меня в эти последние два дня перед открытием Учредительного собрания.

ТРАГЕДИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

В критический день 5 января столица выглядела так, словно в ней ввели осадное положение. За несколько дней до этого большевики создали так называемый Чрезвычайный штаб, а весь район вокруг Смольного был передан под юрисдикцию приспешника Ленина Бонч-Бруевича. Район же вокруг Таврического дворца был отдан в ведение большевистского коменданта Благодрава. Сам дворец был окружен вооруженными до зубов войсками, кронштадтскими матросами и латышскими стрелками, часть которых располагалась внутри здания. Все улицы, ведущие ко дворцу, были перекрыты.

Нет нужды описывать это первое и последнее заседание Учредительного собрания. Возмутительное поведение ленинских головорезов в отношении “избранников народа” многократно описывалось теми, кому довелось пережить те ужасные часы 5 и 6 января. Ранним утром 6 января Учредительное собрание было разогнано, с применением грубой силы, а двери Таврического дворца — закрыты. На мирных людей, которые собрались, чтобы выразить поддержку Учредительному собранию, обрушился шквал ружейного огня.

За легкой победой большевиков над Учредительным собранием по-

---

* По чисто личным соображениям я даже сейчас не могу раскрывать суть этого плана.

что сразу же последовало убийство двух бывших министров Временного правительства от партии кадетов — Шингарева и Кокошкина, которые не присутствовали на открытии Учредительного собрания, поскольку содержались под арестом в Петропавловской крепости. Поздно вечером 6 января их перевели в Мариинскую больницу, где поместили в специальную палату, охранявшуюся солдатами. В ночь на 7 января ворвавшаяся в палату под предлогом смены караула банда большевистских солдат и матросов заколола штыками двух лежащих в постелях больных людей, которые всю свою жизнь посвятили служению свободе и демократии.

9 января Максим Горький опубликовал удивительную статью об этих событиях, которая заслуживает того, чтобы привести ее почти полностью*. Описав события Кровавого воскресенья (9 января 1905 года), когда царские войска открыли огонь по мирным безоружным рабочим, Горький сравнивает их с событиями последних дней: "5-го января 1917-го года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие, — мирно манифестировала в честь Учредительного собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания, — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, и в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой идеи пролиты реки крови — и вот "народные комиссары" приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из "народных комиссаров" сами же на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного собрания. "Правда" лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно "буржуи", "калединцы".

"Правда" лжет, — она прекрасно знает, что "буржуям" нечему радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков.

"Правда" знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов.

Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала "Правда", она не скроет позорного факта.

"Буржуи", может быть, радовались, когда они видели, как солдаты и Красная гвардия вырывают революционные знамена из рук рабочих, топчут их ногами и жгут на кострах. Но, возможно, что и это приятное зрелище уже не радовало всех "буржуев", ибо ведь и среди них есть честные люди, искренне любящие свой народ, свою страну.

Одним из них был Андрей Иванович Шингарев, подло убитый какими-то зверями.

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы.

И точно так же, как 9 января 1905 года, люди, не потерявшие совесть и разум, спрашивали стрелявших:

— Что вы делаете, идиоты? Ведь это свои идут! Видите — везде красные знамена, и нет ни одного плаката, враждебного рабочему классу, ни одного возгласа, враждебного вам!

---

* Новая жизнь. 1918. 9(22) января.

И так же, как царские солдаты — убийцы по приказу, отвечают:

— Приказано! Нам приказано стрелять.

И так же, как 9 января 1905 г. обыватель, равнодушный ко всему и всегда являющийся только зрителем трагедии жизни, восхищался:

— Здорово садят!

И догадливо соображал:

— Эдак они скоро друг друга перехлопают!

Да, скоро. Среди рабочих ходят слухи, что Красная гвардия с завода Эриксона стреляла по рабочим Лесного, а рабочие Эриксона подверглись обстрелу Красной гвардии какой-то другой фабрики.

Этих слухов — много. Может быть они — не верны, но это не мешает им действовать на психологию рабочей массы совершенно определенно.

Я спрашиваю "народных" комиссаров, среди которых должны же быть порядочные и разумные люди:

Понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания республики?

Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или — пускай все и всё погибают?"

Открытие Учредительного собрания обернулось трагическим фарсом. Ничто из того, что там происходило, не дает возможности назвать его последним памятным бастионом защиты свободы.

Лучшую и самую смелую речь произнес лидер меньшевиков Церетели. Однако эта речь была совсем не в духе того революционера Церетели, который клеймил Столыпина во II Думе. В ней содержалась критика, она была сказана с большим чувством и все же она была лишь гласом "лояльной оппозиции". И действительно, читая ее, я вспоминал о стиле "либеральной оппозиции Его Императорского Величества (кадетов)" в мирные дни IV Думы. По сути дела, уже в начале ноября меньшевики отказались от идеи вести революционную борьбу против большевистского "правительства рабочих и крестьян".

Что касается выступления председателя Учредительного собрания Виктора Чернова, то для его характеристики приведу слова секретаря Собрания и его соратника по партии эсеров Марка Вишняка, в нем звучал язык интернационалистских и социалистических идей с отдельными включениями полутонов демагогии. Казалось, что оратор намеренно ищет общий язык с большевиками и стремится убедить их в чем-то вместо того, чтобы отмежеваться от них и в качестве представителя русской демократии выступить против них. Речь была совсем не такой, какой следовало быть. В ней не было ничего, что могло произвести впечатление хоть на кого-нибудь или в какой-то мере соответствовать требованиям исторического момента. Речь изобиловала банальностями и избитыми местами и произнес ее не Чернов в своем расцвете.

Трудно возложить вину за фиаско Учредительного собрания на Чернова. Он был отважным человеком и его, как и многих других депутатов, не страшили направленные на них ружья ленинских пьяных, обезумевших от ненависти солдат и матросов. Я полагаю, что очевидный паралич воли, который сыграл 5 января столь важную роль в наступившей катастрофе, имел глубокие психологические корни, которые определяли деятельность самых стойких приверженцев демократии того времени. Прежде всего, речь идет о широко укоренившемся страхе начала гражданской войны, которая могла легко вылиться в контр-

революционную войну против демократии в целом. Кроме того, не следует забывать, что в глазах многих людей большевики были всего лишь самым крайним левым крылом социал-демократов. А идея, что "врагов слева" не бывает, имела самое широкое хождение. Среди большинства левых царило убеждение, что люди, по их утверждению выступающие от имени пролетариата, не могут подавить свободу. Считалось, что на это способна лишь "буржуазия", а следовательно, главная угроза исходит не от окопавшихся в Смольном институте большевиков, а от контрреволюционеров, объединявших в те дни свои силы на Дону, на юге России вокруг атамана Каледина.

Если бы небольшевистские социалистические лидеры знали правду о большевистско-германских связях, они бы, без сомнения, действовали совсем по-другому. Но они не поверили "клевете" в адрес руководителя рабочего класса России.

Еще одним мощным фактором, работавшим на Ленина, была мистическая вера многих социал-демократов, не говоря уж о кантианцах и христианских идеалистах, в то, что беспредельные страдания и кровопролития "империалистической войны" породят новую эру и "новое поколение людей". Многие видели в Ленине провозвестника такого духовного возрождения.

Мне доводилось встречать таких достойных и гуманных людей, как выдающийся эсер Иванов-Разумник, которые искренне верили в это. Борис Пастернак, вращавшийся в эсеровских кругах и тоже близко знакомый с Ивановым-Разумником, в таких словах своего "Доктора Живаго" изложил суть этой веры: "— Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали.

В том, что это так без страха доведено до конца, есть что-то национально-близкое, издавна знакомое. Что-то от безоговорочной светоносности Пушкина, от невиляющей верности фактам Толстого...

— Главное, что гениально? Если вы кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летоисчисление, он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место. Он бы ждал, чтобы сначала кончились старые века, прежде чем он приступит к постройке новых...

А тут, нате пожалуйста. Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу. Оно начато не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков, в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое"*.

И не только в России обрек людей на гибель этот трагический, так не вовремя проявленный энтузиазм.

В ФИНЛЯНДИИ

После роспуска Учредительного собрания обстановка в Петрограде стала невыносимой и оставаться в городе было бессмысленно. А посему было решено, что пока она не изменится, мне следует уехать в Финляндию. В те дни Финляндия стояла на пороге гражданской войны. Власть была в руках финской социал-демократической партии, которую поддерживали большевистские солдаты и балтийские матросы. У меня были

---

* Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989. С. 227.

связи с группой деятелей в Гельсингфорсе, которые всегда были в хороших отношениях с эсерами, но для отъезда туда мне требовалось получить разрешение советских властей. Без особых трудностей мы получили такое разрешение для двух лиц, однако проверка пассажиров на вокзале проходила весьма строго. Поначалу мы подумывали об использовании грима, но, по счастью, вовремя поняли, как выглядели бы, попав с мороза после поездки на вокзал в теплое купе. А потому решили рискнуть и ехать безо всяких особых предосторожностей. Сопровождать меня в Гельсингфорс вызвался отважный и опытный конспиратор В. Фабрикант. Именно отсутствие грима и спасло нам жизнь, ибо иначе в душном жарком вагоне мое лицо превратилось бы в чудовищную маску. Все шло хорошо, и мы, как это случалось не раз прежде, и не подозревали о грозящих нам опасностях. Линию "красного контроля" на вокзале в Гельсингфорсе мы миновали без особых осложнений. И через какое-то время очутились в маленькой незатейливой квартирке молодого шведа. Там было тихо и покойно, но длилась эта идиллия недолго. На призыв генерала Маннергейма многие молодые люди, независимо от их политических взглядов, бросали работу и вступали в отряды антибольшевистских сил, формировавшихся на севере страны. Вспоминая всеобщую беспомощность и пассивность образованных людей петроградского общества, а также революционных демократических кругов, я был потрясен тем врожденным чувством ответственности, которое отличало финскую интеллигенцию. Мой хозяин так объяснил кажущееся мирное положение финской столицы: "Скоро я отправляюсь на север и, по-видимому, тут никого не будет. Но мы приняли необходимые меры. Наши друзья будут ждать Вас у города Або вблизи Ботнического залива". Там и была моя следующая остановка.

Жил я там в полном комфорте и имел возможность получать исчерпывающую информацию о событиях, происходивших в России и Европе, поскольку хозяин мой — владелец животноводческой фермы — постоянно ездил в Гельсингфорс и был в курсе всех дел. Мне показалось, что он занимается активной политической деятельностью, и мое предположение получило подтверждение, и самым необычным образом.

Как-то в конце февраля, за несколько недель до того, как немецкие войска 3 апреля пришли на помощь Маннергейму, мой хозяин, застав меня одного, обратился ко мне со словами:

— Давайте поговорим откровенно, ладно?

— Конечно.

— Видите ли, мы ведем переговоры с Берлином о вводе германских войск. Несколько человек из Верховного командования Германии придут сюда раньше того срока, о котором мы договорились, и останутся здесь. Это произойдет не завтра, тем не менее нам придется сообщить в Берлин, что вы тут. Не волнуйтесь, ради Бога. Я имею полномочия сообщить, что вам гарантирована безопасность и вам не о чем беспокоиться.

— Благодарю вас за гостеприимство, — ответил я, — однако я не могу здесь более оставаться. И не могу принять защиту, предложенную Германией. Пожалуйста, попросите немедленно приехать сюда госпожу У.* Я попрошу ее поехать в Петроград и устроить мое возвращение в Россию.

Без всякого сомнения, хозяин моей квартиры находился в тесной связи с окружением Маннергейма, и он проявил полное понимание моей просьбы:

---

* Госпожа У. была дочерью отставного финского полковника русской армии. Она была активным членом Христианской ассоциации женской молодежи и часто ездила в Петроград. Одновременно она была моим курьером.

— Не буду с вами спорить и тотчас же пошлю телеграмму госпоже У.

Через какое-то время приехала госпожа У., и я объяснил ей создавшуюся ситуацию. По прошествии нескольких дней она вернулась из Петрограда.

— Ваши друзья, — сказала она, — просили меня отговорить вас от возвращения. В настоящий момент это ничего не даст.

— Ну что ж, — ответил я. — Тогда я поеду на свой страх и риск. Пожалуйста, организуйте с помощью своих друзей мой отъезд и сообщите, когда я смогу ехать. Время еще есть, но я не могу здесь оставаться. Вы должны меня понять, как понял меня мой хозяин.

Она выполнила мою просьбу. Я убежден, что в моем положении так же поступил бы и любой другой человек.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В ПЕТРОГРАДЕ

Я сел в поезд 9 марта 1918 года. На этот раз в вагон даже не второго, а третьего класса, набитый пьяными горластыми солдатами. Платформа Финляндского вокзала в Петрограде была в сугробах — снег давно уже никто не убирал. Выходя из вагона с тяжелым чемоданом в руке, я поскользнулся и упал лицом прямо в снег. Ко мне подбежали солдат и матрос и помогли подняться на ноги. Со смехом и шутками они подали мне упавшую шапку и чемодан.

— Иди, парень, и гляди в оба! — крикнули они, пожав на прощание руку.

Носильщиков не было, как не было и извозчиков на вокзальной площади. Трамваи не ходили. С чемоданом в руке я отправился пешком, растворившись в толпе пассажиров с корзинками, баулами, узлами. В те тревожные дни пешеход, нагруженный баулами или чемоданом, ни у кого не вызывал удивления. Это был наилучший способ остаться незамеченным. А потому ни милиционеру, ни сыщику не пришло бы в голову обратить внимание на бородатого "врага народа № 1", благопристойно шествовавшего с чемоданом по Литейному проспекту.

Не имея ни малейшего представления, куда направиться, я миновал Литейный проспект, повернул на Бассейную и вышел к 9-й Рождественской. Продолав столь длинный путь, я не чувствовал усталости, пока не подошел к дому, где проживала моя теща. По счастью, улица была безлюдна, а прислуги не было дома. И все же оставаться так близко от места, где некогда помещалась наша фракция в Думе и где меня хорошо знали в лицо, было весьма рискованно. Поэтому было решено, что ночью я укроюсь в доме на дальней стороне Васильевского острова.

Там я и прожил довольно долго в квартире женщины-врача, муж которой, тоже врач, служил в армии. Без малейших колебаний она предоставила мне убежище, отдавая себе отчет, какой опасности подвергает свою жизнь. И подобно чете старых Болотовых в лесном домике проявляла обо мне трогательную заботу. Ни разу за все время она и виду не подала, что понимает, какому подвергается риску. Уходила она из дома ранним утром, и до позднего вечера я был в квартире в полном одиночестве.

Не припомню обстоятельств, при которых в мои руки попала запись моих показаний в Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Не использовать эту неожиданную возможность — написать правду об этом деле — было выше моих сил. Сегодня эту правду признают сами участники дела (см. 21 гл.), но в то время она не была известна ни широкой общественности, ни в политических кругах. Читая свои собственные

показания, вновь вернувшись к событиям того времени, я смог воссоздать подлинную картину всего дела и пролить новый свет на некоторые его аспекты. Летом 1918 года моя книга "Дело Корнилова" появилась в Москве.

Я поставил своей целью не только отмежеваться от предателя Корнилова, но и выбить из рук большевистских пропагандистов то разрушительное оружие, с помощью которого было расколото единство демократических сил.

Однажды, работая над рукописью и пытаясь воссоздать атмосферу прошлого лета, когда, казалось, еще не были утрачены надежды на новую и лучшую жизнь, я вдруг услышал с улицы звуки военного оркестра и нестройный гул голосов. Я подошел к окну и стал свидетелем весьма жалкого зрелища. По улице двигалась жиденькая толпа угрюмых людей, "отмечавших" день 1 Мая. Над головами рабочих реяли знамена, однако в самой демонстрации не чувствовалось истинной праздничности. Ничто не говорило о радости победы пролетариата. И на память мне пришел день 18 апреля (1 мая) 1917 года. "Капиталистическое правительство" объявило его национальным праздником. Не работали все заводы, фабрики, правительственные учреждения и магазины. На улицы вышли тысячи рабочих, солдат, служащих, людей самых различных профессий, несших над головами флаги и поющих под звуки оркестров русскую "Марсельезу". По всему городу шли многочисленные митинги: то был действительно большой и радостный праздник.

Перед самым моим возвращением из Финляндии Совет Народных Комиссаров принял решение перебраться в Кремль (9 марта 1918 года). Вслед за правительством в Москву переехали все центральные политические комитеты, профсоюзы, руководящие органы крестьянских и других организаций. Петроград опустел, политически умер.

Переслав моим московским друзьям рукопись заверченной книги, я почувствовал, что оставаться долее в опустевшем Петрограде совершенно бессмысленно. К тому же, находясь на нелегальном положении, нельзя слишком долго жить в одном и том же месте.

Пока я тихо и спокойно жил в Петрограде, в России начиналась ожесточенная гражданская война. Зимой 1917—1918 года завязались бои между донскими казаками и войсками Добровольческой армии, с одной стороны, и частями Красной Армии — с другой. По условиям Брест-Литовского мирного договора германские войска оккупировали Балтийские государства и Украину. Большевистская власть пока еще не дотянулась до Сибири. По всей стране стали обычным явлением крестьянские бунты. Члены распущенного Учредительного собрания провели нелегальную встречу в Самаре, поставив перед собой цель — свергнуть местную Советскую власть, сформировать комитет Учредительного собрания и развернуть вооруженную борьбу против узурпаторов.

Я решил отправиться в Москву и связаться со своими друзьями, имея в виду в дальнейшем прорваться через большевистские линии и перебраться на Восток — на Волгу или в Сибирь. На организацию отъезда в Москву много времени не потребовалось.

МОСКВА

На Николаевском вокзале в ожидании ночного поезда на Москву нас оказалось трое. Меня сопровождали мой друг В. Фабрикант и крупный чиновник министерства земледелия, которого ранее я никогда не встречал. Нас обещали устроить в отдельном купе. Однако, сев в поезд, мы застали в заказанном для нас купе постороннего человека, на вид весьма

респектабельного. Незнакомец не принимал участия в нашем разговоре, а сразу же забрался на верхнюю полку и вскоре захрапел. Мы же трое остались сидеть на нижних полках, обсуждая события, происшедшие в министерстве земледелия за минувшие лето и осень. Войдя в раж, мы заговорили в полный голос. И лишь глубокой ночью мы вдруг вспомнили, что с нами в купе находится четвертый спутник. Сверху не доносилось ни звука. Успокоившись, мы расположились на полках и тут же заснули.

Проснулись мы, когда уже рассвело и поезд приближался к Москве. Верхняя полка была пуста. Это весьма и весьма обеспокоило нас, хотя, быть может, подозрения наши и были напрасны. Но на всякий случай мы с Фабрикантом решили спрыгнуть с поезда, когда он замедлит ход при подезде к городу, а наш третий спутник продолжит путь вместе с нашим багажом. Довольно много времени мы потратили на то, чтобы добраться от окраин до центра Москвы. После заброшенного Петрограда улицы Москвы казались особенно оживленными и многолюдными. Трудно было поверить, что за нами нет слежки. И если наши подозрения справедливы и наш случайный попутчик уже донес на нас, то в это самое время на вокзале нас должны поджидать чекисты.

Мы бродили по улицам с самым непринужденным видом, стремясь не привлекать к себе внимания. Один раз мы даже замешались в группу прохожих, читавших крайне интересное объявление о выходе в свет первого номера новой политической газеты "Возрождение", "которая появится 1 июня". Среди издателей и сотрудников газеты было немало знакомых имен. Большинство из них принадлежало к так называемому правому крылу партии эсеров. В объявлении сообщалось также, что в "Возрождении" "будут опубликованы мемуары А. Ф. Керенского". Весть о том, что моя рукопись получена своевременно и будет напечатана, облегчила мою душу.

Не знаю отчего, быть может, потому, что свои краткие прогулки в Петрограде я совершал лишь по ночам, а тут иду по улице прекрасным весенним утром, а быть может, из-за бодрящего московского воздуха, но в то чудесное утро чувство постоянной тревоги внезапно покинуло меня. Напряжение ушло, я был полон надежд. Мы добрались наконец до места назначения, квартиры Е. А. Нелидовой, где-то в районе Арбата, у Смоленского рынка. Хотя до этого мы с ней никогда не встречались, Нелидова встретила нас как старых друзей.

После завтрака Нелидова и Фабрикант разработали для меня распорядок дня, определили "приемные часы" и проявили готовность установить все необходимые связи. И хотя дело, которым нам предстояло заняться, было очень и очень серьезным, разговор шел в самой непринужденной манере, будто обсуждали мы детали светской жизни.

Я не удержался и спросил Нелидову, не боится ли она рисковать. Ее ответ в какой-то мере объяснил мне и те изменения, которые произошли в моем настроении. Видимо, жизнь в Москве вышла из рутинных берегов. Завершив переезд в Кремль, Советское правительство все еще находилось в стадии реорганизации. Пользующаяся дурной славой Лубянская тюрьма не стала пока составной частью системы и делами ее занимались отнюдь не профессионалы. И хотя аресты, обыски и расстрелы стали повседневным явлением, все это было плохо организовано и носило случайный характер.

Свою лепту в усиление неразберихи в Москве вносили немцы. Чека Дзержинского работало в тесном сотрудничестве с соответствующей германской службой, и действия их постоянно координировались. Ленин воцарился в Кремле, а германский посол барон фон Мирбах занял особняк в Денежном переулке, который круглые сутки охранялся немец-

кими солдатами. Средний обыватель был в полной уверенности, что именно Мирбах контролирует пролетарский режим. Любые жалобы на действия Кремля адресовались только ему, и даже монархисты всех мастей искали защиты у Мирбаха. Берлин придерживался мудрой линии поведения: оказывая кремлевским руководителям финансовую помощь, он одновременно обхаживал самых крайних монархистов на случай, если большевики потеряют их "доверие". Монархисты также всячески поощрялись в Киеве, где по воле германского кайзера стал гетманом независимой Украины бывший генерал Скоропадский. При каждом удобном случае Скоропадский, находившийся под эгидой Верховного комиссара Германии, демонстрировал свои высочайшие симпатии к монархии.

Свой вклад в создавшийся хаос вносили и центральные комитеты наиболее влиятельных антибольшевистских и антигерманских социалистических, либеральных и консервативных партий, которые занимались своей деятельностью под самым носом кремлевских правителей.

Лидеры всех этих организаций регулярно встречались с различными представителями союзников России, и дипломатический ранг этих представителей зависел от того, насколько ценилась "союзниками" та или иная организация. Конечно же, все эти организации вели свою деятельность нелегально. Это было несложно, принимая во внимание неэффективность системы тогдашней чека. А потому даже те люди, которых разыскивали большевики, включая и меня, могли негласно встречаться. Вряд ли, однако, стоит говорить о том, как много всякого рода авантюристов и агентов внедрилось во все эти бесчисленные комитеты, организации и "представительства". Этому политическому хаосу положили конец печальной славы мятеж левых эсеров, убийство барона фон Мирбаха и неудачная попытка покушения на жизнь Ленина, повлекшая за собой бесчеловечную расправу над тысячами заложников. Однако всему этому еще предстояло свершиться.

В те времена в Москве было намного легче заниматься нелегальной деятельностью, чем в Петрограде, — организация встреч в доме Нелидовой или моих посещений негласных собраний не составляла каких-либо трудностей. Сейчас мне даже трудно поверить, что "бабушка русской революции", как ее именовали, Катерина Брешко-Брешковская, злейший враг Кремля, совершенно безнаказанно приходила повидаться со мной. Однажды вечером, когда я провожал ее домой, мы даже прошли мимо дома барона фон Мирбаха.

Я рассказал Брешко-Брешковской, что привело меня в Москву, и поделился своими планами уехать на Волгу. Она спокойно возразила: "Они не пустят Вас". Под словом "они" она подразумевала членов Центрального комитета партии эсеров, с которыми она разошлась во мнениях относительно меня. Она была прекрасно осведомлена о настроениях в левых кругах и подробно рассказала мне о внутреннем разброде, нестабильности и хаотическом состоянии их дел.

Не помню точно, когда состоялся этот наш разговор, но уверен, что он произошел после встречи с Борисом Флеккелем, моим молодым петроградским соратником, умным и преданным. Он тоже намеревался отправиться на Волгу, и ему весьма импонировала мысль ехать туда вместе со мной. Он приступил к необходимым по этому вопросу переговорам, однако спустя несколько дней пришел ко мне удрученный и подавленный. Сказал только, что имеются "трудности". Судя по всему, кому-то из партийных лидеров мои намерения пришлись не по душе. Вскоре я узнал и о причинах их недовольства моими планами отправиться на Волгу. Именно в это время решением важных политических проблем занялся "Союз возрождения России". О существовании такой

организации я узнал еще в Петрограде, однако о работе ее и целях имел самое смутное представление. После Октябрьской революции и Брест-Литовского мира все главные политические партии раскололись на многочисленные фракции, часто весьма враждебные друг другу. "Союз возрождения России" не был обычной коалицией демократических и социалистических партий, а был организацией *sui generis**. Часть ее членов принадлежала к партии народных социалистов, другие — к эсерам, к кадетам, к Плехановской группе "Единство", к кооператорам и т. д. Их объединяло общее отношение к основной проблеме и стремление к конкретным действиям во имя ее решения. Они считали необходимым создать правительство национального единства на самой широкой основе и восстановить в сотрудничестве с западными союзниками России фронт боевых действий против Германии. За восстановление такого фронта выступали не только политические сторонники союза, но и те партии, к которым принадлежали члены этой организации. Такая же тенденция проявлялась и в деятельности "Национального центра", в который входили наряду с кадетами представители умеренных и консервативных групп, которые не признавали Брест-Литовский мир и были готовы ради достижения общей цели сотрудничать с союзом. "Национальный центр" поддерживал самые тесные связи с Добровольческой армией генералов Алексеева и Деникина. Я был страстным сторонником приемлемого правительства национального единства и активного сотрудничества с союзниками с учетом создавшихся условий и был уверен, что деятельность "Союза возрождения России" имеет жизненно важное значение для нации. Я никоим образом не был намерен вмешиваться в деятельность союза или содействовать росту разногласий между двумя патриотическими организациями, у которых и без того было немало идеологических трудностей. Для меня было очевидно: после всех чудовищных потрясений обе стороны преодолеют предубеждение и недоверие, объединившись во имя любви к народу и ради выполнения своего долга перед отечеством, а такие люди, как генерал Алексеев, народный социалист Чайковский, кадет Астров, эсер Авксентьев и др. восстановят реальную государственную власть на основе принципов духовной и политической свободы, равенства и социальной справедливости, провозглашенных Февральской революцией.

Исходя из этих соображений, я принял предложение "Союза возрождения России" отправиться за границу для переговоров с союзниками на условиях, изложенных союзом.

Впоследствии термин "интервенция", упомянутый в этих условиях, касающихся военных задач союза, дал повод для неправильного его истолкования. В иностранных и даже в некоторых русских кругах он трактовался как призыв к "вмешательству во внутренние дела России". Однако согласно пункту третьему этих условий такое вмешательство исключалось. На деле это был призыв к союзникам продолжить войну на русском фронте на основе равноправного партнерства. В свое время по просьбе Франции русские войска под командованием генерала Лохвицкого были отправлены на Западный фронт и никому не пришлось в голову назвать это вмешательством России в дела Франции. Не секрет, что фронт у Салоников был, по сути дела, укомплектован воинскими подразделениями всех стран союзников, включая Россию. И если уж требуются дальнейшие пояснения, то следует напомнить, что захваченные Австро-Венгрией и Германией военнопленные были направлены по решению Берлина и Вены для оказания всей возможной помощи боль-

---

* Своеобразным (*лат.*).

шевикам в их борьбе против Добровольческой армии на юге и вооруженных сил Учредительного собрания на Волге и Урале. Именно эти иностранные батальоны несут ответственность за репрессии и расправы, именно они сыграли решающую роль в Москве. Вот о чем не следует забывать, говоря об обращении к союзникам руководителей Союза, которые, воскресив в памяти вклад России в победу, выступили представителями той России, которая не признала Брест-Литовский мир.

Перед моим отъездом за границу были предприняты все необходимые меры для сохранения связей с Москвой.

Отъезд был назначен на конец мая через Мурманск, где стояли английские и французские корабли, охранявшие в порту огромные склады с военным и другим снаряжением. Ехать на этот раз мне пришлось в так называемом экстерриториальном поезде, предоставленном для репатриации сербских офицеров. Формированием таких поездов занимался глава всех операций по репатриации полковник Иованович (серб), который по просьбе моих друзей безо всяких колебаний выправил для меня документы на имя сербского капитана. Английскую визу проставил английский генеральный консул в Москве Роберт Брюс Локкарт, который оставался там в качестве специального эмиссара после отъезда из столицы союзнических послов. Локкарт выдал визу, даже не обратившись за разрешением в Лондон. Много позднее он сказал мне, что был вынужден взять на себя всю ответственность, ибо был уверен, что министерство иностранных дел Англии отклонит мое обращение за визой.

Завершив все приготовления к отъезду, я в последний раз встретился со своими московскими друзьями и соратниками.

ОТЪЕЗД В ЛОНДОН

В день отъезда мы с Фабрикантом засветло приехали на Ярославский вокзал. Без особых затруднений мы встретились с двумя сербскими офицерами в военной форме, которые проводили нас на нужную нам платформу, где мы смешались с толпой пассажиров. Поезд был набит до отказа, однако нам предоставили места в купе второго класса, судя по всему, предназначенного для офицеров. Не оставалось никаких сомнений, что некоторые из них узнали меня. Путешествие казалось бесконечным. На однопутной мурманской ветке было огромное число разездов. По непонятной причине мы часами стояли на узловых станциях. Казалось, состав едва двигается. Но мы не сетовали на судьбу. В конце концов, торопиться было некуда, а впереди нас ждала упоительно-прекрасная северная весна. Мы радовались длительным ночным стоянкам, когда поезд останавливался прямо посреди густого леса. Это напоминало мне о белых ночах в Петрограде. Но природа тут казалась более таинственной: особую прелесть придавал ей какой-то особый северный покой и белизна ночей. Прошлого словно и не существовало, и не хотелось ни говорить, ни думать о будущем. Мы ощущали полную гармонию с естественной красотой окружающей нас природы, какое-то единение с загадочными лесами.

Не помню, сколько длилось наше путешествие, должно быть, около десяти дней. В конце концов мы добрались до Мурманска, в те дни грязного и заброшенного. Все пассажиры сразу же отправились в порт, занятый союзными войсками, хотя сам город подчинялся Советской власти, и вначале нам необходимо было пройти проверку на советском контрольно-пропускном пункте. Советские солдаты едва заглянули в наши документы. Затем мы отдали документы офицеру союзнических войск, который сверил наши имена со своим списком. Нас со спутником

встретили два офицера французского флота, которые препроводили нас на борт крейсера "Генерал Об". Там сербский офицер передал командиру корабля наши подлинные документы с визами. Во время нашего путешествия по железной дороге они находились у начальника "экстерриториального" поезда. Покидая родную землю, я и подумать не мог, что никогда более не увижу ее, все мысли мои были обращены в будущее.

Французская команда встретила нас очень сердечно. Мы наслаждались совершенно необычным для нас состоянием полного покоя. Больше не надо было быть постоянно начеку.

— Наверно вы хотите отдохнуть? — спросил меня один из офицеров.

— Благодарю, нет. Предпочитаю пойти к парикмахеру.

— Зачем?

— Я донельзя устал от своего маскарада. Хочу быть снова самим собой.

Раздался взрыв хохота. Через несколько минут я уже был в руках искусного парикмахера и вскоре мои лохмы и борода усыпали весь пол.

На борту корабля мы провели три незабываемых дня. Фабрикант провел долгие годы в эмиграции и совсем недавно возвратился в Россию из Парижа, где теперь его ждала семья. Его французский был безупречен, а сам он был великолепным *causeur** и немало потешал офицеров описанием наших приключений и событий в России.

Двумя днями позже на борту корабля появился английский офицер и нас пригласили в каюту капитана. Там мы узнали, что все формальности, связанные с приездом в Англию, выполнены и на следующее утро мы покинем Мурманск на борту небольшого тральщика.

Следующим утром к крейсеру пришвартовался тральщик, казавшийся игрушечной лодкой, — мы с трудом могли представить себе наше путешествие по водам Северного Ледовитого океана.

На борту крошечного судна капитан тральщика представил нас всем 15 членам команды, весьма заинтересованным появлением столь загадочных пассажиров.

Воды Северного Ледовитого океана кишели германскими подводными лодками и для защиты от их нападения на судне была установлена маленькая пушчонка. Капитан занимал единственную на судне отдельную каюту, которая находилась непосредственно под капитанским мостиком. И вот теперь он предложил ее мне, а сам вместе с Фабрикантом перебрался в носовой кубрик.

Мы прекрасно провели время на этом углу суденышке и были с капитаном и командой в наилучших отношениях, хотя не знали ни слова по-английски. Погода стояла мягкая и ясная. Нас немало удивил покой на просторах Северного Ледовитого океана. Прозрачные полярные ночи оказывали на нас какое-то странное воздействие, мешая уснуть, и мы часами сидели на палубе, любуясь небом и водой.

Как-то в полдень Фабрикант сообщил мне, что барометр падает. Это предвещало шторм. Конечно же в шторме, трепавшем нас подряд 48 часов, не было ничего необычного, но в мою душу он явно привнес какое-то облегчение.

В одну из бессонных полярных ночей, за неделю до этого шторма, я мыслями вернулся к 1916 году. После многочисленных выступлений на собраниях и митингах в Саратове, на которых я рассказывал о сложившемся политическом положении, я возвращался в Петроград на одном из волжских пароходов. Стоял ясный спокойный осенний день, и я прохаживался по палубе, наслаждаясь свежим воздухом, забыв обо всех своих политических заботах и отдавшись на волю чувств, которые

---

* Рассказчик (*фр.*).

всегда пробуждала во мне Волга. В памяти вновь возникли счастливые дни моего детства в Симбирске, и желание бросить все и снова, как тогда, забраться на вершину холма было почти непреодолимым. Только бы снова увидеть ее и снова, как и в бытность мальчишкой, задохнуться от радости. Весь во власти этой тоски по прошлому, я вдруг ощутил в душе зловещее предчувствие, что мне уже никогда более не увидеть моей родной Волги. С огромным трудом подавил я этот необъяснимый страх, казавшийся тогда абсолютно безосновательным.

И вот этой бессонной ночью на борту судна снова вернулось в душу то ощущение и снова появилось зловещее предчувствие, что я уже никогда не увижу ни Волги, ни Симбирска, никогда не ступлю на русскую землю.

Эта мысль была непереносима, но она овладела сознанием столь властно, что я впал в состояние полного отчаяния. Снять с души этот кошмар, прогнать черные мысли и обрести покой можно было, лишь пережив потрясение, и оно пришло ко мне в виде шторма.

Чем сильнее бушевали волны, чем мощнее гремела стихия, тем легче было забыть слово "навсегда" и убедить себя, что я всего-навсего выполняю особую миссию, которая завершится после капитуляции Германии.

Когда рассеялись страхи, вернулась и способность к осознанию своего предназначения. Не обращая более внимания на шторм, я стал готовиться к встрече с руководителями Англии и Франции. Я, конечно, знал, как относятся они к Временному правительству и ко мне лично. Но это ни в коей мере не тревожило меня. Меня делегировала Россия, которая отказалась признать сепаратный мир с Германией. Моя задача состояла в том, чтобы немедленно заручиться военной помощью союзников для восстановления русского фронта и тем самым обеспечить России место среди союзных стран на предстоящих мирных переговорах.

Ко мне вернулось внутреннее состояние оптимизма. Я пришел к выводу о том, что неудачи последнего решающего сражения с врагом объясняются лишь злой волей, которую проявили союзные страны в отношении России.

Через два дня шторм постепенно утих. И хотя он изрядно потрепал нас, мы пребывали в наилучшем расположении духа. Еще через несколько дней показались Оркнейские острова, одна из главных баз английских военно-морских сил, и вскоре мы пристали к Тюрсо. Там я впервые в жизни ступил на нерусскую землю. Ночь мы провели в этом мирном городке, которого, казалось, почти не коснулась война.

Вечером следующего дня мы сели в поезд и утром то ли 20, то ли 21 июня 1918 года я приехал в Лондон.

Начинался новый этап моей жизни, который, как я думал, будет очень кратким и который длится по сей день.

МОЯ МИССИЯ В ЛОНДОНЕ И ПАРИЖЕ

ЛОНДОН

Утром, 20 июня, мы прибыли на вокзал Черинг-кросс. Встречал нас лишь представитель Временного правительства в Лондоне д-р Я. О. Гавронский. Было решено заранее, что свою поездку я предприму инкогнито и о ней будет сообщено в печати лишь после моей встречи с официальными представителями английского правительства.

Попрощавшись с английским морским офицером, который сопровождал меня, мы отправились в особняк Гавронского, где мне предстояло находиться во время пребывания в Лондоне. По пути доктор сообщил, что наша встреча с Ллойд Джорджем состоится через день-другой, и я смогу за это время отдохнуть и познакомиться с достопримечательностями города. Эти дни я бродил по прилегающим улицам, разглядывал витрины магазинов, знакомился с английской кухней и убедился, что военные потрясения отнюдь не подорвали мощь Великобритании и не поколебали ее решимость и веру в победу.

Единственным средством спасти Россию могла быть политика, которая основывалась на необходимости обеспечить поражение Германии и помогать союзникам до конца. К такому твердому убеждению пришел я, познакомившись с атмосферой, царившей в Лондоне. У меня не было никаких сомнений, что как бы ни были подорваны единство и патриотический дух народа России, близкая победа союзников послужит сигналом к освобождению России; в этом были твердо убеждены те, кто послал меня с этой миссией.

На третий или четвертый день пребывания в Лондоне меня посетил хорошо одетый, привлекательный молодой человек. Это был личный секретарь премьер-министра Ф. Керр, который передал мне приглашение встретиться на следующее утро с Ллойд Джорджем. Я подтвердил, что буду в назначенное время, и попросил передать премьер-министру, что в качестве переводчика на встрече будет присутствовать д-р Гавронский, поскольку в то время я ни слова не знал по-английски.

Должен признаться, что по мере приближения часа встречи с Ллойд Джорджем меня охватывало все большее беспокойство. Я с удовольствием ждал ее, ибо всегда с интересом следил за карьерой "Уэльсского Волшебника", известного своим неповторимым обаянием и способностью подчинять себе волю других людей; но и волновался, потому что прекрасно знал, какое огромное влияние оказывал он на политику Антанты. Тревога моя была связана и с тем, что я не знал, в какой мере отношение союзных дипломатов к Временному правительству отражало личные взгляды британского премьер-министра.

Вскоре после ухода Ф. Керра меня неожиданно посетил русский поверенный в делах К. Д. Набоков, прослышавший о моем приезде в Лондон. Набоков был проницательным дипломатом с широкими связями в правительственных и общественных кругах, великолепно ориентировавшимся в политической и дипломатической жизни Лондона. Его отчеты Милюкову и Терещенко, с которыми я имел возможность

знакомиться, всегда носили деловой характер и содержали немало интересных и своеобразных оценок людей и событий.

Его визит пришелся как нельзя более кстати — я был рад побеседовать с ним в канун встречи с Ллойд Джорджем. Узнав о цели моей поездки, он самым подробным образом и во всех деталях изложил взгляды английских официальных деятелей на события в России, однако то, что он рассказал, отнюдь не обнадежило. Те нотки пессимизма, которые едва проглядывали в его отчетах об отношении Англии к России, теперь зазвучали в полную силу. Более того, он абсолютно не верил в успех моей миссии. Так же относился к ней и Гавронский, который провел в Лондоне немало лет и был хорошо осведомлен о здешних настроениях.

В 9 утра на следующий день мы прибыли на Даунинг-стрит, 10 и постучались в дверь небольшого дома, который ничем не отличался от прилегающих зданий. Эта коротенькая и узенькая улочка была, по сути дела, осью, вокруг которой вращалась Британская империя, а дом № 10 в то время, возможно, столь же часто упоминался в политическом мире, как сегодня Белый дом. То была официальная резиденция британских премьер-министров, где на протяжении двух веков принимались исторические решения, определявшие судьбы не только Англии, но и всего мира.

Когда мы вошли, нас встретил и проводил в кабинет премьер-министра Ф. Керр. Я оказался лицом к лицу с невысоким коренастым человеком благородной наружности; моложавое, свежее лицо под копной белоснежно-седых волос особенно оживлял взгляд маленьких, пронизательных, сверкающих глаз. Он так сердечно приветствовал нас, словно мы были старыми друзьями, которые давно не виделись. Его поведение сразу же создало приятную, спокойную атмосферу, чуждую всякой формальности.

Я не могу дать дословный отчет о нашей часовой беседе, поскольку велась она через переводчика и записей при этом не делалось. Поэтому я лишь изложу суть своих высказываний и совершенно неожиданной реакции на них Ллойд Джорджа.

Кратко коснувшись военных действий в России, событий, связанных с падением монархии и попытками восстановить государственность и боеспособность армии, я заявил, что все это — удел прошлого. В настоящее время положение в России можно суммировать следующим образом: центральную часть России захватили большевики, которые уже заключили с Германией сепаратный мир и используют германскую финансовую и военную помощь для борьбы со своими же согражданами, большинство которых не признает ни Брест-Литовский договор, ни большевистскую диктатуру.

В Сибири большевикам не удалось захватить власть, и, более того, в Томске сформировано местное демократическое правительство. На Волге члены Учредительного собрания, главным образом эсеры, создали демократический антибольшевистский центр и, опираясь на помощь чешских легионеров*, начали военные действия против большевиков. Донские и кубанские казаки уже начали борьбу с большевиками. Все Поволжье от Самары до Урала свободно от большевиков. На юге

---

* Военнопленные, которые сражались с Германией на русском фронте и изъявили желание продолжить борьбу с немцами на Западном фронте, отправившись туда через Дальний Восток.

благодаря усилиям генералов Алексеева и Деникина (Корнилов был убит в апреле) создается Добровольческая армия, которая вступила в соприкосновение с наступающими частями большевиков. Украина по-прежнему находится в руках немцев, но и там также время от времени вспыхивают народные восстания.

Я сообщил Ллойд Джорджу, что на время моего отъезда из Москвы в стране сложились два политических центра. Оба они стремятся к созданию нового коалиционного правительства и Добровольческой армии, политически связанной с Национальным центром.

Целью правительства, которое находится в стадии формирования, сказал я далее, является продолжение войны на стороне союзников, освобождение России от большевистской тирании и восстановление демократической системы. Представители союзников в России обещали свою поддержку, и в настоящее время для союзных правительств крайне важно поддерживать тесные связи с антибольшевистскими и антигерманскими силами России. Кроме того, очень существенно решить, каким образом национальные силы России могут внести наибольший вклад в военные действия тройственного союза. Однако такой вклад реален лишь в случае, если союзники признают (де-факто) новое правительство и будет достигнуто единство действий представителей союзников на территории России.

Я допускал, что Ллойд Джордж не в полной мере информирован о быстроразвивающихся событиях в России и о политике английских и французских представителей в нашей стране. Мои предположения подтвердились, когда британский премьер-министр стал задавать многочисленные вопросы, на которые я дал исчерпывающие и откровенные ответы.

Тут подошло время отправляться ему в Палату общин, и он стал прощаться, не высказав личного отношения к тому, что я сказал. Он предложил мне в самое ближайшее время встретиться с военным министром его правительства лордом Мильнером. И неожиданно, будто вспомнив что-то, добавил: "Через несколько дней я отправлюсь в Версаль на совещание Верховного Совета союзников. Почему бы и вам не поехать? Приглашение в Версаль вы получите".

В тот день, выступая в Палате общин, Ллойд Джордж наряду с другими вещами упомянул, что имеет сведения из России лично от "авторитетного" лица.

Мы покинули Даунинг-стрит, 10 в хорошем расположении духа, с ощущением, что добились успеха. Моя миссия имела великолепное начало — через несколько дней "Большая пятерка" сможет получить из первых рук отчет о положении в России.

Стояло прекрасное солнечное утро. И мы решили пройтись пешком, а по дороге я заскочил в русское посольство и попросил Набокова выдать мне, как можно скорее, паспорт, поскольку в Англию я прибыл без каких-либо документов и не имел никакого удостоверения личности на случай поездки куда-нибудь за пределы Британских островов. Не без иронии Набоков принес мне свои поздравления по случаю неожиданного поворота событий и обещал выдать мне дипломатический паспорт на следующий день. Вернувшись в дом Гавронского, я обнаружил полученное по телефону уведомление, что лорд Мильнер ждет меня к 6 часам вечера.

У меня было такое ощущение, что, организовав нашу встречу со своим военным министром, Ллойд Джордж рассчитывал оказать косвенное воздействие на военную политику России. Катастрофические последст-

вия такой политики уже проявились во времена корниловского дела, но у меня не было ни желания, ни права обсуждать с лордом Мильнером те трагические события. В конце концов, меня направили сюда с определенными целями политические организации, которые стремились во имя блага отечества к объединению всех сил.

Лорд Мильнер, истинный представитель викторианской эпохи, встретил меня с ледяной учтивостью. Он внимательно слушал, время от времени задавал вопросы, но не сделал ни одного замечания и не подал ни виду, о чем думает. Но я-то хорошо знал, о чем он думал.

Годы спустя я встретился с Ллойд Джорджем, который уже не был у власти, и мы вспомнили прежние времена. В конце разговора я напрямую спросил его, почему Антанта в период правления Временного правительства так упорно поддерживала все военные заговоры, имевшие целью установление военной диктатуры. Он уклонился от прямого ответа, сказав, что ничего не знал о таких действиях. Однако, продолжал он, если дело обстояло именно так, то это означает, что министерство снабжения и военное министерство, должно быть, проводили в жизнь свою собственную военную политику.

Вскоре после визита к премьер-министру и лорду Мильнеру печать сообщила о моем прибытии в Лондон. Тайное стало явным. И очень не вовремя, добавил бы я, поскольку не надо было привлекать внимания общественности к моей поездке и вызывать праздное любопытство, пока не прояснятся результаты моих переговоров в Лондоне и Париже. Но было уже поздно.

Сразу после моего приезда в Лондон (20 июня 1918 года) из Парижа для встречи со мной приехал блестящий французский математик и государственный деятель Поль Пенлеве. После поражения Нивеля в 1917 году он стал военным министром в кабинете Рибо, а позднее и премьер-министром — до прихода к власти Клемансо. Я никогда ранее не встречался с Пенлеве, тем не менее после первых же приветствий он поспешил уверить меня, что, едва узнав о моем приезде в Лондон, понял, что должен встретиться со мной, чтобы сказать мне лично об огромном значении русского наступления, предпринятого годом ранее, для окончательной победы западных союзников. Он подчеркнул то обстоятельство, что не все на Западе в полной мере понимают это.

Он рассказал, что генерал Алексеев и большинство французских военных специалистов и государственных деятелей пытались убедить генерала Нивеля отложить генеральное наступление до того, когда будет восстановлена боеспособность русской армии*, и что он, как военный министр, тоже настаивал, с согласия Рибо, на таком решении. Однако Нивель категорически отказался отсрочить наступление и в случае несогласия с его мнением угрожал отставкой.

Подробно описав трагическое положение, сложившееся тогда на французском фронте, Пенлеве спокойным голосом, в котором звучало волнение, добавил: "Рискованная авантюра Нивеля обернулась для нас и англичан такими огромными потерями, что мы и помыслить не могли о решающем наступлении на нашем фронте. Я и до сих пор содрогаюсь при мысли, к каким последствиям могло бы привести такое наступление..."

Пенлеве неожиданно вскочил с кресла, стремительно подошел ко мне и горячо обнял. С тех пор мы стали друзьями.

---

* См. гл. 15.

ПАРИЖ

Через несколько дней после нашей встречи Ллойд Джордж отбыл в Париж, и вслед за ним, как было условлено, отравились и мы с Гавронским. Мы выехали ночным поездом и сделали все возможное, чтобы никто заранее не узнал о нашем приезде в Париж. Однако едва я вошел в номер, где мне предстояло остановиться, на углу улиц Ренуар и Черновиц, как там появился представитель французского правительства, сообщивший, что в мое распоряжение предоставлена автомашина и что в целях безопасности меня постоянно будет сопровождать полицейская машина.

На мой удивленный вопрос, зачем все это нужно, офицер службы безопасности ответил, что это обычный акт вежливости в отношении персон моего ранга. Столь благой жест со стороны полиции облегчил мне знакомство с городом, в котором я никогда прежде не бывал, и позволил встретиться с самыми разными людьми. За время краткого пребывания в столице я смог познакомиться с огромным количеством людей из всех слоев общества, порой интересных, порой скучных.

Прошло три дня, а о приглашении в Версаль не было и речи. Я решил, что Ллойд Джордж либо не смог установить контактов с лицами, заинтересованными в моем появлении на совещании Верховного Совета союзников, либо сама эта идея потеряла в его глазах интерес. Что касается меня лично, то я был, как и раньше, преисполнен желания выполнить свою миссию, хотя отдельные, дошедшие до меня факты, не могли не вызвать чувства тревоги.

Парижане ни в коей мере не напоминали чопорных, безразличных к политике лондонцев, и в Париже было значительно легче уяснить себе подлинное отношение союзников к событиям в России. Да и вся парижская политическая система в значительной мере отличалась от лондонской. Клемансо, или "Старый Тигр", как его прозвали, стал главой французского правительства вскоре после большевистского переворота и правил он Францией на основе просвещенной, но жесткой диктатуры.

Мы приехали в Париж за десять дней до последнего германского наступления, которое полностью изменило соотношение сил в войне. Избавившись, наконец, в результате большевистского переворота от военного давления со стороны России, немцы сконцентрировали все свои быстротающие военные силы на западе, и Людендорф, как и Гинденбург, предприняли несколько отчаянных попыток прорвать оборону союзников. Но было уже слишком поздно. Теперь немцам противостояла новая англо-франко-американская армия под объединенным командованием генерала Фоша, армия, значительно превосходящая германскую как в огневой мощи, так и в обеспеченности продовольствием, авиацией и военной техникой. Немцы теперь к тому же фактически сражались в одиночку, так как Австрия и Турция, по сути дела, вышли из игры. Объективно говоря, победа союзников была обеспечена, однако Францию по некоторым причинам разъедали сомнения, и она была склонна выждать и посмотреть, как пойдут дальше дела.

Париж в те дни был великолепен; то было время, когда на улицах города более чем когда-либо прежде ощущалась глубокая преданность людей своей родине, ее прошлому, ее великому будущему. Время от времени на город совершали налеты германские самолеты, то и дело по парижским домам и бульварам с расстояния в 50—70 километров начинала бить пушка, прозванная "Большой Бертой".

В этих условиях поведение Клемансо рождало в правительственных кругах, даже среди его ближайших друзей, настроения настоящей па-

ники. Клемансо в тот период был в политическом мире абсолютно одинок. Лишь немногие из французских депутатов мирились с его "диктатурой", хотя человек с улицы горячо верил, что "Старый Тигр" не оставит его в беде.

Без сомнения, французское правительство хорошо понимало цели моего приезда в Париж и уже в первые дни моего пребывания там меня посетил помощник и доверенное лицо Клемансо Ж. Мандель, который пригласил меня посетить на следующий день военное министерство. Именно там Клемансо обычно принимал посетителей.

Мандель дал мне понять, что подготовка к контрнаступлению против немцев идет полным ходом и что, хотя "старик" чрезвычайно занят, он решил не откладывать нашу встречу. По словам Манделя, Клемансо с огромным интересом следит за развитием событий в России, а также за моей деятельностью и хотел бы повидаться со мной. Это была хорошая новость, однако меня не покидали мрачные предчувствия относительно успеха моей миссии в свете тех фактов, о которых я недавно узнал.

Наша первая встреча с Клемансо состоялась утром 10 июля. На ней присутствовали французский министр иностранных дел Стивен Пишон и В. Фабрикант, которого я пригласил с собой на тот случай, если меня подведет мой французский. Клемансо, пожилой полный человек с глазами-бусинками под густыми бровями, сидел в глубоком кресле за столом возле двери. Когда я вошел, он встал и, вперив в меня пытливым взором, протянул через стол руку со словами: "Рад видеть Вас. Садитесь и расскажите, чем я могу быть полезен".

Мне очень понравилась незатейливость его приветствия, в котором не было дежурных фраз. Было очевидно, что у будущего *père de la victoire** не было времени для пустых формальностей.

Оставив в стороне необязательные подробности, я обрисовал ему положение в России и изложил цель своей миссии. Он спокойно слушал, постукивая своими тонкими, артистичными пальцами по стоящему на столе пресс-папье. Однако стоило мне упомянуть об обещаниях французского правительства, изложенных в Москве, — помощь вновь создаваемому русскому правительству и поддержка в борьбе с общим врагом, Германией, — он прервал меня и голосом, в котором одновременно звучали и удивление, и возмущение, заявил, что впервые слышит об этом, и, обратившись к Пишону, спросил, знал ли что-нибудь он. Пишон поспешил пробормотать: "Нет".

Помедлив мгновение, Клемансо, улыбаясь, повернулся ко мне и, желая снять напряжение, сказал, что в этом вопросе, судя по всему, произошло какое-то недоразумение. Конечно же французское правительство окажет патриотическим силам в России всю возможную помощь, а он, со своей стороны, крайне рад побеседовать со мной и лично от меня узнать все новости.

Заканчивая беседу, мы договорились о дате следующей встречи. Я также получил разрешение французского министерства иностранных дел отправить в адрес генерального консула в Москве шифрованное сообщение для передачи нужному человеку.

К сожалению, столь идиллическое положение длилось недолго. Должно быть, уже во вторую нашу встречу с Клемансо, когда мы обговаривали с ним содержание моего последнего сообщения в Москву, он протянул мне каблогранму от государственного секретаря США Лансинга. В ней говорилось: "Считаю поездку Керенского в Соединенные Штаты нежелательной". С трудом сдерживая себя, я спокойным

---

* Отца победы (*фр.*).

голосом сказал Клемансо: "Господин премьер, в настоящее время у меня нет намерений отправиться туда". И это было правдой, ибо в то время, в 1918 году, хоть у меня и был на руках паспорт с правом посещения Соединенных Штатов, я конечно же не планировал поездки в Америку и, насколько я знаю, с просьбой о визе для меня никто не обращался.

Каблограмма Лансинга привела меня в полное замешательство, которое, впрочем, длилось недолго. Через несколько дней я узнал разгадку. Мои встречи с Клемансо вскоре прекратились, хотя это никоим образом не было связано с каблограммой.

14 июля, в день национального праздника Франции, у Триумфальной арки должен был состояться торжественный парад, на котором обычно присутствовал дипломатический корпус. Для участия в нем были вызваны подразделения союзнических войск. Вечером в канун парада были неожиданно аннулированы приглашения, посланные русскому поверенному в делах Севастопуло и военному атташе графу Игнатьеву. Чиновник, явившийся забрать приглашения, объяснил, что они были посланы вследствие недоразумения. Позднее стало известно, что командующий русскими военными подразделениями во Франции генерал Лохвицкий не получил просьбы направить русский полк для участия в параде. Военный атташе немедленно посетил начальника французского штаба, с тем чтобы выяснить, что все это значит. Ему было заявлено, что русские представители и воинский контингент не получили приглашения участвовать в церемонии, поскольку "Россия стала нейтральной страной, заключившей мир с врагом Франции, а друзья наших врагов — наши враги". Граф Игнатьев, находившийся во Франции с самого начала войны и в отношениях с союзниками всегда поддерживавший Францию, немедленно возвратился в русское посольство и стал настаивать на том, чтобы Севастопуло посетил министра иностранных дел Пишона и убедил его отменить распоряжение, оскорбительное, по его мнению, для русских. Севастопуло решительно отказался. Тогда Игнатьев отправился ко мне и рассказал о случившемся. Он был убежден, что я, как бывший военный министр и Верховный главнокомандующий, смогу защитить честь России.

Было это в полночь 14 июля — час начала последнего наступления германских войск, провал которого ознаменовал крах Германии. Готовясь к предстоящей встрече с Клемансо и Пишоном, я набрасывал сообщение для передачи в Москву, но теперь, после прихода Игнатьева, это сообщение теряло всякий смысл.

Когда на следующий день я вошел в кабинет Клемансо, я впервые увидел его спокойным и улыбающимся. Он только что получил вести с фронта, что все германские атаки были отбиты. Теперь он уже был уверен в скорой победе.

— Ну что ж, посмотрим, что вы пишете, — сказал он весело, протягивая руку.

Я колебался, не в силах скрыть своего расстройства. Заметив это, он нахмурился.

— Могу ли я, господин премьер, задать вам один вопрос? — произнес я.

— Да, конечно.

— Почему начальник вашего штаба заявил русскому военному атташе, что ни он, ни русские войска не приглашены для участия в параде 14 июля, поскольку Россия — нейтральная страна, заключившая мир с врагами Франции? Я надеюсь, что вы не разделяете столь необоснованной точки зрения.

Клемансо побагровел и откинулся в кресле. Пишон буквально окаменел и чуть не свалился со стула. В напряженной тишине я услышал резкий голос Клемансо: *"La Russie est un pays neutre qui a conclu la paix separee avec nos ennemis. Les amis de nos ennemis sont nos ennemis"*. Это мои слова и мой приказ".

Едва сдерживая себя, я поднялся, защелкнул портфель и сказал: "В таком случае, господин премьер, у меня нет оснований оставаться долее в вашем кабинете", — поклонился, повернулся и гордо удалился.

Слухи о происшедшем инциденте немедленно распространились в правительственных и политических кругах, дав пищу для волнений, пересудов и тревоги.

На следующий день меня посетил председатель палаты депутатов Дешанель. В своей изящной и высокопарной речи он долго рассуждал о нерушимых узах между Францией и патриотической Россией, о верности Франции своему союзнику, который принес великие жертвы на алтарь общего дела и т. д. Слова Клемансо он объяснял результатом нечеловеческого напряжения последнего времени. Спустя несколько дней я был приглашен к президенту Пуанкаре, который кратко и в более сдержанных выражениях повторил рассуждения Дешанеля. Но все это были пустые слова. Вскоре после этого я возвратился в Англию.

За фразой "нейтральная страна, которая заключила сепаратный мир с нашими врагами", "сорвавшейся с языка" переутомленного государственного деятеля во время обсуждения вопроса об оказании военной помощи России, явно скрывались какие-то потаенные мысли и чувства Клемансо, не имевшие ничего общего с тем, в чем стремились убедить меня Дешанель и Пуанкаре. Было ясно, что, беседуя со мной, и Ллойд Джордж и Клемансо имели что-то на уме. Но что?

А дело просто-напросто заключалось в том, что союзники стали вынашивать планы интервенции в Россию, преследуя при этом свои собственные цели, не имевшие ничего общего с интересами России, планы, которые никак не были связаны с теми переговорами, которые вели представители союзных держав со своими партнерами в Москве.

После месячного пребывания за границей я получил от российских официальных представителей надежную информацию, что в условиях величайшей секретности спешно формируются и снаряжаются два экспедиционных корпуса. Один предполагалось высадить во Владивостоке, с тем чтобы помочь адмиралу Колчаку заменить демократическую власть военной диктатурой. С такой же целью второй корпус во главе с английским генералом Пулем планировалось высадить в Архангельске.

Узнал я также, что один из тех, кто стоит за этой рискованной сибирской авантюрой, — пресловутый корниловский "ординарец" Завойко, проживавший ныне в Европе под именем "полковника Курбатова" (все необходимые документы на это имя подготовили англичане). Как не без иронии сообщил мне один весьма информированный англичанин, именно "полковника Курбатова" пригласили вместо меня в Версаль.

Дальнейшие переговоры с главами французского и английского правительства стали беспредметны, а для меня лично весьма неприятны. Моя миссия в Лондон и Париж пришла к завершению. Теперь самым

---

* "Россия — нейтральная страна, которая заключила сепаратный мир с нашими врагами. Друзья наших врагов — наши враги".

для меня важным было скорейшее возвращение в Россию, с тем чтобы доложить обо всем, что я видел, слышал и сделал, находясь на Западе.

Без содействия британского правительства возвратиться в военное время из Англии в Россию было абсолютно невозможно. В начале сентября я направил Ллойд Джорджу письмо с просьбой незамедлительно предпринять шаги, чтобы дать мне возможность вернуться домой. Неделью спустя я получил от Ф. Керра ответ, в котором он от имени премьер-министра в вежливых выражениях информировал меня о том, что, к великому сожалению Ллойд Джорджа, он не может оказать мне содействие, поскольку это противоречило бы английской политике вмешательства во внутренние дела других стран*.

Смысл письма был ясен. Мне не будет разрешено вернуться в Россию, поскольку я могу помешать осуществлению английских планов.

Письмо от Керра пришло как раз в те дни, когда адмирал Колчак высадился во Владивостоке. Месяцем позже в результате переворота, организованного при содействии генерала Пуля русским морским офицером Чаплиным, в Архангельске было свергнуто правительство во главе с Н. В. Чайковским, которое только что (2 августа) было создано местными демократическими организациями**.

В середине августа я направил пространное письмо Чайковскому, в то время уже просто одному из членов нового "реорганизованного" правительства, в котором наряду с прочим писал: "То, что случилось с Вами в Архангельске, может повториться, я утверждаю это со всей категоричностью, в Уфе и Самаре".

Я уже отмечал, что вся Сибирь была свободна от большевиков. После продолжительных переговоров, 23 сентября 1918 года Уфимское государственное совещание провозгласило образование Директории, которая мыслилась как Временное всероссийское правительство, опиравшееся на союз всех тех партий, которые не признали Брест-Литовского договора, то есть социалистов-трудовиков, кадетов и организованной на юге белой армии.

В состав Директории входили Авксентьев и его заместитель Аргунов — от партии эсеров; член народной социалистической партии Чайковский и его заместитель эсер Зензинов; член Центрального комитета партии кадетов Н. Астров и его заместитель В. Виноградов (тоже кадет); генерал Алексеев и его заместитель генерал Болдырев; а также председатель Сибирского регионального правительства кадет Вологодский***.

В период формирования нового правительства в Самаре, а позднее в Уфе с теми из нас, кто находился за границей, поддерживался самый тесный контакт. Однако когда под угрозой большевистско-германского продвижения Директория была вынуждена переместиться в Омск, все контакты были практически утрачены.

---

* Оригинал этого письма Керра я хранил в своих парижских архивах, откуда он вместе с другими документами был изъят немцами в период оккупации. Часть письма приводилась в моей книге "Издадала", опубликованной на русском языке в Париже (в 1922 году), и полагаю, что копия письма находится в Лондоне в архивах английского министерства иностранных дел.

** Все факты, касающиеся Колчака, приводятся по книге "Допрос Колчака". Л., 1925.

*** Позднее по некоторым причинам Астров и генерал Алексеев уже не принимали участия в работе Директории.

Осенью британское и французское правительства выступали, по крайней мере с виду, за признание Директории в качестве законного правительства России.

Приблизительно в середине октября я получил телеграмму от Авксентьева, сообщавшего, что они ждут от меня вестей. Видимо, мои письма в Омск, так же, как и их ко мне, не доходили по адресу. С этой телеграммой я тут же отправился в посольство к Набокову и попросил разрешить мне направить посольским шифром мой ответ Авксентьеву.

Что произошло во время этой встречи, описано самим Набоковым в его книге "Испытания дипломата", откуда я и привожу цитату: "Английское правительство склонялось к официальному признанию Директории. Дабы облегчить сношения с этою первою серьезною организацией для борьбы с большевиками, приблизительно в середине октября 1918 года мне вновь было представлено право посылать шифрованные телеграммы в Омск и своим коллегам за границу. Керенский, имевший некоторые связи в министерстве иностранных дел, узнал об этом и немедленно обратился ко мне с требованием предоставить ему шифры для передачи его осведомительных телеграмм. В подкрепление своего требования он предъявил мне полученную от председателя Директории Авксентьева телеграмму, гласившую, что его осведомление "ожидается". Так как в письме ко мне министерства иностранных дел, извещавшем о разрешении посылать шифрованные телеграммы, было определенно указано, что разрешение это дается "как знак особого личного доверия ко мне" и что я буду пользоваться этим шифром только для передачи *моих* политических и деловых телеграмм, и ввиду того, что передача политического осведомления от безответственных лиц правительству путем посольского шифра противна элементарной дипломатической этике и притом практически вредна, порождая разногласия, — я отказал Керенскому в шифре. Беседа наша была весьма тягостною. Керенский, не вполне в то время понимая, что политическая роль его в России безвозвратно окончена, принял крайне резкий тон, ссылаясь на свою "силу", упрекал меня в "пособничестве козням англичан" и тому подобное. Он выказал, при этом, мало самообладания и много злобы.

Обо всем этом я тотчас же протелеграфировал Авксентьеву и вскоре получил ответ из Омска, что "Керенский находится в Лондоне в качестве частного лица", что никаких полномочий от "Союза Возрождения" ему не дано, и что мой отказ ему в шифре признается правильным. Копия этой телеграммы была мною передана Керенскому — около 25-го октября, — и с тех пор я с ним не встречался"*.

Набоков, с его точки зрения вполне обоснованно, лишь упоминает о второй нашей встрече, весьма, однако, продолжительной и памятной.

Указав на телеграмму, я спросил: "Скажите, что может означать эта фраза "отказ предоставить ему шифр обоснован"? Разве я просил вас дать мне шифр? Я лишь попросил вас отправить мое сообщение при помощи посольского шифра, а когда вы отказались это сделать, я сказал: "Уж если французский министр иностранных дел Пишон предложил мне отправить в Москву мои сообщения с помощью своего кода, то как же вы, глава русского посольства, можете отказаться сделать то же самое?" Вы ведь знаете, что я всего-навсего попросил вас отправить кодом мое сообщение главе Директории, и вы видели его телеграмму, посланную мне. Это, безусловно, доказывает, что я выполняю здесь миссию, возложенную на меня перед отъездом из России, а не изображаю из себя шарлатана". Набоков молчал. "И где подпись Авксен-

---

* Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 231—232.

тьева под телеграммой, которую вы мне показали?” — я протянул Набокову эту телеграмму, но он и тут промолчал. “Вы не отвечаете, потому что не хуже меня знаете: она отправлена без ведома главы правительства, с которым вы сейчас сотрудничаете. Вы не отвечаете, потому что не хуже меня знаете: такой прямой и честный человек, как Авксентьев, не послал бы такой телеграммы, и он не получил вашего первоначального текста. Как и я, вы понимаете, что этот недостоверный и неподписанный ответ означает одно: положение Авксентьева в возглавляемом им правительстве весьма шаткое, и адмирал Колчак уже в Омске. Но вместо того чтобы проявить обычную для наших отношений искренность, вы сделали вид, будто ответ поступил непосредственно от Авксентьева. Для нас обоих очевидны причины вашего поступка...” С этими словами я повернулся и вышел из комнаты.

Сразу же после этой последней встречи с Набоковым я отправил Авксентьеву письмо, в котором подробно описал подготовку к перевороту, которой занимался генерал Нокс. В конце я написал: “Я настаиваю на том, чтобы вы предприняли меры по разоблачению всех заговорщиков, ибо повторение корниловского дела забьет последний гвоздь в гроб России”*.

Случилось так, что через день или два после этой мучительной встречи с Набоковым ко мне, как обычно, когда ему случалось быть в Лондоне, зашел Альбер Тома.

Прервав наш разговор о текущих событиях, я неожиданно задал ему вопрос, ответа которому не мог найти, вопрос, который казался мне все более и более неразрешимым, особенно после моей ссоры с Набоковым. “Скажите, — спросил я, — какова цель интервенции союзников в России? Что за ней кроется?”

Тома несколько минут молча смотрел на меня, затем, явно нервничая, принялся шагать туда-обратно по комнате. Остановившись в конце концов передо мной, он после напряженной паузы произнес: “Alors, escoutez! Вы вправе знать, но только вы один”. Я заверил его, что все сказанное им останется между нами. Он снова уселся в кресло и стал говорить — четко, безо всякого выражения, отчего каждое слово звучало особенно убийственно... И только когда он кончил, я понял разгадку.

В конце 1917 года, через два месяца после большевистского переворота в Петрограде, представители французского и английского правительства (лорд Мильнер и лорд Роберт Сесиль, с английской стороны, и Клемансо, Фош и Пишон — с французской) заключили тайную конвенцию о разделе сфер действий в западных районах “бывшей Российской империи” с нерусским, в основном, населением. Согласно этой конвенции, сразу же после победы в войне балтийские провинции и прилегающие к ним острова, а также Кавказ и Закаспийская область войдут в английскую зону, а Франция получает такие же права на Украину и Крым**.

Такова была суть потрясшего меня рассказа Тома о намерениях союзников в отношении России. Слушая его, я внезапно вспомнил слова Клемансо. И тут я впервые в полной мере осознал, что еще до

---

* Копия этого письма находилась в моих парижских архивах и ее постигла в период немецкой оккупации та же участь, как и другие мои документы.

** Об этом соглашении позднее упоминалось в “Большой Советской Энциклопедии”. 1937. Т. 28. С. 641—642, а также в недавно опубликованной книге: Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961. P. 46.

Брест-Литовского договора, в период заключения перемирия между Германией и большевиками, союзники сочли себя абсолютно свободными от всяких обязательств перед Россией.

В 1914 году, когда началась война, Россия, Великобритания и Франция заключили официальное соглашение, что никто из них не подпишет сепаратного мира с Германией. Нарушив это соглашение, Россия предала своих союзников. Тем самым она поставила себя вне союза, который победил в войне без ее помощи.

Поскольку Россия пошла на сепаратный мир с общим врагом союзников, который капитулировал уже после выхода России из союза, все русские территории, отошедшие к Германии по Брест-Литовскому договору, должны по праву победителей считаться собственностью ее бывших союзников.

Сама Россия утрачивала право участвовать в мирной конференции, поскольку ее нельзя было отнести ни к разряду держав-победительниц, ни к "освобожденным" нациям.

Таким образом, предательство России, осуществленное Лениным и его приспешниками, позволило союзникам рассматривать Россию, по сути дела, как побежденную страну и использовать сложившуюся ситуацию в пользу своих планов изменения баланса сил после капитуляции Германии. Согласно этим планам, границы России отодвигались к границам допетровской Московии, а между нею и Западной Европой протянется цепочка из малых и средних государств, находящихся под влиянием держав-победительниц.

Точно такие же цели лежали и в основе союзнической интервенции на территории "бывшей Российской империи". Что касается западных провинций, упомянутых в Брест-Литовском договоре, то их союзные державы были готовы рассматривать и поддерживать как новые независимые государства, а в самой России они намеревались создать стабильное правительство, согласное принять продиктованные ему границы.

После брест-литовской капитуляции и заключения предательского сепаратного мира союзники России опубликовали официальное заявление о том, что они никогда не признают этого договора. Это заявление с ликованием было встречено всеми русскими, которые также отвергали соглашение. Ни у кого не было сомнений в намерениях союзников: все полагали, что после окончания войны договоры вместе с их последствиями как для России, так и для Запада будут аннулированы. Именно эта вера в неизбежный крах Брест-Литовского договора, которым руководствовались союзные державы и те силы в России, которые его не признавали, определяла деятельность Директории, созданной в Уфе ради содействия окончанию войны и совместной с союзными державами работе на мирной конференции по установлению нового мирового порядка.

Единственной целью моей поездки в Лондон и Париж и моих переговоров с английскими и французскими лидерами являлось стремление обеспечить истинной России ее законного места на мирной конференции или, говоря иначе, ускорить признание союзными державами нового национального правительства, без которого Россия не могла получить право участвовать в этой конференции. Однако западные державы постоянно откладывали признание Директории, пока ситуация стала абсолютно нетерпимой, особенно в свете моей беседы с Тома и в связи с явным приближением конца Центральных держав. Прибытие в Омск адмирала Колчака и генерала Нокса переполнило чашу моего терпения. Молчать более я не мог...

Вскоре после возвращения Тома в Париж я отправил ему статью, озаглавленную "Союзники и Россия", которую опубликовала весьма популярная вечерняя газета "L'Information". В ней, в частности, говорилось: "Война окончена. Представители победившей стороны уже собрались, чтобы выработать условия мира и продиктовать их Германии. На переговоры были совершенно справедливо приглашены представители будущих правительств и будущих государств. Однако где же Россия? Почему не слышен голос России?"

Почему никто не представляет ее интересов на конференции союзных держав? Почему даже имени ее не упоминается наряду с другими союзниками? Российский флаг, окрапленный кровью тех, кто сражался за нашу общую свободу, не развевается рядом с флагами других союзных стран. Почему? Потому ли, что Россия — нейтральная страна, заключившая мир с нашими врагами, как сказал мне Клемансо 15 июля 1918 года*... Должна ли такая точка зрения определять отношение союзников к России? Россия заключила мир с врагом и теперь (по мнению союзников) должна испытать на себе последствия такого акта, включая право победившей стороны распоряжаться по своему усмотрению ее территорией без учета ее мнения.

Трагическое непонимание между Россией и ее союзниками набирает силу. Оно чрезвычайно тревожит всех русских людей. Оно может оказать самое серьезное воздействие на будущее Европы, на эффективность "мира во всем мире". Многие полагают, что Россия больше не существует, что нет России, которую можно считать великой державой. Нет, Россия была, есть и, что самое важное, будет существовать и впредь. Быть может, сегодня русским не хватает силы, но они хорошо знают, на что истрачены их силы. Они понимают, что они отданы борьбе за правду и справедливость. Русские понимают, что без вчерашних жертв не было бы сегодняшней победы. Совесть и здравый смысл подсказывают русскому народу, что в этой войне он выполнил свой долг.

С величайшей тревогой мы, русские, смотрим на свое ближайшее будущее. Такой тревоги мы не испытывали даже в разгар большевистского предательства, когда немцы пытались убедить нас, что с Россией покончено и вернулись времена древней Московии, принадлежавшей к Азии. Мы верили, что вступление Соединенных Штатов в войну обеспечит нашу победу. И мы думали, что час победы станет часом возрождения России... Еще не все упущено. Россия с нетерпением ожидает справедливости, ее народ считает, что он, как и другие народы, имеет право решать свою судьбу на мирной конференции. И даже опьянев от победы, вы не должны забывать о правах других народов".

В заключение статьи я призывал к признанию Директории в качестве законного правительства России и к приглашению на мирную конференцию русских представителей. Однако мой призыв к признанию Директории уже не имел смысла. Через четыре дня после опубликования первой части моей статьи, в ночь на 18 ноября были арестованы и высланы члены Директории, принадлежавшие к партии эсеров (Авксентьев, Аргунов, Зензинов и Роговский), и в тот же день адмирал Колчак был провозглашен "Верховным правителем" России.

---

* Фраза Клемансо "Друзья наших врагов — наши враги" была, несмотря на возражения Альбера Тома, опущена. Сама статья была помещена в двух номерах газеты (от 14 ноября и 7 декабря).

Переворот в Омске был совершен спустя неделю после окончательной капитуляции Центральных держав, которые 11 ноября подписали соглашение о прекращении военных действий. Эту неделю английское правительство могло бы использовать для того, чтобы удержать генерала Нокса от осуществления запланированного переворота и в конечном счете признать Директорию. Однако этого оно не сделало...

Мое убеждение, что английское правительство могло бы предотвратить свержение Директории, было позднее подкреплено официальным свидетельством военного министра в кабинете Ллойд Джорджа Уинстона Черчилля. Выступая 6 июня 1919 года в Палате общин, он заявил: "Колчака создали мы"*.

Однако и после замены Директории военной диктатурой одного лица никому и в голову не пришло признать ее в качестве законного правительства России.

Цель была достигнута: места для России не нашлось ни в Совете "десяти", ни на самой мирной конференции. И для этого приводилась подходящая мотивировка — в России не было правительства, получившего признание стран-победительниц. Моя миссия завершилась полным провалом.

Осуществление секретного англо-французского соглашения, достигнутого 22 декабря 1917 года, видимо, натолкнулось на серьезное препятствие в виде мирной программы президента Вильсона, которую он изложил в своем послании конгрессу 8 января 1918 года.

Главную преграду представлял шестой пункт этой программы, который предусматривал освобождение Германией всех оккупированных ею территорий и предоставление ей права "принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики".

Однако шестой пункт не помешал Англии и Франции осуществить их соглашение в части раздела бывшей Российской империи на сферы влияния. В декабре 1918 года в Одессе высадились французские войска, чтобы поддержать сепаратистскую украинскую Центральную Раду во главе с Петлюрой. Английские войска были введены по обе стороны Кавказских гор для оказания помощи местным независимым правительствам, возникшим в период германской оккупации**.

Тем временем в январе предполагалось открыть мирную конференцию и было крайне важно, чтобы "русский вопрос" был разрешен в присутствии президента Вильсона.

Измученные, исстрадавшиеся за долгие годы войны народы Европы с нетерпением ожидали прибытия американского президента, возлагая на него огромные надежды. В их представлении он был всемогущим лидером, который, сформулировав свою программу из четырнадцати пунктов, сокрушил ратный дух германского народа и тем самым положил конец войне.

---

* См. приложение в конце главы.

** 30 декабря передовые части японского экспедиционного корпуса высадились на побережье Дальнего Востока, заняли Владивосток и начали продвижение вдоль Транссибирской железной дороги. Согласно франко-английскому соглашению предполагалось, что японцы возьмут эту дорогу под свою охрану, с тем чтобы обеспечить бесперебойную переброску союзных войск к западным границам России и открыть там фронт военных действий против Германии. Абсурдность и неосуществимость этого плана были очевидны для всех, в том числе и для японского командования. Японцы воспользовались временем для продвижения в глубь Сибири, стремясь присвоить территорию Дальнего Востока, что противоречило соглашению. И лишь в 1922 году под давлением правительства США они в конце концов освободили захваченные территории.

Его программа основывалась на демократических принципах и отражала его неприятие империалистических целей войны, полутора годами ранее продемонстрированное и Временным правительством.

"14 пунктов" призывали к открытому диалогу между победителями и побежденными и принятию условий мира. Они гарантировали установление нового международного порядка, основанного на принципе "право — это сила", а не "сила — это право". Они также требовали, чтобы все международные разногласия решались не средствами войны, а "на основе решений сообщества наций, которое следует создать в целях взаимной политической независимости и территориальной неприкосновенности при соблюдении равенства больших и малых стран".

Как известно, 4 октября 1918 года новый либеральный канцлер Германии принц Макс Баденский направил Верховному Совету союзников в Версале послание, в котором от имени Германии и Австро-Венгрии предлагал заключить перемирие и начать мирные переговоры на основе "14 пунктов" Вильсона. В ответ Ллойд Джордж потребовал вывода австро-германских войск со всех захваченных территорий, подчеркнув, что западные союзники заключат мир лишь с демократическим правительством. 5 ноября, после того как Центральные державы согласились с этими условиями, Верховный Совет торжественно сообщил, что союзники готовы начать мирные переговоры с Германией на основе "14 пунктов".

13 декабря в Европу наконец прибыл Вильсон. В Лондоне и Париже толпы радостных людей всех слоев общества приветствовали его как героя-победителя. Все были уверены, что отныне воцарится мир и что ужасная, опустошительная война была "война за ликвидацию войн". Охваченные энтузиазмом люди верили, что навсегда будут уничтожены последние следы традиционного абсолютизма. Ведь в конечном счете именно это обещание давали миллионам людей, отправляя их в окопы.

В день прибытия американского президента в Лондон я находился среди сотен тысяч встречавших его ликующих людей. То вовсе не была обычная толпа зевак, вышедшая на улицу поглазеть на коронованных особ и путешествующих знаменитостей. Это были люди, потрясенные всем тем, что им пришлось пережить за четыре года жизни в условиях войны, уверенные, что "такие войны" не должны повториться, и считавшие, что приехал тот единственный человек, который способен претворить их мечты в жизнь.

Такой всплеск энтузиазма не мог не тронуть, хотя я уже тогда понимал, что все лелеянные этими людьми надежды на преобразование мира будут безжалостно растоптаны. Ибо планы и намерения правящих кругов в Европе были слишком далеки от идеалистических целей программы "14 пунктов".

Приложение 1

Приход к власти Колчака*

Появление Колчака в Омске в середине октября 1918 года, когда в полном объеме развернулась деятельность Временного Всероссийского правительства (Директории), явилось полной неожиданностью. С конца июля 1917 года до момента своего прибытия в Омск он постоянно жил за границей.

---

* В основе этих кратких заметок о приходе к власти Колчака лежат показания самого адмирала, которые он дал в Иркутске большевикам, перед тем как они в ночь с 6 на 7 февраля 1920 года расстреляли его. Допрос Колчака. Л., 1925.

Колчака, как выдающегося флотоводца, прекрасно знали и в России, и за рубежом. Незадолго до падения монархии он был назначен командующим Черноморским флотом. Как и большинство высших флотских офицеров, он вначале поддержал переворот. У него всегда были очень хорошие отношения с личным составом флота, и после переворота он охотно сотрудничал с Центральным комитетом Черноморского флота и гарнизоном Севастополя. Однако по характеру своему Колчак был нетерпелив, капризен и легко поддавался влиянию.

Его первый устный доклад Временному правительству по прибытии 20 апреля в Петроград был весьма оптимистичным. Однако вскоре, в начале мая, у него возник первый конфликт с командованием военно-морских сил, и для восстановления мира, как было сформулировано, между адмиралом и Центральным комитетом я вынужден был отправиться в Севастополь. В июне произошло новое расхождение во взглядах, на этот раз более серьезное. В состоянии крайнего раздражения адмирал отказался от своего поста и в сопровождении своего начальника штаба Смирнова выехал из Севастополя. В поезде по дороге в Петроград он оказался вместе с американским адмиралом Гленноном, который позже предложил ему отправиться в Соединенные Штаты в качестве инструктора по минному делу и современным методам борьбы с подводными лодками. Адмирал Колчак принял это предложение.

Хотя ранее Колчак никогда политикой не занимался, его вскоре включили в подпольный "Республиканский центр" (см. гл. 21) и на той стадии он даже считался возможным кандидатом на высший пост в планировавшейся диктатуре. Между тем Временное правительство получило от правительства США официальную просьбу командировать Колчака в Америку для работы в штабе главнокомандующего военно-морскими силами США. Согласие было дано, и в конце июня он отправился в Вашингтон, сделав по дороге остановку в Лондоне. Однако надеждам адмирала не суждено было сбыться. Когда он прибыл в Вашингтон, выяснилось, что работы для него нет. В начале 1918 года, на этот раз без разрешения Временного правительства, он поступил на службу в военно-морские силы Англии и был направлен в Сингапур, где поступил в распоряжение главнокомандующего Тихоокеанским флотом.

В марте он получил от британского руководства в Лондоне телеграмму с предписанием немедленно отправиться в Пекин и встретиться там с русским посланником князем Кудашевым.

В конце марта или в начале апреля он встретился в Пекине с казачьим атаманом Г. М. Семеновым, а затем отправился в Харбин, откуда выехал в Читу в расположение войск Семенова. Однако выяснив, что Семенов тесно сотрудничает с японским Генеральным штабом, Колчак немедленно разорвал с ним отношения. Он возвратился в Харбин, а оттуда 8 июля выехал в Токио. Действуя в соответствии с соглашением, заключенным с англичанами и французами в декабре 1917 года, японцы захватили Владивосток, а затем взяли под свой контроль большую часть российского Дальнего Востока.

Как только японские войска были выведены с этих территорий, адмирал отправился во Владивосток вместе с английским генералом Ноксом, который ранее попал в поле зрения общественности в связи с корниловским делом. Согласно заявлению самого Колчака, он передал Ноксу свою записку о создании режима сильной власти.

Следующий шаг в этой игре был связан с приездом во Владивосток чешского генерала Гайды, с которым и состоялось дальнейшее обсуждение вопроса о создании диктатуры в Сибири.

В Омск Колчак и Нокс приехали в середине октября вскоре после прибытия туда Директории. Через несколько недель адмирал встретился с представителями генерала Деникина, которые специально для этого приехали в Омск. Позднее Колчак через посредство генерала Лебедева, приехавшего из Екатеринодара, вступил с Деникиным в переписку.

По настоянию Сибирского правительства и с согласия члена Директории генерала Болдырева Колчак был назначен военным министром. 7 ноября он выехал на фронт и возвратился в Омск 16 ноября. В ночь с 18 на 19 ноября был совершен переворот, в результате которого несколько членов Директории были арестованы, остальные были вынуждены уйти в отставку, и в тот же день адмирал Колчак был провозглашен "Верховным правителем" России.

Те, кто стоял во главе переворота — казачьи полковники Волков, Красильников и Катанаев, — немедленно доложили о совершенном перевороте адмиралу, конечно же бывшему в курсе дела, и были немедленно арестованы и отданы под суд, который 21 ноября оправдал их. Арестованные члены Директории — ее председатель Авксентьев, его заместитель Аргунов, заместитель Чайковского Зензинов и шеф полиции Роговский — все четверо из правого крыла партии эсеров, были позднее депортированы через территорию Китая.

ВЕРСАЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ОСТРАКИЗМ РОССИИ

После поездки летом 1919 года в Париж для переговоров с Клемансо я до весны 1920 года жил в Англии, то в Лондоне, то в провинции. Когда началась мирная конференция, я снова, по просьбе членов свергнутой Директории, отправился в Париж. Депортированные в результате колчаковского переворота из Омска, они через Китай и Соединенные Штаты оказались в конце концов в Париже.

В то время самым влиятельным государственным деятелем в Европе считался Ллойд Джордж, а центром политической жизни — Лондон. Мое положение в Англии было несколько двусмысленным. Официально я являлся частным лицом, не имевшим никаких формальных отношений с британскими властями, на деле же я в глазах большинства населения оставался представителем свободной и демократической России. Я был в дружеских отношениях с некоторыми в высшей степени осведомленными государственными и политическими деятелями союзных стран. Никак не сказались на отношении ко мне либерально настроенных европейцев и многих моих соотечественников ни негативное отношение полуофициальной прессы в Англии и Франции к Февральской революции, Временному правительству и ко мне самому в особенности, ни нападки на меня эмигрантских сторонников белых диктатур.

Именно от своих компатриотов узнал я немало интересного. Судя по всему, где-то в начале декабря 1918 года из Москвы в Лондон для политического зондирования неофициально прибыли большевистские эмиссары. Видимо, в Кремле стало известно о разногласиях внутри английского кабинета по вопросу о политическом курсе в отношении России, а также о том, что ни Ллойд Джордж, ни его помощники не проявляли, мягко выражаясь, симпатии к стремлению Нортклиффа установить в России военную диктатуру. Эти русские эмиссары получили указание попытаться войти в контакт с Ллойд Джорджем, в случае неудачи — с его помощниками. В любом варианте они должны были убедить своих собеседников, что хорошие отношения с "единственно законным правительством в России" вполне возможны, что Россия абсолютно не заинтересована в мировой революции, а более всего надеется на немедленное восстановление прежних союзнических отношений, особенно с Англией. Им также надлежало обратиться с просьбой об оказании английской помощи в целях восстановления разоренной войной экономики России. Несколько позднее оба эти эмиссара, "только что из Москвы", встретились со мной и подтвердили слухи, ходившие вокруг них.

За стремлением Ллойда Джорджа определить отношения с экономически и политически разваленной Россией до начала мирной конференции с Германией скрывались определенные расчеты. Нет сомнений, однако, и в том, что он не остался глух к заигрываниям со стороны большевиков, которые действительно нуждались в поддержке других стран. Это в полной мере проявилось в первые дни предварительных заседаний Совета "десяти", когда обсуждалась проблема России.

Позднее из беседы с Бернардом Барухом, который нередко выполнял личные поручения президента Соединенных Штатов, я узнал, что такие же маневры большевистский режим предпринимал в отношении Белого дома. Оба эти факта имеют определенное историческое значение и непосредственно связаны с тайной поездкой Уильяма Буллита в Россию в начале весны 1919 года.

Как я уже упоминал, судьба России раз и навсегда была определена Верховным Советом Антанты ("Большой пятеркой")* еще до начала мирной конференции, и когда наконец прибыла объединенная делегация деникинского и колчаковского правительств, ее не допустили в зал заседаний. Не были приняты делегаты ни самим Советом, ни отдельными его членами.

Россия оказалась в парадоксальном, не имевшем прецедента в истории положении.

Она не была упомянута в перечне участников конференции на том простом основании, что не относилась к победившей стороне, ибо война завершилась уже после того, как Россия стала "нейтральной страной, заключившей мир с врагом".

А поскольку бывшие союзники России не одержали над ней победы в войне, то упоминания ее не было и в перечне побежденных. А ведь на деле: если бы не Россия, союзникам бы вовсе никогда не одержать ее.

Союзные нации, правившие тогда всем миром, намеревались таким путем исключить Россию из состава великих держав, отбросить ее к границам допетровской России и изолировать от Европы цепочкой небольших независимых стран.

Конечно же воспрепятствовать участию России в мирной конференции не составляло особого труда, но абсолютно невозможно было игнорировать ее, предпринимая попытки изменить баланс сил в Европе и Азии. Законное кресло России оказалось пустым, но сама она незримо присутствовала в зале заседаний.

На следующий день, после принятия решения о недопущении к работе конференции русской делегации, "Большая пятерка" продолжила обсуждение "русского вопроса".

"Россия — огромная страна, занимающая часть Восточной Европы и значительные пространства в Азии, — заявил Ллойд Джордж, — и теперь, когда мы определили ее судьбу, мы должны найти правительство, которое согласится с нашим решением".

Потребовалось несколько дней жарких дебатов, прежде чем было решено, к какому правительству обратиться. Некоторые из ораторов, включая самого Ллойда Джорджа, склонялись к необходимости идти на соглашение с Москвой, другие, как, например, Клемансо, и слышать об этом не желали, настаивая на переговорах с Колчаком и Деникиным. В конце концов 22 января, когда страсти поутихли, был достигнут компромисс: все правительства де-факто на территориях, ранее входивших в состав Российской империи, будут приглашены для встречи на Принцевых островах для выработки необходимого соглашения. Нет смысла говорить, что идея созыва примирительной встречи в разгар жесточайшей гражданской войны была психологически неприемлема и политически нереальна.

---

* В Верховный Совет Антанты, известный как "Большая десятка", а позднее как "Большая пятерка" входили президент Вильсон и премьер-министры и министры иностранных дел главных держав (США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) — Вильсон и Лансинг, Ллойд Джордж и Бальфур, Клемансо и Пишон, Орландо и Соннино, Сайондзи и Макино.

Именно эту точку зрения я и высказал на встрече в лондонском Реформ-клубе, отвечая на вопрос, почему антибольшевистская Россия (не только "белые" генералы, а все демократически мыслящие люди в стране) отказалась принять "абсолютно беспристрастное решение "Большой пятерки", а Москва с готовностью пошла на это, продемонстрировав тем самым свое желание как можно скорее восстановить мир в России.

Вскоре, однако, стало известно, что Москва пошла на это при обязательном условии, что все англо-французские и другие союзные войска будут выведены до открытия примирительной конференции с территорий, которые они оккупировали. Такое условие было абсолютно неприемлемо для "Большой пятерки", а потому планы созыва такой конференции были аннулированы.

На следующий день после этого государственный секретарь США Лансинг направил в Москву Уильяма Буллита* для ведения тайных переговоров с Лениным.

Цель его миссии состояла в том, чтобы определить, возможно ли достижение соглашения между Ллойд Джорджем и президентом Вильсоном, с одной стороны, и советским правительством — с другой, которое приведет к *modus vivendi*.

Буллит возвратился в середине марта с хорошими новостями для тех, кто ратовал за прямые переговоры с Советами. По крайней мере, так мне об этом рассказывали посвященные в обстоятельства дела люди, что, вероятно, соответствовало истине. Однако поездка Буллита вызвала бурю в Верховном Совете и в конечном счете обернулась ничем. Причина заключалась в том, что за месяц, пока Буллит сновал между Парижем, Москвой и Вашингтоном, события развивались с такой невероятной быстротой, что ни о какой возможности переговоров с Советами уже не могло быть и речи.

Именно в этот период заигрывания Запада с Советами неожиданно появился Коммунистический Интернационал (Коминтерн), который 2 марта 1919 года выступил с отчаянным обращением ко всем рабочим и демобилизованным солдатам Европы дать отпор "империалистическим поджигателям войны" в лице их правительств.

А факт вторжения Красной Армии в пределы Украины на фоне провала интервенции Франции в поддержку украинского сепаратистского движения во главе с Петлюрой не оставил сомнений в том, что большевики вовсе не намерены считать свою революцию событием "местного значения" и придерживаться статей Брест-Литовского мира.

К концу мая 1919 года вся Украина оказалась в руках большевиков.

Провал французской интервенции объяснялся не тактическими ошибками французского Верховного командования, а существенными изменениями в образе мышления англичан и французов.

Общественное мнение Франции было поглощено только внутренними проблемами; миллионы уставших от войны демобилизованных солдат с головой отдались жизни "на гражданке", не проявляя ни малейшего желания снова воевать где-то за границей во имя далеких и чуждых им идеалов.

Еще сильнее были такие настроения в Англии. Все труднее стало находить добровольцев для британских экспедиционных войск, разбросанных в то время по всему свету — от Черного моря до центральной Азии. Была даже предпринята, правда неудачная, попытка заменить английские войска в Грузии итальянскими.

---

* Позднее, после восстановления советско-американских дипломатических отношений, Буллит стал первым послом США в Москве.

Я узнал об этом от Франческо Нитти, занимавшего пост премьер-министра Италии с 19 июня 1919 года по 9 июня 1920 года. После прихода к власти Муссолини он покинул Италию и поселился в Париже, где я с ним и познакомился. Остроумный и проницательный, он был вместе с тем весьма циничным политиком и дипломатом классической итальянской школы.

Как-то во время беседы речь зашла о Муссолини. К моему удивлению, хотя о Дуче он говорил с известной долей иронии, позволив себе немало шуток в его адрес, в его замечаниях не было и следа недоброжелательности. Я поинтересовался, почему он все же покинул Италию, сохранив веру в Муссолини. Он ответил, что был для Дуче *persona non grata*, и поведал вот такую историю: весной 1919 года Ллойд Джордж предложил Орlando и Соннино, представителям Италии на мирной конференции, заменить британские войска, оккупировавшие Грузию, итальянскими, а также ввести их в Крым. Предложение было принято. Итальянцы занялись лихорадочной деятельностью по подготовке и отправке экспедиционных войск в составе двух дивизий. Однако тем временем в отношениях между президентом Вильсоном и итальянскими представителями произошло резкое ухудшение, приведшее после бурной сцены в "Совете пяти" к полному разрыву. Орlando и Соннино в ярости уехали в Рим, и весь итальянский кабинет вышел в отставку. Их место заняли Нитти и его министр иностранных дел Титтони, которые немедленно отменили все приготовления к безответственной аванюре. "Муссолини и его друзья никогда не могли простить мне отказа выполнить этот план", — сказал в заключение Нитти.

Отправка войск на бывшие русские территории привела лишь к усилению эффективности коммунистической пропаганды среди демобилизованных солдат и рабочих Запада.

Что можно было сделать? Очевидно, что покончить с воинствующим коммунизмом можно было, лишь нанеся поражение его колыбели — Москве. Для этого следовало иметь в России антикоммунистическое правительство, которое действовало бы рука об руку с союзниками и получило бы их признание.

Давление на союзников возросло после того, как в начале мая германской делегации в Париже был вручен первый проект мирного договора с Германией. Вполне понятно, что державы "Большой пятерки" хотели разрешить русский вопрос до подписания этого договора и разрешить его в соответствии со своими международными планами.

В конце концов после очевидного успеха наступления колчаковской армии на Москву весной 1919 года "Большая пятерка" признала правительство Колчака.

23 мая "Большая пятерка" единогласно утвердила текст ноты Колчаку* с изложением условий признания его правительства, которая тремя днями позднее была доставлена в Омск.

Ответ адмирала Колчака прибыл в Париж 4 июня.

Оба документа имеют чрезвычайно важное историческое значение, хотя в то время лишь немногие знали об их существовании, а потом они оказались и вовсе забытыми.

Условия, содержащиеся в ноте "Большой пятерки", определяли внутреннюю политику правительства Колчака и характер отношений, которые оно должно установить со вновь возникшими государствами на территории бывшей Российской империи.

Нота требовала от Колчака немедленно, по занятии Москвы, провести на основе всеобщего и тайного голосования выборы в Учредитель-

---

* См. приложение № 1 к этой главе.

ное собрание. Если это не удастся, следует возродить тот состав Учредительного собрания, который был избран в 1917 году. Во всех районах, занятых к тому времени войсками Колчака, надлежит восстановить демократические формы правления.

Колчак согласился со всеми пунктами касательно внутренней политики за исключением того, который предписал выборы в Учредительное собрание, подчеркнув, что он уже ранее принял решение провести выборы тотчас же после уничтожения большевистской диктатуры, а также о том, что отныне и навсегда Россия будет только демократией.

Короче говоря, его взгляды на проблемы внутренней политики, судя по всему, находились в полном согласии с точкой зрения "Большой пятерки" и в столь же полном несогласии с убеждениями его подданных.

В ноте далее высказывалось требование о предоставлении независимости Финляндии и Польше, о скорейшем урегулировании отношений России с Эстонией, Латвией, Литвой, а также с кавказскими и закаспийскими территориями, и отмечалось, что все разногласия по этим вопросам должны подлежать арбитражу Лиги Наций.

Полнейшей неожиданностью явилось для меня согласие Вильсона с требованием, чтобы Колчак отказался от западных территорий бывшей Российской империи, поскольку это требование находилось в вопиющем противоречии с истинным смыслом 6-го пункта мирной программы президента. На мой взгляд, он совершил грубую ошибку, поддавшись давлению других членов "Большой пятерки", каждый из которых, в отличие от президента, был замешан в секретных соглашениях.

Это условие появилось на свет в тот момент, когда из-за отказа большевиков пойти на расчленение России были прекращены Брест-Литовские переговоры.

В тот период пункт 6 звучал определенно и однозначно. Он рассматривал Россию как единое целое, такой, какой она была на момент захвата власти большевиками, за исключением Польши, независимость которой в полном соответствии с волей общественности России была провозглашена Временным правительством. Независимость Польши была также признана странами Антанты и Соединенными Штатами и поэтому вопрос о Польше президент Вильсон рассматривал отдельно, в пункте 13-м.

Лишь много лет спустя, ознакомившись с комментариями к пункту 6, составленными по просьбе президента в сентябре 1918 года, я в полной мере осознал, что пункт 13, по существу, подразумевал признание всех территорий, отторгнутых от России в результате Брест-Литовского соглашения.

Таким образом, своим комментарием президент Вильсон заложил под англо-французское соглашение полностью демократическое основание — право народов на самоопределение — и тем самым, быть может, не желая того, оправдывал территориальные притязания германских экстремистов в Брест-Литовске. По сути дела, немцы скрупулезно осуществляли именно ту программу, которая навязывалась Колчаку в обмен на его признание.

В своем ответе на ноту "Большой пятерки" Колчак признал независимость Польши, которую ранее уже провозгласило Временное правительство. Для решения всех других вопросов он соглашался на арбитраж Лиги Наций, однако подчеркивал:

"Российское правительство полагает, однако, что окончательное одобрение любых решений, сделанных от имени России, будет вынесено Учредительным собранием. Ни сегодня, ни в будущем Россия не может быть ничем иным, кроме демократического государства, в котором все вопросы, касающиеся территориальных границ и внешних отношений,

должны подлежать утверждению представительного учреждения, как естественное выражение суверенитета народа”.

Следует признать, что в ответе Колчака не содержалось положений, неприемлемых для западных держав; не было в нем ни малейшего намека и на ”русский империализм” или на желание восстановить прежнюю централизованную власть. Единственная оговорка, которую сделал Колчак, сводилась к тому, что окончательное решение всех территориальных проблем, касающихся России, должно быть утверждено свободным волеизъявлением народа, и с демократической точки зрения эта оговорка была полностью обоснованной.

Тем не менее предстоящие переговоры между правительством России и новыми государствами при участии Лиги Наций не представляли в тот период интереса для ”Большой пятерки”. Единственное, что им требовалось, это признание Колчаком новых государств и его согласие не вмешиваться в прямые отношения между державами ”Большой пятерки” и возникшими де-факто правительствами этих стран. Таких обязательств взято не было.

На письмо Колчака последовал краткий ответ. В нем говорилось, что ”Совет пяти” приветствует тональность его послания, в котором, по мнению Совета, ”выражено глубокое стремление к свободе, самостоятельности и миру для русского народа”.

При помощи этой изящной дипломатической формулировки была сразу же ”решена” проблема признания Колчака в качестве законного правителя России.

Очевидно, что к власти Колчак пришел не без помощи бывших российских союзников, но он ни в коем случае не был их наймитом, что бы о нем не говорили большевики. Он был истинным патриотом России, который твердо верил, что может возродить былую мощь отечества. Исходя из этого убеждения, он и отказался подписаться под требованиями ”Большой пятерки”, расстроив тем самым их планы расчленения России.

МИР, СТАВШИЙ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ВОЙНЫ

Вскоре после моего приезда на Запад в 1918 году я убедился, что и руководители западной демократии, и рядовые граждане, и даже социалисты слишком упрощенно понимают суть большевистской революции. Они были уверены и даже старались убедить и меня в этом, что то крушение демократической системы, которое произошло в России, на Западе произойти никогда не может. Они рассматривали беспрецедентную российскую катастрофу как ”событие сугубо местного значения”, которое стало логическим следствием истории русского народа, никогда не знавшего свободы и даже не понимавшего ее сути.

До сих пор помню разговор, который состоялся у меня во время приезда в Берлин в 1923 году с хорошо известным экономистом Гильфердингом*. Речь зашла о русской революции, и, послушав меня несколько минут, Гильфердинг неожиданно воскликнул: ”Но как же могло случиться, что вы потеряли власть, держа ее в своих руках? Здесь такое невозможно!” Видимо, почувствовав бестактность своих слов и не желая обидеть меня, он тут же примирительным тоном добавил: ”Но так или иначе, а русские неспособны жить в условиях свободы”.

Одиннадцатью годами позже он оказался в Париже на положении эмигранта, ничуть не лучшем, чем у меня. И тогда из уст видного

---

* Известный руководитель германских социал-демократов и член Веймарского правительства.

французского социалиста ему пришлось услышать в моем присутствии те же самые слова, на сей раз относившиеся к немцам.

Такого рода соперничество показалось мне детской забавой. Я хорошо знал подлинную историю России и подлинные факты восхождения к власти Ленина, и на моих глазах процесс политического и морального разложения, поразивший нашу страну, начал распространяться по всей Западной Европе.

Никто на Западе не имел достоверных сведений о том, что происходило в России после Октябрьского переворота. Однако доходившая из Москвы циничная и абсолютно лживая пропаганда, вызывая страх в правящих кругах Запада, производила магическое воздействие на рядовых граждан, к ней жадно прислушивались солдаты, рабочие, крестьяне, а также левые социалисты и представители радикальной интеллигенции. Им хотелось верить этой пропаганде, ибо они жаждали позабыть прошлое. Они тянулись к ней, потому что что-то похожее сулили им их собственные правительства в 1914 году, и теперь они поняли, что в их странах никаких существенных социальных перемен не предвидится.

Конечно же оптимисты тут же нашли весьма простое объяснение этим зловещим симптомам начавшегося духовного разложения: после всякой длительной и опустошительной войны люди не сразу возвращаются к будням мирной жизни, а переходный период всегда сопровождается политическими и социальными потрясениями.

Однако я не мог разделять столь оптимистического отношения к последствиям войны, в которой приняло участие все взрослое мужское население, войны, в которой погибли миллионы людей, а миллионы других были выбиты из привычной колеи и превратились в бездомных бродяг, войны, прецедента которой, по сути дела, не было в мировой истории.

В подтверждение предсказаний военных стратегов и ученых, сделанных еще в 90-е годы, первая мировая война была не войной между армиями, а войной между народами, вызвавшей социальные, политические и психологические опустошения во всех воюющих странах. Мирная конференция начала свою работу тогда, когда пришел конец прежним представлениям о жизни, прежним социальным и политическим структурам. Однако главы стран-победительниц не заметили этих процессов, а всемогущая "тройка" на конференции не обратила никакого внимания на сигналы бедствия. Опьяненные победой, президент Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо стали бесстрашно перекраивать политическую карту Европы и менять облик всего восточного полушария без учета истории и образа жизни разных народов.

После произошедшей в октябре 1917 года катастрофы в России в правящих кругах Британской Империи нашелся всего один-единственный человек, который понял, что произошли существенные изменения в балансе сил двух коалиций и ушли в прошлое времена заключенных еще до войны тайных соглашений и пактов.

Об этом человеке я узнал совершенно случайно из разговора с Д. В. Соскисом* после возвращения в Лондон из Парижа, где я вел перегово-

---

* В 80-е и 90-е годы Д. В. Соскис принимал участие в русском революционном движении. Находясь в политической эмиграции в Лондоне, он сотрудничал с газетами "Обсервер" и "Манчестер гардиан". Я встречался с ним в России до 1914 года. В 1917 году он стал работать в моем личном секретариате и готовил обзоры английской печати. Всю свою жизнь я поддерживал самые дружеские отношения с ним и его сыном, сэром Франком Соскисом, который был влиятельным членом лейбористской партии при Эттли.

ры с Клемансо. Соскис рассказал, что в Лондон приехал владелец и издатель газеты "Манчестер гардиан" Скотт, который обратился к нему с просьбой договориться о его встрече со мной. Через два дня встреча состоялась при участии Соскиса в качестве переводчика. Скотт был решительным противником послевоенной политики наших бывших союзников.

Когда я упомянул о причинах своего пребывания в Лондоне, Скотт сказал спокойно: "У вашей миссии нет шансов на успех. Как раз сейчас правительство Ллойд Джорджа обсуждает политику в отношении России, но при этом никто даже не называет ее союзником западных держав". По его мнению, сверхимпериалистический план перекройки политической карты неосуществим, и он отослал меня к "Открытому письму" лорда Лэнсдауна, опубликованному в "Дейли телеграф" 29 ноября 1917 года. Понятно, что я и не слышал о существовании этого письма, и Скотт обещал переслать его мне. Прежде чем достигнуть преклонных лет, лорд Лэнсдаун, начав карьеру еще при Гладстоне, занимал посты во многих английских кабинетах. Будучи крупным специалистом по истории Европы тех пятидесяти лет, которые предшествовали первой мировой войне, он понимал, что мирные планы тройственного Союза оторваны от действительности и что первоочередная задача — восстановление Западной Европы, включая Германию и Австро-Венгрию. Он полагал, что мир в Европе должен опираться на здоровую политическую и экономическую систему, созданную объединенными усилиями всей Европы. "...Почетное завершение войны было бы великим достижением, — писал он. — Но еще более великим достижением было бы предотвращение повторения такого же проклятия при жизни наших детей. Это наша главная цель. *Ибо, если нынешняя война была самой ужасной в истории человечества, то можно не сомневаться, что следующая станет еще более ужасной. Проституированию науки в целях простого разрушения вряд ли в ближайшее время будет положен конец...*" (курсив мой).

Скотт был прав, назвав письмо лорда Лэнсдауна "пророческим". Однако на его предупреждение не обратил ни малейшего внимания никто из тех, от кого зависит мировая политика.

В декабре 1917 года Россию исключили из Европейского совета. Затем победители лишили всех прав Германию. Теперь, после открытия Парижской мирной конференции, потеряли силу знаменитые 14 пунктов Вильсона. Судьба Германии была решена, хотя самих немцев к переговорам не допустили. Мирный "диктат", разработанный в различных комиссиях союзников-победителей и утвержденный "Советом пяти", явился несколько размытой версией мирного договора, подписанного представителями Ленина в Брест-Литовске.

Договор был представлен германской делегации 7 мая. Несколькими днями позже граф Брокдорф-Ранцау, соавтор "генерального плана" Парвуса, направленного на разрушение России, отказался подписать мирный договор, заявив, что он не только противоречит условиям, на которых Германия прекратила военные действия, но что этим договором союзники "предлагают нам самоубийство".

В своей блестящей книге о первой мировой войне "Перед бурей" Уинстон Черчилль оспаривает утверждение, будто война 1939—1945 годов была "бессмысленной", однако соглашается, что после Версальского мирного договора она была неизбежной. Государственный секретарь при президенте Вильсоне Роберт Лансинг пишет в своих неопубликованных дневниках*:

---

* Дневники Роберта Лансинга хранятся в отделе рукописей Библиотеки конгресса США.

”5 мая 1919: Условия мира, на мой взгляд, неправомерны, поскольку они основываются на эгоистических желаниях, а не на справедливости... они, несомненно, породят новые войны и новые социальные потрясения.

7 мая 1919: Если я правильно понимаю состояние умов европейских государственных деятелей, собравшихся сейчас в Париже, то в договоре, который они хотят разработать, заложены семена будущих войн.

8 мая 1919: Условия мира безмерно жестоки и унижительны... У нас есть мирный договор, но он не принесет постоянного мира, ибо построен на зыбкой почве эгоизма.

19 мая 1919: По общему мнению, нынешний договор неразумен и бесплоден, он замешан на интригах и наглости и породит новые войны, вместо того чтобы предотвратить их”.

Мирный перерыв завершился, едва успев начаться. Распад старого мира, начавшийся в 1914 году, не только продолжался после заключения Версальского договора, но шел даже быстрее, чем прежде.

Нота Верховного совета Антанты адмиралу Колчаку

Париж, 26 мая 1919 г.

Союзные и объединившиеся державы чувствуют, что пришло время, когда необходимо для них привести, наконец, в ясность ту политику, которую они имеют в виду преследовать в отношении России. Невмешательство во внутренние дела России было всегда основной аксиомой союзных и объединившихся держав...

Некоторые из союзных и объединившихся правительств ныне определенно хотят вывести свои войска и не иметь в России дальнейших расходов на том основании, что продолжение интервенции не подает надежды на возможность скорого урегулирования положения. Они, однако, готовы продолжить свое содействие на условиях, изложенных ниже, при условии, что им удастся убедиться, что оно действительно поможет русскому народу приобрести свободу, самоуправление и мир.

Союзные и объединившиеся правительства ныне предлагают формально заявить, что задачей их политики является восстановление мира в России путем предоставления русскому народу возможности взять на себя управление своими собственными делами через посредство свободно избранного Учредительного собрания и восстановить мир на своих границах путем урегулирования споров, касающихся рубежей русского государства и его отношений со своими соседями, чрез мирное посредничество Лиги Наций... Они... расположены помочь правительству адмирала Колчака и тем, кто с ним объединился, амуницией, снабжением и припасами, чтобы дать им возможность укрепиться в качестве всероссийского правительства при условии, что они получают определенные гарантии, что их политика имеет те же цели, что и политика союзных и объединившихся держав.

В этих целях они хотели бы спросить у адмирала Колчака и у тех, кто с ним объединился, соглашаются ли они на нижеследующие условия, на которых они могли бы получать постоянную помощь от союзных и объединившихся держав.

Во-первых, на то, что как только они достигнут Москвы, они должны будут созвать Учредительное собрание, избранное на основе свободы, тайны и демократических принципов в качестве верховного законодателя России, перед которым правительство России должно быть ответственным, или, если к этому времени порядок не будет в достаточной мере восстановлен, они должны будут созвать избранное в 1917 году Учредительное собрание, пока не будут возможны новые выборы.

Во-вторых, что везде на территориях, где они осуществляют власть, они разрешат свободные и нормальные выборы во все свободные и законно составленные собрания, как, например, городские думы, земства и т. д.

В-третьих, что они не будут стремиться к восстановлению специальных привилегий в пользу какого-либо класса или организации... в России... Они желают быть уверенными, что те, которым они готовы теперь помочь, являются сторонниками гражданской и религиозной свободы всех русских граждан и что не будет сделано попыток восстановить разрушенный революцией режим.

В-четвертых, что независимость Финляндии и Польши будет признана и что в случае, если вопросы границ и иные вопросы между Россией и этими странами не будут урегулированы по соглашению, эти вопросы будут переданы на третейское разрешение Лиги Наций.

В-пятых, что разрешение вопроса о взаимоотношениях между Эстонией, Латвией, Литвой и кавказскими и закаспийскими территориями и Россией не будет достигнуто полюбовно, то разрешение это будет сделано с совета и при сотрудничестве с Лигой Наций, и что, пока такое разрешение делается, русское правительство согласно признать эти территории как автономные и подтвердить отношения, которые могли бы существовать между их правительствами *de facto* и союзными и объединенными правительствами.

В-шестых, что будет признано право мирной конференции определить судьбу румынской части Бессарабии.

В-седьмых, что, как только в России будет создано правительство на демократической базе, Россия присоединится к Лиге Наций и будет сотрудничать с другими членами в деле всемирного ограничения вооружений и военных организаций.

Наконец, что будет подтверждена декларация адмирала Колчака от 27 ноября 1918 года о русском государственном долге*.

Приложение № 2

Французский поверенный в Омске (де Мартель) — французскому министерству иностранных дел.

Омск, 4 июня 1919.

Адмирал Колчак просит передать г-ну Клемансо следующий ответ:

1. ...Моей первой мыслью после окончательного разгрома большевиков будет мысль об установлении даты выборов в Учредительное собрание...

...Правительство, однако, не считает себя вправе заменить неотъемлемое право на проведение свободных и законных выборов простым восстановлением собрания 1917 года, которое было избрано при режиме большевиков...

Только законно избранное Учредительное собрание, во имя чего и сделает все возможное мое правительство, имеет суверенное право решать проблемы Российского государства.

2. Мы с радостью готовы обсуждать любые вопросы...

Однако правительство России считает необходимым напомнить, что окончательное решение от имени России принадлежит Учредительному собранию. Россия ни сегодня, ни в будущем не может быть ничем иным, кроме как демократическим государством, в котором все вопросы, затрагивающие изменение территориальных границ и внешние отношения, должны утверждаться представительным органом, являющимся естественным выражением суверенитета народа.

---

* Ключников Ю., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 248—250. — Прим. ред.

3. Считает создание объединенного Польского государства одним из главных и справедливых итогов мировой войны... подтверждая независимость Польши, провозглашенную Временным правительством в 1917 году.

Окончательное решение вопроса о границах Польши должно быть отложено до созыва Учредительного собрания.

...Окончательное решение (для) Финляндии должно быть отложено до созыва Учредительного собрания.

4. Что касается Балтийских стран... то в отношении них будет предпринято скорейшее урегулирование, основанное на убеждении правительства, что вопросы автономии решаются в каждом отдельном случае...

Правительство готово установить отношение сотрудничества ...с Лигой Наций и пользоваться ее добрыми услугами...

5. Выше изложенные принципы, предусматривающие утверждение соглашения Учредительным собранием, распространяются на Бессарабию.

6. Русское правительство ...принимает на себя бремя национального долга России.

7. Что касается вопроса внутренней политики... то не может быть возврата к режиму, который существовал в России до февраля 1917 года. Временное решение, которое приняло мое правительство в отношении аграрного вопроса, имеет целью удовлетворить интересы огромных масс населения и исходит из убеждения, что Россия может быть сильной и процветающей лишь при условии, если миллионы русских крестьян получают все гарантии на владение землей. В отношении освобожденных территорий правительство не считает возможным чинить препятствия для проведения там свободных выборов в местные органы власти, городские управы и земства, рассматривает деятельность этих институтов, а также развитие принципа самоуправления как необходимые условия в деле переустройства страны и уже сегодня оказывает им всяческую помощь и содействие.

8. Стремясь... восстановить порядок и справедливость, обеспечивающие личную безопасность угнетенным слоям населения... подтверждает равенство перед законом всех слоев и всех граждан... независимо от происхождения или религии...

Колчак

Ответ Колчаку

Союзные и присоединившиеся державы... приветствуют тональность ответа, который, судя по всему, содержит необходимые условия свободы, самоуправления и мира народа России.

Приложение № 3

Официальный американский комментарий к 14 пунктам

Октябрь 1918.

VI. Эвакуация всей русской территории и такое урегулирование всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит самое полное и свободное сотрудничество других наций мира в предоставлении ей беспрепятственной и ничем не стесненной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и гарантирует ей радушный прием в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя выберет; но не только прием, а и всякую поддержку во всем,

в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России в грядущие месяцы со стороны сестер-наций послужит лучшей проверкой их доброй воли и понимания ими ее нужд, которые отличаются от собственных интересов этих наций, — проверкой их разумной и бескорыстной симпатии.

Первым возникает вопрос, является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежавшей прежней Российской империи. Ясно, что это не так, ибо пункт XIII обуславливает независимую Польшу, а это исключает территориальное восстановление империи. То, что признано правильным для поляков, несомненно придется признать правильным и для финнов, литовцев, латышей, а может быть, и для украинцев.

Это по меньшей мере означает признание мирной конференцией де-факто правительств, представляющих финнов, эстонцев, литовцев и украинцев. Этот первоначальный акт признания должен быть обусловлен созывом национальных собраний для создания правительств де-юре тотчас после того, как мирная конференция определит границы этих новых государств.

Необходимо также предусмотреть для Великороссии возможность федеративного объединения с этими государствами на тех же условиях.

Что же касается Великороссии и Сибири, то мирной конференции следовало бы обратиться с посланием, в котором предлагалось бы создать правительство, достаточно представительное, чтобы выступать от имени этих территорий. Должно быть ясно, что предлагается экономическое восстановление при условии, если на мирной конференции будет представлено правительство, облеченное достаточными полномочиями.

Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, по-видимому, сведется к следующему: 1. Признание временных правительств. 2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства. Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая бы позволила составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, то есть коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат управления на основе протектората.

Во всяком случае Брест-Литовский и Бухарестский договоры должны быть отменены как явно мошеннические. Необходимо предусмотреть условия для вывода всех германских войск из России, и тогда перед мирной конференцией будет лежать чистый лист бумаги, на котором можно будет начертать политику для всех народов бывшей Российской империи*.

---

* Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. IV. С. 151—153. — *Прим. ред.*

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДВУХ ЭПОХ

РАСПАД ЕВРОПЫ

Суровые суждения Роберта Лансинга о Версальском договоре опубликованы не были*. Однако к тем же выводам пришли многие из тех свидетелей, которым довелось близко наблюдать Версальскую трагедию и ее последствия. Я оказался одним из них**, когда в 1919 году приехал в Париж во время работы там мирной конференции. Более того, в 1920 году я переехал из Лондона на постоянное жительство в Париж, где у меня были широкие возможности встречаться с видными государственными и политическими деятелями и журналистами из многих стран. Вспоминая то, что видел, слышал и испытал в те годы, и сравнивая свои впечатления с выводами Лансинга, я не могу не отметить определенного сходства наших оценок мирного договора.

Лишь 28 июня 1919 года немцы в конце концов подписали Версальский договор, а уже к концу 1920 года коалиция держав, продиктовавшая условия мира, прекратила свое существование. В первую очередь из-за того, что Соединенные Штаты, занявшие в Антанте место России, так и не подписали этот договор.

Одной из основных причин отказа США подписать этот документ явилось условие Версальского договора, согласно которому Япония наследовала все бывшие германские острова в Тихом океане. У наиболее консервативных политиков и военных деятелей Соединенных Штатов вызывало раздражение то обстоятельство, что Япония превратилась в ведущую военную и военно-морскую державу в районе Тихого океана, поставившую под свой контроль океанские коммуникации между Соединенными Штатами и Китаем. Одновременно Соединенные Штаты отказались войти в Лигу Наций, хотя президент Вильсон и был ее инициатором.

На конференции военно-морских держав, которая проходила в Вашингтоне в 1922 году, Великобритания была вынуждена отказаться от пролонгации своего союза с Японией. Баланс сил, таким образом, изменился, неизбежность столкновения между Вашингтоном и Токио возникла именно в то время.

Изменилась ситуация и во Франции. Клемансо, который был кумиром французской нации во время войны, после победы стал объектом травли со стороны французских националистических кругов.

Франция рассчитывала получить от Германии левый берег Рейна. Однако президент Вильсон и Ллойд Джордж убедили "Старого тигра" отказаться от своего требования в обмен на гарантию англо-американской помощи на случай враждебных действий со стороны Германии. Однако после бурных дебатов в сенате Соединенных Штатов президент не смог добиться принятия этого пакта о гарантиях. В последующие годы я с болью в душе наблюдал за ростом недоверия, раздражения

---

* См. гл. 27.

** См. мою статью "Европа на ущербе", июнь—июль 1921 год. Впервые опубликована в "Воле России", затем в моей книге на русском языке "Издали". Париж, 1922.

и озлобления во Франции, а также за возрождением образа "коварного Альбиона" как главного и исконного врага Франции.

Из бесед со многими представителями французского и английского правительств, а также прессы я сделал вывод, что цели Франции и Англии в минувшей войне против Германии были совершенно разными и даже в корне противоречащими друг другу. Сражаясь с врагом, Англия и Франция еще сохраняли единство, однако после войны они оказались неспособны выработать общий план создания и поддержания мира в Европе.

До тех пор пока адмирал фон Тирпиц не создал могущественный военный флот Германии, Великобритания в своей европейской политике вполне удовлетворялась балансом сил, покоящимся на противоборстве между Тройственным союзом (Германия, Австрия, Италия) с Двойственным альянсом (Франция и Россия). Однако после создания германского флота ситуация изменилась коренным образом, соответственно изменилась и английская политика. Теперь цель Англии состояла в том, чтобы ликвидировать Германию как океанскую военно-морскую державу и помешать ее продвижению через Турцию и Багдад к Персидскому заливу.

В достижении этих целей Великобритания вполне преуспела. Продвижение Германии к Персидскому заливу было остановлено, угроза со стороны германского флота исчезла. По условиям Версальского мирного договора, германский линейный флот передавался Англии. Однако в ходе выполнения этих условий германский флот совершил акт самоубийства — линейные корабли оказались на дне залива Скапа-Флоу.

В отличие от Франции Англию ничуть не тревожило существование Германии, даже сильной Германии, но как исключительно континентальной державы. Германия рассматривалась даже как необходимое условие поддержания баланса сил в Европе.

Для Франции же, наоборот, сильная и со временем перевооружившаяся Германия представляла смертельную угрозу. В руководстве Франции стало преобладать чувство глубокой тревоги и ощущение неполноты победы. Надо было принимать новые меры во имя обеспечения безопасности страны. Ненависть к Германии, достигшая апогея после Седана, а также возникшие связи между Берлином и Москвой подталкивали французских государственных деятелей к созданию более надежных гарантий безопасности.

Французская делегация на Версальской конференции настаивала на максимуме военных уступок со стороны Германии, на унижительных "санкциях", на территориальных и экономических жертвах и даже на расчленении Германии.

Россия отныне была отодвинута от восточных границ Германии и отделена от нее цепочкой маленьких государств, созданных из осколков бывших Российской и Австро-Венгерской империй. Именно эти государства, особенно Польшу, Франция и стала рассматривать как буферные страны между Берлином и Москвой. Италия, южный сосед Франции, после прихода к власти Муссолини в 1922 году также разорвала свои связи с бывшими союзниками.

Таким образом, коалиция держав, продиктовавшая условия мирного договора, фактически распалась. Как и до 1914 года, Европа распалась и раскололась на два непримиримых лагеря. Вновь началась гонка вооружений. И хотя в 20-е и 30-е годы состоялись многочисленные конференции по разоружению, все они завершились ничем.

Странно было наблюдать, как те люди на Западе, которые находились у власти и определяли общественное мнение, глубоко верили в первые послевоенные годы, что Версальский мир станет служить основой новой и стабильной Европы. Столь же глубоко они верили в необходимость для консолидации послевоенной Европы "парализо-

вать” на 10—20 лет Россию. Они считали, что cordon sanitaire между Европой и Россией, на чем настаивал Клемансо, также поможет нарушить связи между Берлином и Москвой. Они полагали, что немецкий народ без всякого протеста и сопротивления примирится с навязанным ему зависимым положением.

В этом они жестоко просчитались.

10 апреля 1922 года в Генуе открылась международная конференция. На ней официально присутствовали Германия и Россия. На конференции предполагалось обсудить положение в России, общие экономические вопросы и проблему репараций. Одновременно между Германией и Россией велись переговоры по вопросам, представлявшим взаимный интерес. 16 апреля они подписали Рапалльский договор, в соответствии с которым обе страны становились союзниками и отвергали все требования репараций. После этого события Генуэзская конференция тянулась до 19 мая, когда она в конце концов прервалась, главным образом, из-за заключения Рапалльского договора и безоговорочного отказа России заплатить Франции свои довоенные долги.

Открыто объявив в Рапалло о своем тесном политическом сотрудничестве, представители Германии и Советской России обошли молчанием наиболее важный и значительный факт — факт их военного сотрудничества. Я случайно узнал об этом годом позже, будучи одним из издателей русской газеты “Дни”, временно публиковавшейся в Берлине. Как-то осенью 1923 года в редакцию зашли три немецких технических специалиста. Они только что вернулись из России, где работали неподалеку от Самары на Волге на заводе по производству газа и взрывчатых веществ. По их словам, этот завод, построенный германским военным министерством, получил от Советского правительства право экстерриториальности. Завод был сверхсекретным, доступ туда без разрешения германских властей был для всех закрыт. Поначалу мы отнеслись к их рассказу с известной долей скептицизма, но один из техников показал нам документ с официальной печатью, удостоверявший, что такой-то работник под страхом наказания за измену обязуется хранить в тайне, что работает в России, равно как и то, чем там занимается.

Позднее мы узнали, что Советское правительство предоставило Верховному командованию Германии подобное же право экстерриториальности, но на основе более широкой — концессии неподалеку от Липецка, города в Тамбовской губернии. Эта концессия предусматривала создание полигона для тяжелой артиллерии, аэродрома для тренировочных полетов и завода по производству бомбардировщиков и истребителей. Иными словами, все те типы вооружений, создание которых запрещалось Германии Версальским договором, теперь производились в небольших количествах на территории Советской России.

Как писал Лев Троцкий в своих статьях, опубликованных в газете “Нью-Йорк таймс” в дни бухаринского процесса 4 и 5 марта 1938 года, все эти факты держались в строжайшем секрете. В статье от 5 марта Троцкий проливает некоторый свет на это советско-германское военное сотрудничество: “Военный комиссариат, который я в то время возглавлял, в 1921 году разрабатывал планы реорганизации и перевооружения Красной Армии в связи с переходом от состояния войны к миру. Остро нуждаясь в усовершенствовании военной техники, мы могли тогда рассчитывать лишь на сотрудничество с Германией. В то же время рейхсвер, которому Версальский договор предписывал строжайший запрет на какие-либо усовершенствования, особенно в сфере тяжелой артиллерии, авиации и отравляющих веществ, естественно, стремился использовать

советскую военную промышленность в качестве своего полигона. Предоставление Германии концессий на территории Советской России началось еще в то время, когда я был полностью поглощен гражданской войной. Самыми важными концессиями, с точки зрения их потенциальных возможностей, а точнее, с точки зрения перспективы, были концессии, предоставленные авиаконцерну "Юнкерс". В связи с этой концессией в Советскую Россию приехало несколько немецких офицеров. В свою очередь несколько представителей Красной Армии побывали в Германии, где ознакомились с положением дел в рейхсвере и с германскими военными "секретами", которые были им любезно продемонстрированы. Конечно же вся эта работа велась под покровом секретности..."

В 1923 году меня пригласил к себе Эдуард Бернштейн, один из вождей социал-демократической партии Германии, а также первый подвергший ревизии марксистскую доктрину. В ходе беседы он сообщил мне, что занимается расследованием связей агентов германского правительства с ленинской группой большевиков. Он спросил, какими сведениями по этому вопросу располагало русское правительство, и я рассказал ему все, что знал.

Вся имевшаяся у нас информация относилась к Стокгольму и к деятельности германского посла Люциуса и его агентов. Однако, добавил я, у нас не было прямых данных о том, что происходило тогда в Берлине. Не знали мы и насколько далеко зашли связи между германским правительством и большевиками. В свою очередь Бернштейн поделился со мной всем, что ему удалось узнать по этому вопросу из секретных архивов разных министерств*. Далее Бернштейн сообщил, что не смог завершить свое расследование. За год до того он опубликовал свою первую статью о связях Ленина и Берлина. Сразу же после ее публикации его вызвал президент Эберт и в присутствии министра иностранных дел и других высших чиновников, а также представителей вооруженных сил предупредил его, что если он опубликует хоть еще одну статью по этому вопросу, то будет обвинен в измене.

Все эти военные приготовления сами по себе не привели бы ко второй мировой войне, если бы союзники, и в первую очередь Франция, не отказывались бы с таким завидным упорством пересмотреть или вовремя облегчить невыносимые условия "мира, который продолжил войну".

Неспособность найти выход из этого психологического тупика способствовала распространению ненависти и помогла, в конце концов, прийти к власти Гитлеру. Можно даже сказать, что Гитлер был порождением Версальского мирного договора.

В 1923 году, после того как французы оккупировали Рур, в разгар жесточайшего финансового кризиса, поразившего Германию в результате фантастических репараций, которые она выплачивала союзникам, Адольф Гитлер и генерал Эрих Людендорф предприняли попытку захватить власть в Баварии. Этот так называемый "пивной путч" в Мюнхене через три дня завершился провалом. Сам Гитлер был приговорен к пятилетнему тюремному заключению, однако через год был помилован и вышел из тюрьмы, написав там свою "Майн кампф". Ненависть к союзникам быстро набирала силу, и Гитлер вскоре пришел к убеждению, что сможет реализовать свою национал-социалистскую программу. В выступлении на своем судебном процессе в Лейпциге он в сжатой

---

* Некоторые из этих документов позднее были опубликованы.

форме так изложил эту программу: "Да, я использую все права гражданина, данные мне демократической Веймарской конституцией, для того, чтобы уничтожить демократию, которую ненавижу". Через 10 лет Гитлер стал рейхсканцлером.

Правящие круги на Западе понимали, что политическая структура в послевоенной Европе весьма нестабильна и искусственна. Одна за другой проводились конференции на высоком уровне по вопросам разоружения и репараций, однако толку от них не было. Да и не могло быть. Даже Аристид Бриан, один из самых пронизательных политиков того времени, не отважился посмотреть в лицо фактам и изменить ситуацию в пору существования Веймарской республики. Сегодня, спустя почти полвека после рождения Версальской Европы, излишне доказывать, что то был и впрямь мир, который продолжил войну. 20 лет, прошедшие после 1919 года, были не столько периодом прочного мира, сколько просто передышкой, перемирием.

Я не буду здесь касаться бесплодных попыток укрепить мир в Европе, которые являлись не более чем попытками избавиться от внешних симптомов тяжкого недуга! О последствиях Версаля можно написать отдельную книгу. Но нет никакой необходимости делать этого, ибо существует уже целая библиотека по этой теме.

Перед началом первой мировой войны лидеры западной демократии торжественно провозгласили, что война против германского империализма будет последней войной, которая положит конец войнам и с корнем вырвет все проявления абсолютизма. Согласно их тогдашним заверениям, после войны будет создан новый мир согласия, основанный на принципах демократии и равенства всех народов. Десятки миллионов людей с огромным воодушевлением восприняли слова своих политических лидеров. Они шли на фронт, в окопах и в тылу выносили испытания и лишения. А вернувшись домой после победы сил демократии, эти люди увидели, что все осталось, как было. Для многих из них оказалось невозможным примириться с вопиющим противоречием между обещаниями нового преобразенного мира, возвратом к грубой реальности старого мира. Для них это было психологической катастрофой. В условиях всеобщего разочарования развернулась борьба за умы и сердца людей между коммунизмом, с одной стороны, и фашизмом и нацизмом — с другой.

Демократические державы после победы стали с особым пылом настаивать на необходимости сохранить довоенный образ жизни и таким образом, в эпоху стремительных перемен все больше превращались в консервативную силу в Европе. Эта тогдашняя сверхконсервативность великих держав в немалой степени содействовала духовному сближению сталинизма и фашизма, отразивших во многом психологию послевоенного мира. Неожиданно прозревшую мирную Европу захлестнула волна безрассудства и безумия. Я понял, что источником силы этих новых доктрин, несмотря на различие целей, которые они ставили перед собой, была их общая ненависть к свободному человеку. Без сомнения, в психологии и коммунизма и фашизма было что-то, что импонировало тем, кто сражался на войне. Их вера была беспощадной, бессмысленность их цели — недостижимыми и утопичными, их воля — извращенной, а их творческая энергия обретала разрушительный характер.

А как же вера, духовность, воля и энтузиазм у демократий? Казалось, они исчезли бесследно. Они были поражены изнутри параличом воли, к тому же извне новые послевоенные демократии оказались под перекрестным огнем. Можно было провести параллель между тем, что происходило с демократическими партиями на Западе, особенно во

Франции, и положением демократических сил в России после Корниловского мятежа. Как в буржуазных, так и в социалистических партиях нарастал раскол. Часть этих партий на Западе обратила свои взоры к Москве, часть — к Риму и Берлину. Раскол достиг своего апогея после прихода к власти во Франции правительства Народного фронта. На парламентских выборах 1936 г., совпавших по времени с началом Гражданской войны в Испании, победу с помощью Французской коммунистической партии, руководимой Торезом и Кашеном, одержала Французская социалистическая партия Леона Блюма. Я предупредил Леона Блюма о возможных последствиях такого сотрудничества*.

И до наших дней западные демократы никак не могут осознать, что война 1914 года, которая разрушила устои нормальной жизни всех классов общества, одновременно вызвала к жизни не имевшие прецедента настроения, поразившие не столько аристократические и буржуазные слои общества, сколько рабочий и средний классы.

В самое трудное время Февральской революции и войны демократия в России также оказалась под перекрестным огнем: со стороны коммунистов и со стороны генералов, подстрекаемых капиталистическими тузами. Именно генералы получили поддержку союзников. И в Германии демократия тоже оказалась раздавленной в схватке коммунистов и нацистов. Столкновение коммунистов и фашистов привело к тем же результатам в Италии.

В начале второй мировой войны французы на какое-то время утратили способность к сопротивлению из-за глубокой внутренней веры в то, что лишь Сталин способен спасти их от нашествия гитлеровских полчищ. Однако не прошло и трех недель с нападения Германии на Польшу, как Сталин сбросил с себя маску защитника свободы и публично признал факт заключения советско-германского пакта, подписанного в его присутствии Молотовым и Риббентропом. С этого момента шовинистические круги во Франции открыто перешли на сторону Муссолини и Гитлера.

10 мая 1940 года Гитлер бросил в бой свои танковые дивизии под командованием генерала Гудериана, и 22 июня Франция была вынуждена подписать в Компьене соглашение о перемирии.

После капитуляции Франции вся континентальная Европа (за исключением Швеции и Швейцарии) оказалась под игмом гитлеровской диктатуры. Однако, несмотря на ошеломляющий молниеносный успех Гитлера, война была далека от завершения. Англия продолжала упорно сопротивляться, а за океаном застыла в ожидании грозная мощь Соединенных Штатов.

22 июня 1941 года гитлеровские армии вторглись в Россию, еще раз подтвердив внутреннюю противоестественность пакта, заключенного между Москвой и Берлином. В том же году 7 декабря Япония уничтожила в Пирл-Харборе значительную часть военного флота Соединенных Штатов. 8 декабря Соединенные Штаты официально вступили в войну.

Через четыре года Германия, Италия и Япония прекратили существование как политические и военные державы. Но и Западная Европа перестала быть центром управления миром. Судьбы мира оказались в руках нового всемогущего триумvirата. Еще до окончания войны этот триумvirат (Рузвельт, Сталин, Черчилль) выработал условия возмездия для побежденных, пришел к соглашению о переустройстве демократии, а также об установлении порядка и мира во всем мире. И действительно,

---

* Я поспешил тогда же опубликовать свою книгу *L'Expérience Kerenski*. Paris, 1936.

как это видно из Ялтинских соглашений, этот триумвират заложил основы мира, возникшего после 1945 года.

Во времена Ялты Гопкинс заявил Роберту Шервуду: "В глубине души мы действительно верили, что это был канун того дня, о наступлении которого мы мечтали и говорили в течение многих лет. Мы были абсолютно уверены в том, что одержали первую великую победу мира, и под словом "мы" я подразумевал всех нас, все цивилизованное человечество. Русские показали, что они могут поступать разумно и проникательно, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не оставалось сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и работать мирно так долго, как это только можно себе представить. Должен сделать к этому лишь одну поправку: мы все в глубине души боялись тех непредсказуемых событий, которые могут последовать, если что-то случится со Сталиным. Мы были уверены, что можем полагаться на его разумность, трезвость суждений и способность взаимопонимания, однако мы никогда не знали, кто или какие силы стоят за ним в Кремле..."*

В свете нашего послеялтинского опыта это заявление Гопкинса поражает своим идеализмом, трудно даже представить себе, что его сделал один из тех, кто принимал участие в Ялтинской конференции. И в этом смысле оно может послужить для нас ключом к пониманию причин, почему вместо новой эры мира конец войны возвестил начало холодной войны.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЭРЫ

17 сентября 1919 года Ллойд Джордж выступил в палате общин с речью, в которой так обосновал свою политику всемерного ослабления России и предотвращения воображаемого вторжения русских в Индию: "Давайте реально рассмотрим наши трудности. Возьмем Балтийские государства... Потом Финляндию... Польшу... Кавказ... Грузию, Азербайджан, русских армян. Кроме того, существуют Колчак и Петлюра — все это антибольшевистские силы. Почему же они не объединяются? Почему мы не можем их объединить? Да потому, что стоящие перед ними цели в основе своей несовместимы. Деникин и Колчак сражаются во имя достижения двух целей. Первая — уничтожение большевизма и восстановление в России нормального правительства. Во имя этого они способны найти общий язык со всеми силами, но вторая их цель — борьба за восстановление единой России. Так вот, не мне говорить вам, отвечает ли такая политика интересам Британской империи. Был у нас великий государственный деятель... лорд Биконсфилд, который утверждал, что огромная, гигантская, колоссальная, растущая Россия, подобно леднику неумолимо движущаяся в сторону Персии и к границам Афганистана и Индии, представляет для Британской империи величайшую угрозу, какую только можно себе представить".

Что касается Индии и сохранения Британской империи, то Ллойд Джордж безнадежно отстал от времени. Уже к тому времени борьба за освобождение Индии развернулась по всей стране и, как впоследствии показало побоище в Амритсаре, постоянно набирала силу. Кроме того,

---

* Шервуд Р. Э. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958. С. 541.

в конце марта 1919 года Ганди развернул кампанию ненасильственного сопротивления, вылившегося в упорную и длительную борьбу, которая четверть века спустя увенчалась завоеванием независимости. Одновременно на пороге независимости в то время стояла и Ирландия.

В 1880 году Достоевский предсказывал неизбежность всеевропейской войны. Он считал, что эта война станет для Европы своеобразным искуплением за многовековое угнетение народов Азии и Африки.

Европейские державы в 1914 году конечно же не ставили перед собой цель освобождения цветных народов от колониального ига; они скорее стремились произвести передел среди победителей колониальных и полуколониальных территорий. Однако те лозунги, под которыми сражались союзники, провозглашали свободу для всех народов будущего свободного и демократического мира. Эти лозунги проникли во все уголки охваченного войной мира и, по сути дела, стали символами надежд и устремлений угнетенных народов. И вскоре борьба за освобождение от иностранного господства уже велась не только в Ирландии и Индии, она охватила всю Азию, весь мир. Таким образом, движение за независимость и национальное возрождение вскоре стало явлением общемирового масштаба. Подавить это движение было невозможно, его можно было лишь сдерживать. Или усилить.

Ленин и его большевистские сподвижники открыто взяли курс на усиление этого движения, ибо их революционная деятельность и их призывы к мировой революции встретили сопротивление даже среди рабочих западных стран. В 1920 и 1921 годах второй и третий конгрессы Коминтерна приняли две резолюции Ленина, в которых провозглашалась поддержка борьбы за национальную независимость в странах Азии. К лозунгу "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" добавились слова "и угнетенные народы". В 1925 году, когда между Москвой и Токио усилился дипломатический флирт, Сталин решил подключить к антиколониальной борьбе и Японию. В интервью корреспонденту японской газеты "Ници-Ници", опубликованном в "Правде" 4 июля 1925 года, Сталин сделал следующее заявление: "...колониальные страны есть основной тыл империализма. Революционизирование этого тыла не может не подорвать империализма не только в том смысле, что империализм будет оставлен без тыла, но и в том смысле, что революционизирование Востока должно дать решающий толчок к обострению революционного кризиса на Западе. Атакованный с двух сторон — и с тыла и с фронта, империализм должен будет признать себя обреченным на гибель".

Однако у японцев были свои виды на будущее, и ответа Сталин не получил. А тем временем на помощь нарождавшемуся коммунистическому движению, организованному Мао Цзэдуном, в Китай были направлены коммунисты из Франции, России и Соединенных Штатов, а специальный университет в Баку стал готовить агитаторов и пропагандистов для работы в странах Ближнего и Дальнего Востока.

Япония после вступления в 1941 году в войну начала оказывать серьезное давление на английские и американские позиции в районе Тихого океана и стала эффективно пользоваться лозунгом "Азия для азиатов". В результате блестящих побед, одержанных Японией на первом этапе войны, ей быстро удалось создать под своим контролем национальные правительства в странах этого района (на Филиппинах в Индонезии, Голландской Ист-Индии, Сингапуре и Бирме). В конце концов Япония потерпела поражение, однако страны, захваченные в время войны Японией, настаивали на провозглашении их независимости

На мой взгляд, "антибелая" политика японцев и их лозунг "Азия для азиатов" сыграли не менее важную роль в этом освободительном процессе, чем пропаганда коммунистов и их подрывная деятельность. Коммунисты ставили перед собой совсем другую цель. Они стремились "подорвать позиции англо-американского империализма в колониальных странах с тем, чтобы обеспечить успех пролетарской революции на Западе". Японцы же намеревались установить и упрочить свое собственное господство в Китае и Южной Азии. Так или иначе, но после разгрома Японии сложилось такое положение, которое создало более благоприятные условия для быстрого и успешного продвижения коммунизма. Однако национально-освободительное движение в этих странах отнюдь не было лишь делом рук коммунистов. Существенную роль в укреплении националистических настроений в послевоенный период сыграли и национально-демократические лозунги.

18 апреля 1955 года в индонезийском городе Бандунг открылась конференция 29 стран Азии и Африки. Среди представленных на ней стран были Китай (Чжоу Энлай), Индия (Неру), Вьетнам (Хо Ши Мин), Индонезия (Сукарно) и Конго (Лумумба). Эта конференция стала событием исторического значения. На ней впервые народы бывших колониальных и полуколониальных стран провозгласили свой суверенитет и независимость. Можно сказать, что Бандунгская конференция ознаменовала конец эры белой гегемонии в мире. Началась новая эра в истории человечества. Раньше огромное большинство человечества было объектом истории, другие определяли его судьбу; теперь же человек вошел в эпоху подлинно универсальной истории. После многих веков политического паралича люди стали субъектами истории, хозяевами своей судьбы.

В развитии мира произошел новый поворот, поворот, о котором провидчески писал русский философ Владимир Соловьев в самом начале нашего века, в разгар Боксерского восстания (1900—1901 годы) в Китае против господства "белых дьяволов"; с удивительной проницательностью он описал тот мир, в котором мы живем 60 лет спустя. В августовском номере "Проблемы философии и психологии" Соловьев опубликовал письмо о Боксерском восстании, в котором, в частности, писал: "Кто в самом деле уразумел, что старого нет больше и не помянется, что прежняя история взаправду кончилась, хотя и продолжается в силу косности какая-то игра марионеток на исторической сцене? Кто понял, что наступившая ныне историческая эпоха настолько же, — нет, гораздо больше удаляется от всех наших вчерашних исторических забот и вопросов, как время великой революции и Наполеоновских войн было по существу интересов далеко от эпохи войн за испанское наследство, или как у нас в России Петровский и Екатерининский век неизмеримо перерос дни московских великих князей. Что сцена всеобщей истории страшно выросла за последнее время и теперь совпала с целым земным шаром, — это очевидный факт"*.

Соловьев не только предвидел конец эпохи европейского господства, он также предсказал, что решающую роль в истории народов Азии будет играть Китай. И действительно, если мы обратимся к прошлому Китая, ко всему тому, что ему пришлось пережить за последние десятилетия XIX века и первые десятилетия XX, мы, возможно, увидим глубокие психологические корни внешней политики Мао Цзэдуна, политики, которая под прикрытием коммунизма стремится к восстановлению былой мощи Поднебесной империи.

---

* Соловьев В. С. Собрание сочинений. Спб., 1903. Т. 8. С. 585.

За годы после Бандунга резко возросло число освободившихся народов. В короткий период времени их примеру последовало все местное население Азии и Африки, создав там многочисленные независимые государства.

Сегодня новые поколения людей стоят перед решением задач поистине сверхчеловеческих масштабов — задач создания нового образа жизни в условиях свободы и мира для всех "равноправных" народов. Это самая важная задача, решение которой требует силы воли, упорства и знания опасных зигзагов истории. Ибо, обращаясь к прошедшим годам, к миру, каким он был через 20 лет после Ялты или через 10 лет после Бандунга, мы видим, что он все еще опутан проблемами, старыми и новыми, чреватými тяжелейшими последствиями. Он все еще стоит перед все растущей угрозой великодержавной политики и перевооружения. Сегодня, как и в 1914 и в 1939 годах, мы являемся свидетелями гонки вооружений. Мы снова живем под гипнозом возможности новой мировой катастрофы. И лишь страх перед чудовищной мощностью водородной бомбы и новыми видами ракетного оружия, судя по всему, способен остановить сползание к катастрофе и спасти мир от нового взрыва смертоносной ненависти. В настоящее время мы, и не только в Европе, но и во всем мире, разделены на два лагеря, охваченных все растущей ненавистью.

В конце своей долгой жизни, которая полностью прошла в критические годы нынешнего поворотного пункта истории, я со всей очевидностью вижу, что никому не суждено уйти от ответственности за свои деяния и что за все приходится платить. Никому не уйти от ответственности за макиавеллиевскую политику, которая учит, что политика и мораль не имеют ничего общего и что все, что считается аморальным и преступным в жизни одного человека, не только допустимо, но даже необходимо во имя блага и мощи государства. Так было всегда, но так не должно быть в будущем. И если это будет продолжаться и впредь, тогда наружу вырвутся разрушительные силы, аккумулировавшиеся в глубинах бездушной механической цивилизации современного мира. Человек должен научиться жить, руководствуясь не ненавистью и жадной мщениа, а любовью и всепрощением.

Пришло время, когда люди должны превыше всего ставить завет Льва Толстого, чей моральный авторитет безоговорочно признан всем цивилизованным миром, всеми народами без различия расы и цвета кожи. Чудовищный культурный и духовный распад современного мира, писал он, свидетельство моральной слепоты и духовного краха тех, кто продолжает верить, будто человека, живущего в обществе, можно облагородить только посредством материального прогресса. Для того чтобы преодолеть современное варварство, подчеркивал Толстой, необходимо преобразование самого человека.